

# ИНГА ВЕТРЕНАЯ



ПОДАРОК СУДЬБЫ  
И ГРАФ В ПРИДАЧУ





**Подарок судьбы и граф в придачу.  
Инга Ветреная**

# Глава 1

Я, спотыкаясь, брела по улице родного города, погода соответствовала моему унылому настроению. Жизнь кончена, смысла за нее держаться нет. Дождь поливал мою голову, в которой било набатом: Как это случилось? Как я могла его потерять? Как высшие силы могли это допустить? Мой долгожданный, мой единственный, о ком я мечтала долгие годы, и не родился!

Мне, как и любой женщине, всегда хотелось семейного счастья. Поскольку внешность у меня ни разу не яркая, а скорее обычная, мужским вниманием я не была избалована. Конечно, в юности и молодости я влюблялась, и в меня влюблялись, но как-то это не совпадало. Ближе к тридцати годам целенаправленно стала ходить на свидания и «вслепую» и, так сказать, «взрячую», но каких-то серьезных отношений, а уж тем более семьи не получалось. И не могу винить в этом только мужчин, с которыми встречалась. Поскольку с моей стороны иногда возникали к ним чувства, которые можно отнести к физическим или платоническим, но чаще не было ни тех, ни других. Я не сдавалась и пыталась пробиться к их интеллекту. Но тщетно, по каким-то причинам они его тщательно маскировали. Отчаявшись, решила родить ребенка, потому что потребность любить близкого родного человека с годами только возрастала. Мои мечты о своем собственном ребенке уносили меня далеко за горизонт: вот я с яркой коляской гуляю по зеленому парку, вот играю с ним на покрывале с цветочками, потом купаю его в ванночке и целую в пяточки, учу читать, вожу в школу, нервничаю на вступительных экзаменах... В своих фантазиях я долетала до своей счастливой пенсии и внуков.

Но реальность была сурова, подходящих отцов вокруг меня было не так уж и много: коллеги, мужья немногочисленных подруг, да вот в принципе и весь выбор. Решив придерживаться народной мудрости: на чужом несчастье счастья не построишь, супругов своих подруг вычеркнула из рассматриваемого списка. Остались только коллеги.

В наше время в нашей стране в любом коллективе, где женщин, как правило, подавляющее большинство, каждый мужчина чувствует себя если не единственным, то уж точно – неповторимым (разумеется, я

исключаю вооруженные силы, хотя...). И это не зависит от занимаемой им должности, семейного положения, возраста и внешности. Они убеждены, что попытка мужчины проявить внимание к коллеге женского пола должна восприниматься ею, если не как манна небесная, то уж как бесценный подарок – это непременно, причем с восторгом и благодарностью! Объяснить такое поведение мужчин каким-то природным инстинктом, например, охотничьим, мне всегда было сложновато. Ну, согласитесь, какая охота может быть, скажем, в зоопарке, хотя это больше огород напоминает, где мужики «окучивают» всех подряд, надеясь, что какая-нибудь уж обязательно «поведется». Вот после принятия мною решения – родить ребенка – я и «повелась».

Влад был самой подходящей кандидатурой, мы вместе работали, он был женат, поэтому раньше я на его попытки ухаживать не реагировала. С супругой Влада знакома не была, поэтому совесть удалось засунуть в дальний ящик, запереть его на ключ, а ключ выбросить за тот самый горизонт, за которым и грезилось мне мое маленькое счастье. Он был неглуп, следил за здоровьем, не скрывая, что поддерживает физическую форму, регулярно посещая фитнес-зал. У него была приятная внешность, красивая улыбка, правильные черты лица и самое главное, отсутствие каких-либо физических отклонений и явных заболеваний. Тридцатипятилетний мужчина в самом расцвете сил, отлично подходивший под мои замыслы. Разумеется, его в свои планы я посвящать не собиралась, вдруг откажется от интрижки, испугавшись перспективы стать отцом. Все складывалось в соответствии с моими планами, месяц служебного романа подарил мне немало приятных мгновений, а учитывая, что каждая близость приближала меня к долгожданному малышу, я боялась потерять голову от счастья. И вот это случилось, тест показал, что я забеременела. Влад даже не знал о том, что исполнив свое «предназначение», он потерял для меня всякий интерес, и я полностью сосредоточилась на будущем материнстве. Зачем терять время на свидание урывками под телефонные звонки ревнивой супруги, если можно чудесно провести время в магазине для малышей, выбирая чепчики и крохотные носочки изумрудного цвета или присматривая кроватку или коляску для своего чуда? Избалованный женским вниманием, Влад, услышав о моем предложении расстаться, удивился, но ничуть не расстроился и вскоре переключился на новый объект для «окучивания». Это меня несколько не задело, преобладали

другие эмоции, так, я испытывала чувство удовлетворения, даже радость, поскольку поставила перед собой цель, сделала все для ее осуществления, и в этот раз у меня получилось именно так, как и было задумано. Я даже гордилась собой!

А потом я заболела. То ли это был грипп, то ли какая-то вирусная инфекция, не знаю, да сейчас это уже не имело никакого значения. Лекарства я по понятным причинам не принимала. В течение пяти дней меня мучили высокая температура и боли в желудке. На шестой день открылось кровотечение, и я попала в больницу. Я потеряла ребенка, врачи меня «успокаивали», говоря, что если бы не было выкидыша, то вероятность родить здорового ребенка после такого осложнения крайне невысока.

Подойдя к пешеходному переходу и глядя на проезжающие машины, я продолжала грызть себя. За свою гордыню я была наказана сполна. Ведь чуть ли не воровством хотела получить ребенка, а это не прощается. Тут как раз все понятно, очень больно, но понятно. Только что не так со мной в принципе, если мужа для меня до сих пор не нашлось и радости материнства опять же почему-то не для меня? С потерей еще не родившегося ребенка как-то потерялся и смысл жизни. На светофоре загорелся зеленый свет, я горько усмехнулась про себя: «Смысла нет, а жить почему-то надо», и шагнула на дорогу. Оглянувшись на визг резко затормозившей машины, я ощутила сильный удар и погрузилась в темноту.

## **Глава 2**

Очнулась я от боли. Ломило все тело, а голова просто раскалывалась на мелкие кусочки, и, казалось, что каждый кусочек пытается доказать, что он болит с наибольшей остротой и силой, еще тело слегка потрясывало, бросая то в жар, то в холод. Отчего такая боль? О! Вспомнила: пешеходная «зебра», машина! Значит, все-таки жива. Не успела решить: радоваться этому или огорчаться, снова, будто куда-то провалилась. Когда очнулась во второй раз, тело ломило, но терпимо, голова по-прежнему болела, но уже не так сильно. Я попыталась открыть глаза, но веки, будто свинцом налились. С трудом разомкнув губы, попыталась попросить воды, но произнести ничего не удалось. Вдруг почти над ухом услышала: «Миледи, миледи!». Они там совсем охренели: в реанимации телевизор смотреть? Возмущенная подобной наглостью, несмотря на боль, вновь попыталась приоткрыть

глаза. Увиденное, мягко говоря, озадачило: надо мной склонилась женщина средних лет в платье темного цвета, в белом чепчике, явно не медицинском.

- Слава Всевышним! - произнесла она и, приподняв мне голову, поднесла к губам чашку. – Уж как мы волновались! Третий день в бреду мечетесь.

Выпив немного воды, я, откинувшись на подушку, продолжала смотреть на женщину, с трудом воспринимая ее слова. Спросить, почему на ней нет белого халата, не было сил. А она, продолжая что-то причитать, вдруг вскинулась: «Лекаря же надо позвать!», а затем метнулась к двери и выбежала из палаты.

Оставшись одна, я попыталась оглядеться, других пациентов не обнаружила. Помещение мало походило на палату, хотя бы потому, что стены были обиты шелком?! нежного персикового цвета. С трудом я подняла глаза и обомлела – над кроватью был такого же цвета балдахин. Да и сама кровать мало походила на больничную койку, по стенам были развешаны странные светильники, в которых лампочки имели форму кристаллов. Где я? Вспомнив, что после столкновения с машиной у меня могут быть травмы, осторожно поднесла к лицу сначала одну руку, затем другую. Боли не почувствовала. Также осторожно пошевелила ногами, даже удалось их немного согнуть в коленях. Боли не было! Откинув одеяло, стала рассматривать надетую на меня длинную ночную сорочку из белой плотной ткани. Потратив на это последние силы, я лежала, закрыв глаза от усталости. Так, где же все-таки я нахожусь? Меня охватила паника, головная боль усилилась, поэтому я постаралась успокоиться и проанализировать ситуацию, в которую вляпалась в очередной раз.

Не успела ни того, ни другого, то бишь: ни успокоиться, ни уж тем более проанализировать. Дверь распахнулась, и вошел сухонький старичок с редкими седыми волосами, бородкой «клинышком» и в пенсне на носу вместо очков. Ну, вылитый Айболит, если бы не отсутствие на нем медицинского белого халата и шапочки с красным крестом. Одет он был необычно: поверх светлой рубашки надет какой-то старинный камзол темно-коричневого цвета. За ним семенила женщина, на которой помимо странного чепчика было длинное платье, прикрывавшее даже обувь. Пока я их растерянно рассматривала, старичок решительно подошел ко мне, оттянув поочередно веки,



проверил зрачки. Затем сам потянул мою нижнюю челюсть вниз и, попросив показать язык, наклонился надо мной и внимательно рассмотрел его. Достав деревянную трубку, один конец ее он приставил к моей груди, другой – к своему уху, и стал прослушивать мое дыхание. «Странно, вместо стетоскопа какую-то трубочку использует», - вяло отметила я про себя. Пока его действия не расходились с условным шаблоном осмотра больного, я, стараясь ничему не удивляться, терпеливо молчала, но только до тех пор, пока он ни налил в ложку какую-то жидкость и, поднеся ее к моему рту, велел мне ее выпить.

- Зачем? – мне удалось задать ему вопрос почти шепотом.

- Чтобы Вы могли уснуть, - слегка раздраженно ответил он, держа ложку, ну допустим, с микстурой, в одной руке. Одновременно другой рукой, мне показалось, уже привычно потянулся к моей нижней челюсти, чтобы открыть рот и засунуть ее туда.

А что, по его мнению, я делала уже, как выяснилось, три дня? Активно бодрствовала?

- Нет! - прохрипела, отводя его руку с ложкой, и быстро спросила: - Где я? Что произошло и кто Вы?

- Миледи, - обратился он ко мне, - Вы по-прежнему в своем замке, то есть в замке своего супруга – Его Сиятельства, – чуть запнувшись и уже теряя терпение, уточнил он, - почти три дня Вы не приходили в себя после того, как упали с лошади и ударились головой, я советую Вам ...

- Кто Вы? – прервала его, повторив последний вопрос.

- Лекарь Бернет, - после небольшой паузы ответил он, - разве Вы меня не помните? Три месяца назад я принимал у Вас роды.

- У Вас чудесный малыш, миледи, - неожиданно добавила служанка.

Тут я откровенно зависла, широко открыв глаза от изумления, попыталась что-то еще спросить, но стала задыхаться и, полагаю, в этот раз очень своевременно, отключилась.

### **Глава 3**

Я с детства любила читать, и к своим тридцати прочитала немало книг, в том числе и фэнтези. Сравнив положение, в котором оказалась с ранее прочитанными историями, мне все же непросто было допустить, что я нахожусь в другом времени или в другом мире. На это указывало еще и то, что язык был нерусский, но понимала я его, как родной.

Поначалу страх перед неизвестностью сковывал, не давал оценить ситуацию объективно. Но чем больше я об этом думала, тем больше находила плюсов, что, в свою очередь, добавляло оптимизма. На чем я в той жизни, то есть в том мире, ну не важно, остановилась? А на том, что смысл потерян. Судьба предоставляет мне второй шанс прожить новую жизнь. И ведь не просто дает шанс, а еще и делает огромный подарок - теперь у меня есть ребенок! Вот это меня действительно потрясло. Я ловила себя на том, что чем больше думаю о нем, тем больше воспринимаю этого ребенка как произведенного на свет мною, что, в свою очередь, порождало целый калейдоскоп неизведанных ранее эмоций. Паники уже не было, неизвестность не пугала, а заставляла сосредоточиться.

Поскольку последствий столкновения с автомобилем не обнаружила, то не исключено, что я и в другом теле. Мдааа... Пожалуй, называть голову «своей» было несколько самоуверенно с моей стороны. Вот в чем не было сомнений, так это в том, что голова действительно пострадала. Боль постепенно уходила, но иногда было ощущение накатившейся волны, усиливающей давление на виски.

Очнувшись в очередной раз, я не спешила открывать глаза. Мне необходима была информация о, наверное, правильно будет сказать, доноре этого тела, и я стала прислушиваться к себе с надеждой, что всплывут какие-нибудь воспоминания или я услышу голос прежней хозяйки этого тела. Удалось услышать только шорох возле кровати. Открыв глаза, не удивилась, увидев ту же самую женщину, настороженно наблюдающую за мной.

- Миледи? – произнесла она и замерла в ожидании, не решаясь больше ни о чем спросить.

- Позови, пожалуйста, лекаря, - попросила я ее, и она поспешила к двери.

Я понимала, что слухи о моем неадекватном состоянии уже начали распространяться, и их надо было, ну, если не остановить, то хотя бы минимизировать. Кто ж будет всерьез воспринимать больную на голову, хоть при этом и титулованную особу. Именно сейчас надо каким-то образом расположить к себе врача, то есть лекаря. Особого пиетета к себе с его стороны я не заметила, но зато когда он произносил «в замке ... Его Сиятельства» там явно присутствовало глубокое уважение, хотя пока не очень понятно к титулу или все-таки непосредственно к

личности Его Сиятельства. Поскольку потерю памяти я продемонстрировала – а что мне оставалось делать? - многое зависит теперь от лекаря. Ведь он может, как порекомендовать отправить меня в дурдом или монастырь - пока не в курсе, как тут у них принято, - так и посоветовать надеяться на лучшее, то бишь на выздоровление - возврат памяти.

- Доброе утро, Ваше Сиятельство, я как раз вынужден сообщить Вам ..., - подойдя к кровати, сразу же начал говорить он таким тоном, словно собирался огласить приговор.

- Господин Бернет, - перебила я его с виноватой улыбкой, - прежде всего, я хочу поблагодарить Вас за все, что Вы для меня сделали и продолжаете делать. Мы оба понимаем, что со мной случилась беда: я потеряла память, но мы также прекрасно понимаем, что при этом, я уверена не без Вашей помощи, сохранила рассудок, и Ваш опыт, и Ваша компетентность может служить твердой гарантией данному утверждению. Если в Вашей обширной практике уже имели место такие случаи, то Вы знаете, какие методы лечения следует применить к восстановлению памяти. Если же ранее Вы не сталкивались с подобным, то у Вас появилась возможность расширить перечень недугов, которые Вы успешно излечиваете, что, несомненно, укрепит Ваш авторитет среди коллег. Впрочем, я не сомневаюсь, что он и так очень высок, ведь доказательством тому служит проявление доверия к Вам со стороны моего супруга. Надеюсь, Вы не подвергаете сомнению выбор Его Сиятельства? Ведь к себе в замок он мог пригласить только одного из лучших лекарей, если не самого лучшего.

По мере того, как я говорила, лицо лекаря менялось от раздраженного до сначала удивленного, затем немного растерянного и, наконец, самодовольного и уверенного в своей непогрешимости. Последние фразы я старалась произносить особенно пафосно, чтобы не допустить даже тени сомнения в его возможности справиться с любым заболеванием.

- Наверное, я не вправе считать себя самым лучшим, - не сумев скрыть довольной улыбки, ответил лекарь, - но авторитет графа Монсервиля при дворе настолько высок, что никто не может усомниться в правильности его выбора.

Опаньки! Я, кажется, свою фамилию только что узнала. И с доктором я, похоже, на верном пути, значит, надо дожимать.

- Благодаря Вам я чувствую себя достаточно хорошо для того, чтобы немного изменить режим и позволить мне вести привычный образ жизни, окунуться, так сказать, в знакомую среду, разумеется, в соответствии с Вашими рекомендациями. Как вы считаете, не поможет ли мне это каким-то образом хотя бы фрагментарно восстанавливать память? – торопилась я закрепить наметившийся прогресс в моих отношениях с врачом.

Бернет удивленно посмотрел на меня, по-видимому, я чуточку перестаралась и что-то не то ляпнула, но увидев в моих глазах только бесконечное восхищение и преданность, снисходительно разрешил мне вести прежний образ жизни с условием, что я беспрекословно буду выполнять все его требования. Я еще раз поблагодарила его и заверила, что в данном вопросе так же, как и мой супруг, я полностью доверяю ему. Гордо вскинув голову, с чувством выполненного долга врач, наконец, покинул мою спальню.

#### **Глава 4**

Я сказала стоявшей у двери женщине, что хочу искупаться. Она поклонилась и вышла. Устало закрыв глаза, я облегченно вздохнула и подумала, что не мешало бы уже посмотреть на себя новую, то есть другую.

Вскоре в спальню вошла молодая девушка.

- Меня зовут Ангесс, теперь я – Ваша горничная, - произнесла она и настороженно взглянула на меня.

«Теперь? А раньше, следовательно, была другая? – промелькнуло в голове. Я молча кивнула, принимая ее помощь.

- Где моя прежняя горничная? – через некоторое время спросила я ее как можно равнодушнее.

Агнесс на секунду замерла, потом совсем тихо ответила:

- Вам лучше спросить об этом у дворецкого Мортина.

- Это он тебя прислал? – продолжала я.

- Да, но если я Вам не подхожу, - сразу как-то поникнув, начала она.

- Все в порядке, - быстро прервала я ее, - меня все пока устраивает.

Вслед за Агнесс я вошла в комнату для купания и стала с интересом разглядывать ее. В центре комнаты в полу было круглое углубление, наполненное водой, в котором можно лежать, откинувшись на бортик. Марта бросила в воду кристалл голубого цвета и стала

готовить принадлежности для купания. Через какое-то время она опустила руку в воду, проверяя, насколько она нагрелась, и сказав: «Все готово», - подошла ко мне, чтобы помочь раздеться.

Я лежала в воде, откинувшись на бортик, и рассматривала светильники на стенах купальни. Точно такие же я заметила и в спальне. Это были светящиеся кристаллы светло-желтого цвета, закрепленные каким-то образом на стенах. Причем, сила освещения зависела от размера кристалла. Интересно, это магия или природные кристаллы, обладающие такими уникальными свойствами? Вздохнув, пришла к выводу, что накопившаяся на данный момент информация полностью состоит из одних вопросов. Чтобы найти ответы на них, надо набраться терпения, а это не самая сильная черта моего характера. Старательно нанося шампунь себе на волосы, усмехнулась: будем посмотреть, как говорят в Одессе!

Когда выходили из купальни, я обратила внимание на то, как Агнесс прикрыла кристаллы крышечками, которые крепились чуть выше их, и таким образом «выключила» свет. Не слишком похоже на магию.

Наконец-то, мне удалось рассмотреть себя в зеркале. Я увидела стройную молоденькую девушку среднего роста с роскошными светлыми волосами и приятными чертами лица, на котором я с удивлением узнала свои серые глаза, окаймленные черными ресницами. На этом сходство, пожалуй, и заканчивалось. И в этом теле до классической красавицы я не дотягивала, ну да мне не привыкать.

Агнесс разложила на кровати нижнее белье и одежду. Я уныло смотрела на панталоны, длинные нижние юбки, корсет и платье на шнуровке, которые напоминали одежду семнадцатого или восемнадцатого веков на земле, и с грустью вспоминала свое изящное нижнее белье и удобные платья, блузки, джинсы.

Одевшись с помощью Агнесс, я в зеркале наблюдала, как она укладывает мне волосы. Было заметно, что делает это умело и с удовольствием. Результат ее усилий мне понравился, и я ей сказала об этом, в ответ она улыбнулась и как будто расслабилась, чем я и решила тут же воспользоваться:

- Проводи меня к ребенку, - попросила ее и направилась к двери.
- Вам нужно обратиться к дворецкому Мортину, - опять как-то напряженно произнесла Агнесс, опустив взгляд.

- Тогда веди меня к нему, - не останавливаясь и не скрывая раздражения, сказала я.

Происходящее мне не нравилось: допускаю, что, мне необязательно знать причину замены горничной, но с какой стати я должна обращаться к дворецкому, чтобы увидеть собственного ребенка?

Мы шли по широким коридорам со сводчатыми потолками, на стенах которых вместо факелов висели кристаллические светильники, между ними располагались старинные гобелены, на которых были изображены сцены баталий. Я с любопытством разглядывала их, пытаясь при этом запомнить дорогу. Наши шаги гулко раздавались в тишине, за очередным поворотом я увидела дворецкого. Ничуть не усомнилась в своей догадке, потому что он выглядел именно так, как его описывали в любовных романах, которых я немало прочитала в свое время: высокий седой мужчина лет шестидесяти пяти с прямой спиной и бесстрастным взглядом, направленным куда-то поверх моей головы. Он стоял перед входом в комнату, похожую на небольшую гостиную и издали наблюдал, как мы с Агнесс подходили к нему. Я остановилась в паре метров от него и посмотрела прямо в глаза. После небольшой паузы, все же встретившись с моим взглядом, он поклонился и поприветствовал меня.

- Добрый день, Мортин. Почему Агнесс не может проводить меня к ребенку? – спросила я, продолжая сверлить его своим взглядом.

- Через час наступит время обеда, а затем, если Вы не передумаете, я провожу Вас к наследнику, - холодно произнес он.

«То есть, родился мальчик, - отметила про себя, - но что значит «если Вы не передумаете», о чем это он? И с какого перепуга дворецкий практически диктует графине, что и когда ей делать? – уже откровенно разозлилась я.

- Вы. Проводите. Меня. К сыну. Сейчас, - негромко, но с угрозой в голосе говорила я, и, произнося каждое слово, делала шаг навстречу ему. Таким образом, приблизившись к нему чуть ли не вплотную, я, задрвав подбородок и сжав зубы от злости, испепеляла его взглядом. Мортин продолжал стоять, не шелохнувшись. И, когда уже я решила врезать ему, послав куда-нибудь подальше, и идти самой искать детскую, он неожиданно развернулся и произнес: «Я провожу Вас», - направился вперед по коридору. Я шла следом, пытаясь успокоиться. Мортин остановился возле одной из дверей, открыл ее и предложил мне

войти в комнату. Я медленно вошла и огляделась. Детская мало чем отличалась от моей спальни, такая же комната с узкими окнами, только кроватка-колыбель была маленьких размеров. Она стояла почти в центре помещения, возле нее сидела служанка, которая при виде меня поднялась и сделала книксен. Произнеся: «Добрый день», - я подошла к колыбели и застыла возле нее.

Ребенок спал. Он был завернут в синее покрывало, я осторожно взяла его на руки, и, не сдержавшись, поцеловала в пухлую щечку. Меня охватила буря эмоций, хотелось смеяться и плакать одновременно, хотелось кричать от переполнявшего счастья, и вместе с тем в горле стоял какой-то комок, и невозможно было произнести ни слова. Прижимая к груди свое маленькое чудо, я присела на диван и стала баюкать сына, бессвязно шепча ему какую-то чушь. Я наконец-то обрела чувство, которого была лишена в той жизни, это была нежность.

Ребенок поежился и открыл глаза, они были карие, почти черные. Я тихо засмеялась, малыш смотрел на меня и тоже улыбался, пуская при этом пузыри. Затем он стал капризничать, и я поняла, что пора менять пеленки. Положив ребенка на диван, стоящий недалеко от кровати, я стала разворачивать покрывало и пеленки, при этом поочередно целуя пальчики на маленьких ручках. Оглядываясь в поисках какой-нибудь емкости с водой, я наткнулась на выпученные глаза и открытый рот замершей рядом служанки, про которую совершенно забыла.

- Мне нужна вода, - обратилась я к ней, откладывая в сторону мокрые пеленки и продолжая улыбаться.

Она метнулась куда-то в сторону и подала мне кувшин с водой. Перепеленав сына, я продолжала ходить с ним по комнате, непрерывно бормоча ему, что он самый красивый, самый умный, самый сильный, короче, самый-самый...

Мортин смотрел на графиню и не мог поверить своим глазам. Когда он услышал от лекаря, что хозяйка потеряла память, не очень-то поверил, решил, что она опять что-то задумала. Но в этот раз он с нее глаз не спустит и постарается, насколько возможно, не потакать ее капризам.

Там, перед входом в гостиную, он стоял и ждал, когда она подойдет к нему. Он намеренно задержался с приветствием, тем самым не проявив к ней должного уважения, но она не стала ему выговаривать

капризным голосом о непочтении к ее титулу и занимаемому статусу, а после отказа проводить к ребенку, с тихой угрозой в голосе стала наступать на него. Посмотрев ей в глаза, он едва не вздрогнул, там бушевала такая буря, на пути которой лучше не становиться. И он уступил ее требованию, на просьбу это мало походило.

А сейчас Мортин растерянно и недоверчиво смотрел на графиню. Женщина улыбалась и плакала, бережно прижимая к себе ребенка, не сводила с него глаз, нежно укачивая и не замечая никого вокруг. А он вспоминал, как совсем недавно та же женщина почему-то морщилась, когда ей только напоминали о ребенке, которая отказывалась подходить к нему и раздражалась, когда тот плакал и, которая, наконец, решила бросить его. Так и не определившись, как относиться к только что увиденному, Мортин тихо вышел из комнаты.

## **Глава 5**

Когда в детскую вошел дворецкий и сказал, что привел кормилицу, я с удивлением поняла, что наступило время обеда, с сожалением передала сына в руки служанке и направилась в столовую вслед за Мортиным.

За большим столом сидели двое мужчин и женщина. В одном из мужчин я узнала лекаря, который приветливо улыбнулся мне. Второй мужчина в очках с длинными слегка растрепанными волосами рассеянно смотрел на меня. Пожилая дама примерно шестидесяти лет, седые волосы которой были уложены в высокую прическу, смотрела на меня с неприязнью. Даже в молодости ее трудно было назвать красавицей, но высокий лоб, чуть длинноватый прямой нос и узкий подбородок в сочетании с карими глазами подчеркивали ее принадлежность к аристократии. Поприветствовав всех, села на стул, который предусмотрительно отодвинул для меня Мортин. Я вопросительно посмотрела на лекаря, он понимающе кивнул и заговорил:

- Ваше Сиятельство, в сложившихся обстоятельствах, поскольку Вас представлять нет необходимости, я возьму на себя смелость представить Вам проживающую в замке тетушку Вашего мужа графиню Глорию Милн и профессора Креминга, приглашенного графом для составления древа рода Монсервиль.

Графиня поморщилась, мне стало любопытно: она не верит в потерю памяти или до такой степени я ей неприятна? Решила выяснить



это позже.

- Над чем Вы сейчас работаете, профессор? – обратилась я к Кремингу.

Он не сразу ответил, потому что сосредоточенно о чем-то думал, пережевывая пищу. Только когда лекарь окликнул его и повторил мой вопрос, он недоуменно посмотрел на меня и, увидев, что я терпеливо жду ответа, произнес:

- Изучаю древнюю историю королевства Аракас, которое на севере граничит с нашим королевством. Молодой король Аракаса снова спровоцировал межгосударственный конфликт, и вот уже пять месяцев ведутся военные действия, в которых участвует и граф Монсервиль.

Я отвела взгляд от профессора, смочила напитоком из бокала враз пересохшее горло и продолжила молча есть, обдумывая только что услышанное и ситуацию в целом.

- Довольно странно слышать от Вас подобные вопросы, Ирэйна, – с брезгливой усмешкой произнесла графиня.

И всё? Без пояснений или хотя бы едких комментариев? Как понять после такого короткого замечания, в чем странность? Имя, с которым ко мне обратилась Глория, резануло мой слух, ведь меня зовут Ирина. Совпадение? Хотя оно ничего не объясняет. Я пока решила избегать конфликтов и игнорировать выпады новоиспеченной тетушки.

Итак, мне известно: я – графиня Монсервиль, живу в замке мужа, который пять месяцев воюет с соседним королевством, у нас есть трехмесячный сын. Сама я три дня назад упала с лошади, ну вот что за невезение с транспортом и в той жизни, и в этой? При падении ударилась головой и потеряла память, последствия от удара имеются в наличии в виде шишки на затылке, а также периодических головных болей. Похоже, кроме лекаря, в версию потери памяти здесь никто не верил и делиться информацией не собирался. Остается лишь самостоятельно разобраться, как зовут сына, какие отношения у нас с мужем, чем я насолила Глории, почему так странно ведет себя прислуга, ну и по мелочи – имя мужа, что за королевство, кто правит.

После обеда, пока ребенок спал, я попросила Мортина отвести меня в библиотеку, полагая, что профессор Креминг трудится именно там. Коридор, ведущий в библиотеку, выигрышно отличался от всех уже виденных мною. По стенам его были развешены большие портреты, очевидно, предков рода Монсервиль. Подсветка из кристаллов была

расположена так, что выгодно освещала и вместе с тем каким-то невероятным образом оттеняла лица на портретах. Создавалось впечатление, что они наблюдали за мной.

Замедлив шаг, я с большим интересом рассматривала портреты мужчин и женщин в старинных одеждах, большинство мужчин были в военной форме разных эпох. Портрет тетушки Глории тут тоже был, на нем она была изображена с высокой прической из темных волос в застегнутом наглухо платье, но значительно моложе. А вот выражение лица, от которого так и веяло высокомерием, не изменилось. Я невольно задержалась у последнего портрета, где был изображен в полный рост в каких-то доспехах высокий мужчина с темными слегка вьющимися волосами до плеч. Он был похож на своих предков. Такие же резко очерченные скулы, карие, почти черные глаза, но вот его взгляд отличался: он не отпускал, притягивал. И судя по затаившейся в глазах усмешке и чуть приподнятым уголкам губ, мужчина как будто знал об этом. Подозреваю, что, как в этом мире, так и в моем, его лицо вряд ли соответствовало общепринятым стандартам красоты. Впрочем, в наше время его внешность охарактеризовали бы как brutальную.

Будто замороженная, я продолжала вглядываться в портрет. Наконец, очнувшись, поспешила за дворецким, успев заметить, как он внимательно следил за мной.

Библиотека была достаточно большая, на полках было множество книг, как в новых переплетах, так и в старинных. Были также полки со свитками, помещенными в специальные подписанные футляры для хранения. За одним из столов, на котором лежали несколько раскрытых книг, сидел профессор и что-то записывал в большую тетрадь. Писал он не гусиным пером, как я предполагала, а перьевой ручкой, периодически макая ее в чернильницу.

Просмотрев несколько корешков книг и пробежав глазами по раскрытой странице, вздохнула с облегчением – я могла читать, я понимала прочитанный текст!

Присев на кресло, стоящее по другую сторону стола, я спросила профессора, что особенно заинтересовало его в родословной графа. Он отвечал мне сначала неохотно, а потом увлекся, и его уже было не остановить. Я внимательно слушала его, не перебивая. Потом, будто вспомнив, кто перед ним, он внезапно замолчал и посмотрел на меня. Я попросила его уточнить некоторые моменты рассказа. Поняв, что мне

действительно интересно, он охотно это сделал, подробно отвечая на мои вопросы.

Королевство, в которое меня занесло, называлось Картар, вот уже тридцать лет правил им король Эдвар. Наиболее удачными годами правления считаются последние десять лет, когда полководцем армии был назначен мой муж. За этот период возвращены некоторые территории, потерянные ранее в результате войн, укреплены границы, и вот сейчас успешно ведутся боевые действия на севере королевства. Креминг показал записи о последних поколениях рода Монсервилей. Помимо текста, в записях было нарисовано дерево с ветвями. Каждая ветвь имела имя, были также приложены небольшие портреты членов семьи.

Так, я узнала, что мужчина на портрете в галерее, который так заинтересовал меня, это мой муж граф Ален Монсервиль, который в возрасте тридцати трех лет женился на восемнадцатилетней Ирэйне Торвуд, дочери графа. Там, кстати, был и мой портрет, точнее Ирэйны. Через год у них родился сын Ажан. Никаких подробностей я не обнаружила. Как истинный биограф, стараясь быть объективным, Креминг констатировал только факты, избегая излагать чьи-то домыслы, предположения и мотивы.

Я искренне поблагодарила профессора за интересную беседу и побежала к сыну.

## **Глава 6**

Решив погулять с ребенком, я совершенно упустила из виду, что детских колясок здесь нет от слова «совсем». То есть можно было положить малыша в переносную люльку и сидеть возле нее, или носить на руках. Меня это не устраивало, я решила озадачить этой проблемой управляющего и велела служанке послать кого-нибудь за ним. Вскоре ко мне подошел высокий мужчина лет сорока, одетый в белую рубашку и темно-зеленый камзол.

- Людвиг Донт к Вашим услугам, миледи, - произнес он.

Я попыталась объяснить ему на словах, как должна выглядеть детская коляска, и для чего она нужна. Он с удивлением выслушал меня, а когда я закончила, сказал, что передаст мои пожелания мастеру. Прозвучало это не слишком уверенно, поэтому я спросила:

- Ты не знаешь, кто бы мог нарисовать коляску с моих слов?

- Вилсон! – не задумываясь, воскликнул он, и, немного

стушевавшись, добавил, - если Вы не против.

- Зови! – коротко бросила я.

Реакция прислуги на любые мои слова и поступки, их неотрывно наблюдающие за мной удивленные и настороженные взгляды начинали здорово раздражать. Несложно было понять, что мое нынешнее поведение отличается от прежнего, не хотелось бы думать, что кардинально, так как последствия для меня могут быть не слишком радужными. Мне необходимо было узнать, какой была Ирэйна, чем она обычно занималась, но напрямую спросить об этом я по понятным причинам не могла. Решив для себя, что раз ничего предосудительного я не делаю, то не стоит и заморачиваться, мои странности в поведении можно списать на последствия падения или, в конце концов, на женские капризы.

Управляющий привел темноволосого подростка с карими глазами, который настороженно и, даже как мне показалось, с вызовом смотрел на меня. Он кого-то напоминал.

Я начала объяснять ему, как выглядит коляска. Он внимательно слушал меня и прямо на земле прутиком стал делать наброски, я присела на корточки рядом с ним и продолжала рассказывать. Он также молча слушал и рисовал, изредка оборачиваясь ко мне и взглядом спрашивая, правильно ли он это делал. Затем окончательный вариант коляски в нескольких проекциях он изобразил на бумаге.

- Мне очень нравится, - искренне сказала я, рассматривая рисунок, - у тебя есть способности к живописи и мне кажется, что тебе нужно учиться этому.

- Людвиг, - обратилась я к управляющему, - что можно сделать для Вилсона в плане обучения?

- Нужно сообщить Его Сиятельству, только он вправе решать подобные вопросы.

- Значит, сообщим графу, - резюмировала я.

Все это время Вилсон, слушая нас, переводил взгляд с одного на другого. После моей последней фразы он опустил глаза, а потом с усмешкой посмотрел на меня. Неожиданно для себя, я узнала эту усмешку и, уже присмотревшись внимательнее, удивилась, почему сразу не заметила сходство с портретом своего мужа.

- Спасибо, Вилсон, ты очень помог, без тебя у меня ничего бы не получилось. Позже мы с тобой поговорим о..., - запнулась я, а потом

уверенно закончила, - о многом поговорим.

Поклонившись, мальчик удалился, а Людвиг, продолжая рассматривать рисунок, проговорил:

- Я отнесу это мастеру и прослежу, чтобы работа была выполнена в кратчайшие сроки.

- Сколько бастардов в замке? – спросила я Людвига, глядя ему в глаза.

От неожиданности управляющий растерялся и замолчал. Я ждала, продолжая смотреть на него. Смутившись, он ответил:

- Трое, - при этом стараясь понять мою реакцию.

- Расскажи мне о них, будет лучше, если я узнаю их истории от тебя, - попросила я.

Как оказалось, у моего мужа – два сына одиннадцати и тринадцати лет и десятилетняя дочь. Тринадцатилетним подростком и был Вилсон. Граф в молодости пользовался услугами служанок, когда выяснялось, что девушки беременели, их выдавали замуж здесь же, в замке, дети родились от разных матерей. Две женщины – матери сыновей – жили с мужьями, в браке у них родились еще дети. А вот мать девочки быстро овдовела: ее муж погиб на охоте. И хотя о них с дочерью заботились, но все равно приходилось им трудно, спасало еще и то, что женщина хорошо шила.

- Дети знают, кто их отец? – спросила я.

- Да, знают. Никто этого никогда от них не скрывал и не скрывает, - ответил Людвиг.

- Что значит «не скрывает»? То есть им напоминают об этом? Кто же? – удивилась я.

- Другие дети, когда что-то не поделят, да бывает и взрослые иногда, - виновато произнес Людвиг.

- Приведи детей завтра ко мне, - помолчав немного, сказала я ему, - матери пусть тоже приходят.

Управляющий молча кивнул и продолжал смотреть на меня, чуть нахмурившись, будто пытаюсь понять, что я задумала.

- Скажи, Людвиг, мой супруг проявлял какой-либо интерес к обучению или воспитанию своих детей?

- Его сиятельство не давал никаких распоряжений об особом отношении к ним, - осторожно ответил управляющий.

- Если я решу что-то сделать для этих детей, могу ли я

рассчитывать на тебя?

- Разумеется, Ваше Сиятельство, - после паузы ответил Людвиг, и в его взгляде промелькнуло что-то похожее на уважение.

## **Глава 7**

Утром я решила обследовать свою спальню и обнаружила дверь в соседнюю комнату. Это была спальня супруга, от моей она отличалась размерами: комната, купальня и даже кровать были больше. Стены спальни супруга были обиты шелком темно-синего цвета. Удовлетворив любопытство, вернулась к себе.

Я попробовала размяться, и оказалось, что доставшееся мне тело очень пластичное. С удовольствием сделала несколько упражнений «на растяжку». Ночная сорочка существенно ограничивала мои возможности. Срочно нужна спортивная форма! На трикотажный купальник здесь вряд ли можно рассчитывать, но рубашку и штаны, не стесняющие движений, стоит попробовать сшить. Взяла себе на заметку позже поговорить об этом с местной портнихой.

После разговора с управляющим сначала я хотела посоветоваться с тетушкой, что можно сделать для детей. Потом подумала о том, что у нее была масса возможностей и времени для того, чтобы хотя бы попытаться помочь им, но она этим не воспользовалась, поэтому решила действовать самостоятельно.

Готовясь к обеду, я понимала, что могут возникнуть трудности, но была полна решимости осуществить задуманное.

- Господин Креминг, у меня к Вам не совсем обычный вопрос, - обратилась я к профессору, немного волнуясь. - Как Вы отнесетесь к предложению заняться преподавательской деятельностью?

Креминг заинтересованно посмотрел на меня.

- Ваши занятия будут посещать трое детей, не буду от Вас скрывать – это бастарды.

За столом стало тихо, а потом понеслось.

- Как Вы смеете? – раздался возмущенный возглас тетушки. - Ваш муж никогда не позволит этого!

- Благодарю за напоминание, что в отсутствие супруга именно я принимаю решения. И мне странно слышать от Вас, достойной представительницы рода Монсервилей, что Вы не желаете поспособствовать обучению детей, в которых, хочу напомнить, тоже течет кровь Монсервилей.

- Вы говорите возмутительные вещи! – сдерживаясь из последних сил, чтобы не перейти на скандальный визг, продолжала тетушка. - Не смейте сравнивать!

- Смею, леди Глория, смею, - перебила я ее. - Вы считаете, что кровь этих детей недостаточно чиста, чтобы принадлежать роду Монсервилей? Что ж, Ваше право. Но почему считаете недостойным заботиться о них?

Наверное, от переполнявшего ее возмущения или от того, что я посмела ей возразить, Глория ошеломленно смотрела на меня и молчала.

- А что касается чистоты крови, - продолжала я, воспользовавшись ее растерянностью, - Вы легко простили своего племянника, за то, что он, следуя Вашей логике, «испачкал» кровь своего рода, но презираете невинных детей, которые появились на свет и самим фактом своего рождения «запятнали» себя. Представители аристократии, беззастенчиво пользуясь занимаемым положением, самым наглым образом позволяют себе обвинять в своих же ошибках беззащитных людей. Очень удобно, не находите?

Последние предложения я произнесла с сарказмом, больше похожим на насмешку.

- Не Вам меня обвинять, - произнесла леди Глория. - Совсем недавно Вы отказывались заботиться о собственном сыне!

Значит, во время моей болезни за ребенком ухаживала тетушка, но что значит «отказывались заботиться»? Кажется, не слишком приятное о себе мне еще предстоит узнать.

- Я благодарю Вас за заботу о моем сыне и, какие бы разногласия не возникали между нами, никогда не забуду об этом, - примирительным тоном сказала я.

- Последствия Вашего необдуманного поступка могут отразиться на Вашем муже. Будьте готовы к тому, что общество осудит Вашу выходку, - уже с меньшим сопротивлением ответила тетушка.

- Полагаю, мой муж имеет достаточное влияние при дворе, чтобы не позволить кому-то указывать ему, тем более диктовать что-либо, - продолжала убеждать ее. – У меня, к сожалению, нет опыта, но уверена, что Вы смогли бы помочь облечь это в приемлемую форму. Если, конечно, согласитесь.

- Можете не сомневаться, без меня у Вас ничего не получится, -

выразила свое согласие пожилая дама.

- Благодарю, леди Глория.

Я посмотрела на профессора, который вместе с врачом с интересом следили за нашей перепалкой. Увидев в моем взгляде ожидание ответа на ранее заданный вопрос, он сказал:

- Я долгие годы занимался научной деятельностью и, если быть откровенным, соскучился по преподавательской работе. Поэтому, буду рад на время сменить род деятельности, полагаю, мне даже будет полезно пообщаться с детьми.

- Вы не будете возражать, если некоторые уроки я буду посещать вместе с ними?

- Пожалуйста.

- Господин Бернет, - обратилась я к врачу, - мне ведь это не может навредить?

- Наоборот, - с долей превосходства в голосе ответил он, - Вам это будет полезно.

- Бесплезная трата времени! Никакое обучение Вам уже не сможет помочь, Ирэйна, - поставила точку в нашем разговоре тетюшка.

Беседа с начальником стражи Ренке тоже сложилась удачно. Выслушав, он сказал, что самому с детьми ему заниматься некогда, но он выделит человека, который будет обучать мальчиков на специальной площадке. Он не возражал против того, что я иногда буду наблюдать, как проходят уроки, разумеется, находясь за пределами площадки.

Я сидела в малой гостиной и, немного волнуясь, ждала приглашенных. Первым вошел Людвиг, за ним потянулись остальные, они входили парами: ребенок и мать. Сначала вошел Вилсон, затем его родительница, это была крепкая светловолосая женщина с приятными чертами лица. Следом вошел одиннадцатилетний Артур, держа за руку свою матушку, было очевидно, что ведущий в этой паре именно сын. Артур был похож на брата, точнее на отца, такие же темные волосы и карие глаза.

Последними вошли Мэри и десятилетняя Герта, у обеих были зеленые глаза, только у Герты украшали темные вьющиеся волосы, а Мэри отличалась рыжей копной.

Похоже, что цвет глаз по отцовской линии передавался только мальчикам.



Я предложила всем сесть, а потом обратилась к ним, посмотрев каждому в глаза:

- Вилсон, Артур, Герта! Как вы отнесетесь к тому, чтобы начать учиться разным наукам здесь в замке?

В ответ – тишина, ну, хотя бы никто не возразил и то ладно, я продолжила:

- Я поговорила с профессором Кремингом, и он согласился преподавать вам некоторые предметы, я также договорилась с начальником стражи замка господином Ренке о занятиях с оружием для мальчиков, ну а с Гертой мы найдем, чем заняться, пока вы с мечами упражняетесь. Вот только на настоящий момент Вилсону ничего не могу предложить в плане обучения живописи, ты рисуешь пока лучше всех в замке. Так как, вы согласны?

- Но почему? – спросила Мэри, мама Герты, в глазах которой я увидела робкую надежду.

- Потому что в этих детях течет кровь Монсервилей, значит - они достойны лучшего, - твердо сказала я и снова стала ждать.

Первым поднялся Вилсон и произнес:

- Я бы хотел учиться, но мне, наверное, уже поздно.

- Учиться никогда не поздно, - ответила я избитой, но такой актуальной во все времена фразой, - я рада, что ты согласен, Вилсон.

- Я тоже согласен, я тоже хочу! – воскликнул Артур, вскочив на ноги.

Я кивнула ему, дав понять, что услышала и приняла его ответ, и посмотрела на Герту. Она тихо сидела, опустив глаза, потом выпрямилась, посмотрела сначала на мать, потом на меня и негромко, но твердо сказала:

- Я буду учиться.

- Надеюсь, ваши мамы согласны с вами? – спрашивала я детей, но при этом смотрела на их матерей.

Переглянувшись со своими чадами, те согласно закивали. Мамы мальчиков, как мне показалось, с облегчением, а Мэри – с тревогой.

- Тогда прошу вас проследить, чтобы ваши дети всегда имели возможность присутствовать на занятиях, о времени занятий Людвиг сообщит чуть позже, - обратилась я уже непосредственно к женщинам, вставая, и тем самым давая понять, что наша встреча подошла к концу.

Все пошли к двери, мальчишки при этом настороженно

оглядывались на меня, будто опасаясь, что я передумаю. В это время Мортин заглянул в гостиную, и я жестом предложила ему войти.

- Мэри, задержись, пожалуйста, - попросила я.

Она удивленно оглянулась, о чем-то тихо переговорила с дочерью и подошла ко мне. Я вновь предложила ей присесть и сказала:

- Я узнала, что ты хорошо шьешь, а мне как раз необходимо сшить кое-какие вещи. В дальнейшем тебе предстоит много работы, которая, естественно, будет оплачиваться, - при этих словах я задержала взгляд на Людвиге и, только дождавшись его согласия, которое он выразил кивком, я продолжила: - и, если ты не против, я бы хотела предложить тебе с дочерью перебраться жить в замок. Мортин подберет тебе комнату и удобное помещение для работы.

На этот раз я вопросительно посмотрела на Мортина, он также слегка склонил голову соглашаясь.

- Я не против, я согласна, - радостно заговорила Мэри, не скрывая выступивших слез, - спасибо, я буду стараться, Вы не пожалеете.

- Уверена, что не пожалею, иди, готовься к переезду.

После ухода Мэри, Людвиг и Мортин смотрели на меня и молчали. Я ничего не могла прочитать по их лицам. И управляющий, и дворецкий, слушая то, о чем я говорила Мэри, вели себя с такой выдержкой и спокойствием, будто эти вопросы были решены заранее. Ни единым жестом, они не показали, что о моих предложениях Мэри, слышат впервые.

- Сегодня вы были на высоте, я очень благодарна вам за поддержку, - искренне улыбнувшись, сказала им. Они также молча склонили головы и вышли.

Лица их были по-прежнему не читаемы, я утешала себя тем, что хотя бы раздражения не увидела. Меня порадовало, их безоговорочное согласие выполнить мои указания, не опасаясь возражений со стороны тетушки. Следовательно, я не ошиблась, полагая, что мой статус здесь выше, чем у Глории.

## **Глава 8**

Людвиг и Мортин молча дошли до кабинета управляющего. Людвиг зашел в кабинет и оглянулся, Мортин задержался, а затем, решившись, переступил порог и плотно закрыл за собой дверь.

- Ты хочешь о чем-то поговорить, отец? – спросил Людвиг.

- Ни о чем-то, а о ком-то, точнее о графине, - нехотя ответил

Мортин, - я не могу понять, что она замышляет на этот раз.

- Почему ты думаешь, что она именно замышляет? Я пока не вижу злого умысла в ее действиях, - проговорил Людвиг.

- Ты с ней не общался раньше и не знаешь, на что она способна. Когда лекарь сказал о потере памяти, я сначала этому не поверил. Но с тех пор, как она очнулась, ни разу не вспомнила о своем побеге, точнее падении с лошади, только однажды спросила у Агнесс, где ее прежняя горничная.

- Я не так хорошо ее знал до побега, то есть падения с лошади, - быстро поправился Людвиг, - мы, действительно, не общались раньше, она ни разу ни снизошла до меня. Но сейчас ее поступки хоть и удивляют, но вызывают уважение. Ты не согласен?

- Согласен, - ответил Мортин, тяжело вздыхая при этом, - для меня стало неожиданностью, что сразу после того, как лекарь разрешил ей встать, она потребовала отвести ее к ребенку и с тех пор почти не отходит от него. Это не похоже на притворство. Я не знаю теперь, что и думать.

- А что говорит лекарь? Он может объяснить такие резкие изменения в ее характере?

- Он всем доволен и твердит, что все хорошо, - усмехнулся Мортин. - Кажется, он уверен, что такие перемены в поведении графини произошли только благодаря его лечению и не понимает, чем я не доволен.

- А ты действительно хочешь, чтобы к графине вернулась память, и она стала прежней? – спросил Людвиг и внимательно посмотрел на отца, - ведь не так уж много людей знают о побеге, для большинства, даже для леди Глории – она просто упала с лошади.

- Да я и сам пока не решил. Просто не хочу снова ошибиться, и так виноват перед Его Сиятельством, - устало вздохнул Мортин.

- В том, что случилось, нет твоей вины, отец, - горячо возразил Людвиг, - никто не мог бы предугадать, что графиня бросит своего сына-младенца и мужа и попытается сбежать к другому мужчине.

Дворецкий взглянул на сына с благодарностью и вышел из его кабинета. Ему еще надо было распорядиться насчет комнаты для Мэри. Мортин вспомнил, как в гостиной графиня благодарила его и сына «за поддержку», как она выразилась. Это не было похоже на нее прежнюю, это также не вписывалось в рамки взаимоотношений между господами

и слугами, но у графини получилось сделать так естественно, что у Мортина не возникло даже мысли о нарушении субординации, и он впервые за долгое время улыбнулся.

Мы с Мэри находились у меня в спальне, она сидела за столиком и с интересом рассматривала эскиз спортивного костюма, хотя правильнее было бы сказать, попытку изобразить на бумаге брюки и майку. Я примостилась на кровати, склонившись над сыном, который пытался схватить своими ручками мои локоны, и, когда у него это получалось, издавал победные звуки, типа гуу, гыы, гаа.

- Для чего Вам такая одежда? – спросила Мэри.

- Для занятий физкультурой, то есть гимнастикой, то есть зарядкой, - запуталась я окончательно.

Мэри непонимающе смотрела на меня, поэтому пришлось сесть на пол, вытянув ноги, и наклониться вперед, пытаясь достать кончиками пальцев руки носок туфли.

- Видишь, в корсете это неудобно делать, поэтому нужна специальная одежда – форма. Неплохо было бы подобрать подходящую для нее ткань.

Мэри, кажется, поняла, улыбнулась и засобиралась к себе, чтобы немедленно приступить к работе, а я, отнесла сына кормилице и направилась к комнате, где проходили занятия. Приоткрыв дверь, я заглянула внутрь и увидела три склонившиеся головы, старательно выводящие на бумаге какие-то знаки, и профессора, увлеченно диктующего и при необходимости что-то объясняющего. С интересом наблюдая, я подождала, пока закончится занятие и вошла в комнату. поприветствовав профессора и детей, я тоже села за стол и приготовилась слушать, следующими предметами были история и география или, как ее здесь называли, картография.

Мне нравился профессор, я выразила надежду, что мы подружимся, и предложила называть меня Ирой.

- Мне приятно видеть Вас на своих занятиях, леди Ира, - улыбаясь, сказал профессор.

## **Глава 9**

Я старалась вписаться в мою новую жизнь и при этом не сломаться под грузом непривычных обстоятельств. Первоначальное недопонимание между мной и обитателями замка, казалось, было

преодолено, а с тетушкой Глорией мы соблюдали паритет. Я видела, как постепенно меняется отношение ко мне, теперь настороженность заменили любопытство и доброжелательность. Было очевидно, что во многом еще мне предстоит разобраться и дальше легко не будет, но сейчас я начинала получать удовольствие от жизни и наслаждалась каждым прожитым днем.

Два месяца пролетели, действительно, незаметно. Мэри сшила мне костюм для физкультуры, и каждое утро я занималась гимнастикой, точнее, мы с Гертой занимались. Поначалу я предложила Мэри упражняться вместе со мной, но она не решилась, а вот Герта согласилась с радостью. Для занятий использовали небольшую гостиную напротив моей спальни, из которой вынесли мешавшую нам мебель. И теперь мы вместе «вставали на мостик» и пытались сесть на шпагат.

Я всегда с удовольствием присутствовала на уроках с детьми и наблюдала, как они с каждым разом увереннее отвечали на вопросы профессора, не стеснялись задавать ему свои. К этому подтолкнула их я, когда сама спрашивала Креминга, пытаюсь как можно больше узнать о месте, в котором оказалась. Они видели, я не боялась показать, что чего-то не знала или не понимала, они также видели, как профессор не удивлялся и не раздражался, а всегда подробно отвечал на мои вопросы. Так, к примеру, узнала, что кристаллы света и тепла имеют действительно природный характер и добываются в рудниках.

Я заметила, что дети стали свободнее вести себя, общались между собой, причем не только на занятиях. С удовольствием наблюдала, с каким интересом они слушали друг друга, и понимала, что они начинали спланиваться и чувствовать себя одной семьей.

Коляску смастерили, и, гуляя с сыном, я часто наблюдала, как Горн, пожилой воин из стражи, учил Вилсона и Артура владеть мечом. У Артура явно прослеживались качества лидера, он везде старался быть первым, и на занятиях с мечом это было особенно заметно. В будущем из Артура вышел бы хороший воин. Вилсон тоже старался, но было видно, что военное дело его привлекает в меньшей степени, чем Артура.

Иногда я брала сына на руки, и мы приветствовали мальчиков, махая им, при этом я кричала «привет» или что-то вроде этого, а Ажан громко повизгивал, поддерживая меня.

С Мэри мы проводили много времени и практически подружились.

Я попеняла, что не могу вспомнить прошлое и попросила ее немного рассказать об обитателях замка. Подумав и, видимо, оценив, что я сделала для нее с дочерью и мое отношение к ним, она решилась и поделилась кое-чем. Так, я узнала, что дворецкий Мортин - отец управляющего. О муже и о себе я опасалась расспрашивать, только спросила, почему я упала с лошади: плохая наездница или что-то меня тогда напугало? Мэри говорила почему-то шепотом: в тот день я с горничной поехала на прогулку на лошадях, потом Лизи прискакала в слезах и сказала, что меня сбросила лошадь, и она не знает, жива ли я. За мной отправились начальник стражи и управляющий, а после разговора Лизи с дворецким, ее больше никто не видел. Говорили, что в наказание ее куда-то отправили.

Я понимала, что в этой истории не все так просто, слишком много таинственности вокруг внезапного исчезновения горничной. Не сомневалась, что дворецкий был в курсе всей этой истории, но спросить именно его я не решалась, во всяком случае, пока.

Как-то рассказала Мэри, какое нижнее белье я хотела бы носить и предложила ей попытаться сделать выкройки и сшить его. Набросала, как могла несколько видов трусиков и бюстиков. Мэри с удивлением и даже испугом разглядывала рисунки, потом решительно взялась за дело. Имеющаяся в наличии ткань мало подходила для задуманного, и Мэри предложила съездить на ярмарку в город, расположенный недалеко от замка. Предвидя немалые затраты, я навестила управляющего.

- Людвиг, я хочу съездить на ярмарку в город, закупить дорогой ткани для шитья, поэтому мне нужно посмотреть, сколько средств мы можем позволить себе потратить, - обратилась я к нему.

- Вы хотите проверить мои хозяйственные книги, миледи? – спокойно спросил он, хотя в голосе чувствовался холод.

- Не проверить, а посмотреть, - уточнила я, - нужно просчитать возможные варианты.

Он тут же выложил передо мной несколько пухлых тетрадей и, уступив мне свое место, встал возле стола, демонстративно уставившись в окно. Я решила не обращать внимания на эти детские обиды и открыла одну из тетрадей.

Мне, экономисту по образованию, разобраться в записях управляющего было несложно. Я не стала просматривать все тетради, а взяла только ту, в которую были занесены последние записи, мне нужно

было узнать о имеющейся в наличии сумме. В тетради велся ежедневный учет доходов и расходов, и разница между ними была в пользу доходов, причем на довольно приличную сумму.

Сравнив ежедневные расходы с имеющимися запасами, я была приятно удивлена точностью расчетов и предусмотрительностью, с которой делались закупки необходимых товаров. Закончив просматривать тетрадь, я попросила выделить для покупок достаточно крупную сумму денег, объяснив, что, возможно, столько и не потребуется, но, поскольку, я пока плохо ориентируюсь в ценах, то боюсь не рассчитать, поэтому прошу его поехать со мной.

- Людвиг, я хочу, чтобы ты был рядом, когда я буду покупать ткани, и мог посоветовать, где выгоднее сделать покупку, - убеждала я его.

- Хорошо, я поеду с Вами, - наконец, несколько удивившись, согласился он.

Поблагодарив его, я пошла к Мэри поделиться радостной новостью. Проходя мимо столовой, заметила дворецкого и подошла к нему.

- Мортин, хочу сказать, что ты воспитал прекрасного сына. Я сейчас смотрела расчетные книги и могу с уверенностью заявить, что его работа безупречна, что характеризует его как умного и честного человека. Ты по праву можешь гордиться им, - проговорила я и поспешила к Мэри.

Мортин остался стоять на месте, оглушенный услышанным, и растерянно смотрел вслед графине, пытаясь прийти в себя. Он подумал о том, что всегда гордился сыном, но вот услышать о нем такие слова было неожиданно и очень, ну просто невероятно, приятно. Глядя в окно, Мортин вдруг поймал себя на мысли, что надо бы найти то место, где графиня ударила голову, окропить его святой водой и оставить метку, чтобы любой имел возможность, ударившись здесь, преобразиться, как это случилось с графиней.

## **Глава 10**

- Леди Глория, мне необходимо съездить на ярмарку. Мы с Мэри решили кое-что сшить, нужно купить ткани. Людвиг едет с нами, - сообщила я тетушке. - Я хочу, чтобы дети поехали со мной.

- Что вам опять взбрело в голову? Если Вы едете купить ткани, зачем брать детей? – спросила Глория.

- Они ни разу не видели моря, и неизвестно, когда еще представится такой случай, - не давая ей возможности возразить, быстро продолжила: - К сожалению, не могу взять с собою Ажана, он слишком маленький для такой поездки, поэтому мы не будем задерживаться и постараемся вернуться как можно скорее. Я оставляю сына, потому что уверена, что Вы сумеете организовать самый лучший уход за ним. Вы же понимаете, что только Вам я могу это доверить.

- Удивительно, что у Вас хватило ума не брать с собой Ажана, - заметила она.

- В городе хочу нанять учителя живописи для Вилсона и учителя танцев для Герты. А для танцев нужно музыкальное сопровождение, клавесин я видела в большом зале, хотела с Вами посоветоваться по поводу игры на нем.

- Что за блажь - нанять учителей? И с каких это пор Вы стали нуждаться в моих советах?

- Я довольно часто слушаю Ваши советы. Мне жаль, что Вы считаете блажью обучать детей дополнительным дисциплинам, вдруг им это пригодится в будущем?

- Все равно Вы сделаете по-своему, - привычно ворчала тетушка, потом добавила: - Нужно нанять клавесиниста.

- Благодарю.

- Все равно никакого толка не будет от этой затеи, - сказала тетушка, как обычно оставив за собой последнее слово.

Когда я сообщила дворецкому, что собралась ехать на ярмарку, он не на шутку встревожился и стал настойчиво меня отговаривать. Я не могла понять, в чем дело.

- Мортин, я уже договорилась с леди Глорией, с нами едет Людвиг. Тебе совершенно не о чем волноваться, - убеждала я его.

- Но все закупки может сделать Людвиг, он также может нанять учителей, если Вы, миледи, ему объясните, чего именно хотите, - не желая соглашаться со мной, возражал он.

- Все уже решено, - твердо сказала я.

- В таком случае Ренке будет сопровождать Вас, - поставил он условие, уступая.

- Мне совершенно все равно, кто будет нас сопровождать, но, если ты настаиваешь – пожалуйста.

Дворецкий только вздохнул и молча склонил голову.



Выехали мы в двух экипажах, в одном были дети с Мэри, в другом – я с Агнесс. Управляющий и начальник стражи с двумя воинами сопровождали нас на лошадях. До города ехать нужно было двенадцать часов, поэтому, проехав большую часть пути, остановились на ночлег на постоялом дворе, и, выехав рано утром, через несколько часов уже были в городе.

Мы с Мэри бродили вдоль прилавков, с удовольствием рассматривая различные ткани. Выбор был достаточно большой, поэтому вскоре мы закупили все, что хотели. Благодаря Людвигу покупки были сделаны со значительными скидками, и я еще раз убедилась в его добросовестности и компетентности. Мы как раз покупали детям сладости, когда Мэри вдруг тихо вскрикнула и замерла, уставившись куда-то в сторону. Я проследила за ее взглядом и увидела молодую женщину, которая пристально разглядывала меня. Потом, испуганно взглянув на подошедшего ко мне управляющего, быстро скрылась из виду. Когда отошел Людвиг, я повернулась к уже пришедшей в себя Мэри и спросила ее: «Кто это был?». Она сделала вид, что не поняла, о ком я говорю, и медленно пошла вперед, я не сдвинулась с места. Мэри продолжала идти вдоль прилавков с товарами, пока не увидела, что я стою на прежнем месте и недовольно смотрю на нее. Управляющий вместе с начальником стражи, наблюдая за мной, тоже остановились и стали беспокойно оглядываться. Мэри вынуждена была вернуться, я подождала, пока она подойдет, задала ей тот же вопрос и резко добавила: «Не вздумай обмануть меня, не прощу!». Она на мгновение застыла, со страхом подняла на меня глаза и тихо промолвила: «Лизи». Я кивнула, и мы двинулись дальше.

Вот сейчас предоставляется возможность хоть что-то выяснить о моем загадочном падении с лошади. Для этого мне необходимо было встретиться со своей бывшей горничной и поговорить, тем более, мне показалось, что та тоже не против. Но судя по тому, как она испуганно скрылась, увидев Людвига, на помощь управляющего и начальника стражи в этом деле рассчитывать не стоит. Я пыталась что-то придумать, но в голову, как назло, ничего не приходило.

После того, как мы перекусили, отправились в порт вместе с детьми смотреть корабли. Надо было видеть загоревшиеся глаза Вилсона, когда он смотрел на море, а потом с интересом рассматривал пришвартованные к берегу и стоящие на рейде парусные суда.

- Есть ли здесь верфь? – спросила я у Людвига.

- Да, - ответил он, удивленно посмотрев на меня.

- Можно ли отвести туда Вилсона, мне кажется, что ему там будет интересно? – продолжала расспрашивать я, с улыбкой глядя на застывшего возле одного из судов мальчика.

Людвиг понимающе кивнул и, подойдя к Вилсону, что-то ему сказал. Тот радостно оглянулся на меня и закивал головой, слушая при этом Людвига. Ко мне подбежали Герта и Артур, оба были чем-то взволнованы, но старались не показать этого. Я улыбнулась, обняла их и, наклонившись, тихо спросила:

- Что произошло? Вас кто-то напугал?

- Миледи, - торопливо и также тихо, чтобы слышала только я, начала Герта, - с Вами хочет поговорить какая-то женщина, и если Вы не согласитесь, то она сказала, что больше не будет молчать, и «все узнают», - она выдохнула и продолжала: - Но Артур сказал ей, чтобы она не смела угрожать Вам, а то пожалеет.

Я удивленно перевела взгляд на Артура, слушая Герту, он, как профессиональный сыщик, незаметно оглядывался по сторонам.

- Ее зовут Лизи, - заговорил Артур, когда Герта замолчала. - Она сказала, что будет ждать Вас здесь вечером, одну.

- Но Артур сказал, что одну мы Вас не отпустим, Вы придете с нами, и она согласилась, - добавила Герта.

Я смотрела на них и молчала, потому что в горле вдруг встал ком, а в носу защипало. Покрепче прижав к себе своих неожиданных защитников, я, наконец, смогла произнести:

- Спасибо вам, но об этом никто не должен знать, понимаете?

Глядя мне в глаза, оба медленно кивнули, выглядело это, как будто они молча поклялись. План встречи с бывшей горничной, наконец, сложился в моей голове.

Из порта поехали на верфь, я видела, как Людвиг разговаривал с корабельным мастером, и тот, посмотрев на Вилсона, согласно кивнул и позвал его за собой. Договорившись заехать за Вилсаном позже, отправились в гостиницу, в которой остановились: нужно было подготовиться к завтрашнему дню, именно завтра мне предстояло выбрать учителей для Вилсона и Герты.

## **Глава 11**

Ближе к вечеру Людвиг отправился за Вилсоном. Артур и Герта

захотели еще раз увидеть море и попросили меня поехать с ними. Я, естественно, согласилась, нас сопровождал Ренке с одним из воинов. Другому пришлось остаться в гостинице с Мэри и Агнесс, которым я надавала кучу поручений.

Возле порта мы с детьми вышли из экипажа, решив пройти немного пешком. Вдруг Артур побежал в проулок между какими-то строениями, я молча метнулась за ним. В это время Герта с криками: «Смотрите, смотрите!» - побежала в противоположную сторону. Ренке, лишь ненадолго растерявшись, бросился за мной, крикнув воину, чтобы он догнал Герту.

Я свернула за угол, не успела сделать и пары шагов, как наткнулась на Артура, рядом с ним стояла Лизи. Увидев меня, она нырнула в открытую дверь, мы с Артуром сделали то же самое. С минуту все молчали, пытаюсь отдышаться, и прислушивались к шуму на улице. Лизи приподняла крышечку над маленьким кристаллом, и крохотная комната, в которой мы находились, слабо осветилась. Кроме нас, в ней никого не было.

- Лизи, у нас очень мало времени, - начала я, немного отдышавшись, - слушаю тебя.

Артур взглянул на меня, дождался моего кивка и, нахмурившись, посмотрел на Лизи. Та удивленно перевела взгляд с него на меня, не решаясь заговорить.

- Артур, - негромко окликнула я его, и он, еще раз оглянувшись на меня, осторожно вышел.

- Миледи, я не знаю, что теперь делать. Дворецкий приказал оставаться здесь до приезда Его Светлости, но я хочу уехать отсюда, а денег нет. Начальник стражи обещал упрятать меня в подземелье, как только граф вернется. Если Вы сердитесь, что я все рассказала дворецкому, так что же мне оставалось делать? Это он позвал управляющего и начальника стражи, чтобы они тоже послушали про побег. Когда лошадь споткнулась, и Вы упали с нее, я очень испугалась. Вы не двигались, я не знала, живы Вы или нет. До места, где Вас ждал виконт Плеринг, было еще очень далеко, поэтому я и поскакала за помощью обратно в замок.

Я внимательно слушала бывшую горничную и, хотя ее речь была сумбурной, кое-что начало проясняться. Во-первых, Ирэйна сбежала из замка, прихватив с собой горничную, к виконту Плерингу, встретиться с

которым они не успели. Во-вторых, знает ли этот виконт, что на самом деле случилось и почему мы не встретились?

- Лизи, - мягко прервала я ее, - после падения я три дня не могла очнуться, поэтому не все помню. Ты должна помочь мне, и тогда, обещаю, я помогу тебе. Просто ответь на вопросы, даже, если они покажутся тебе странными. Только не стоит меня обманывать, иначе никаких денег ты не получишь.

Услышав о деньгах, у горничной загорелись глаза, и она с готовностью закивала головой в знак согласия.

- Где и когда я познакомилась с виконтом Плерингом?

- В столице, куда Вы с Вашим мужем отправились через четыре месяца после свадьбы, - не задумываясь, ответила она и быстро уточнила, - на королевском балу.

- И мы сразу вступили в отношения, не опасаясь, что мой муж обо всем узнает? – с усмешкой спросила я, будто знала ответ, но решила ее проверить.

- Нет, не было никаких отношений, вы танцевали на балах, веселились. Вы рассказывали мне, что он смотрел на Вас влюбленными глазами и говорил красивые слова. Не то, что ваш муж, с которым Вам скучно, который не любил танцевать на балах и, вообще, не умел развлекаться, да еще так долго не пускал Вас во дворец. Потом виконт признался Вам в любви. Вы радовались, что хотя бы ему сумели вскружить голову и, говорили, что тоже влюбились в него.

- Что значит: «хотя бы ему»? Были и другие?

- Нет, просто Вам хотелось нравиться всем мужчинам, и чтобы они добивались Вашего расположения.

- И как мой муж относился к этому? – продолжала я, чего уж скрывать, допрашивать горничную.

- Иногда Вы жаловались, что муж смеет Вам делать замечания и мешает веселиться, - она ненадолго замолчала. – Потом муж узнал, что Вы ждете ребенка, хотя Вы очень старались, но не могли скрыть этого, и граф заставил Вас уехать из столицы и вернуться с ним в замок.

Я молчала, не зная, как реагировать на этот бред. Видимо ободренная моим молчанием, Лизи продолжала:

- Вы так плакали, так страдали, что Вам не удалось завести ни одного романа, хотя с виконтом Плерингом уже..., - она замолчала, не решаясь продолжить, я ободряюще кивнула, - целовались несколько раз.

Я еле сдерживалась, меня бесило поведение этой инфантильной идиотки Ирэйны. Не догадываясь о моей реакции, горничная, тоже дура набитая, продолжала:

- Вы стали часто ссориться с Его Сиятельством, говорили ему, что он думает только о себе, что теперь из-за него и его ребенка Вы не можете, как прежде, веселиться и танцевать на балах.

- Что насчет побега? – уже не скрывая раздражения, спросила я.

- Через месяц после родов Вы получили письмо от виконта, где он предложил Вам бежать вдвоем с ним. Вы были так счастливы, когда читали его мне...

- Довольно! – оборвала я ее. Надо было заканчивать этот разговор, от которого меня уже начинало тошнить.

- Если я тебе дам денег, что ты будешь делать? – спросила я горничную.

- Ну, мне нужны деньги на хорошую одежду, на билет на корабль, чтобы уехать отсюда, в другом месте надо на что-то жить, нужно жилье, также нужно...

- Дешевле убить тебя, - прервала я ее, достав из сумочки маленький нож – спасибо Артуру – и косясь на него, лишь иногда бросая взгляды на ее шею, как бы примеряясь. Горничная застыла с открытым ртом и с ужасом смотрела на меня. – Я дам тебе денег, хватит и на билет, и на первое время, пока не устроишься на новом месте. Если ты кому-нибудь хотя бы словом обмолвишься об этой истории, то тебя обязательно найдут. Если это будет мой супруг, то твоим домом станет подземелье, а если это буду я, то в подземелье ты не попадешь, просто не успеешь.

Я встала, бросила на стол кошелек с деньгами и, не прощаясь, вышла. За дверью стоял Артур и с тревогой смотрел на меня. Грустно улыбнувшись, я потрепала его по голове, взъерошив волосы:

- Пойдем, мой хороший, Ренке, наверное, переволновался уже.

Мы вышли к месту, где стоял наш экипаж, возле него стояли Герта и воин из охраны, Ренке не было. Воин сначала дернулся, но, увидев, что мы с Артуром спокойно подходим к ним, остался стоять возле Герты, и лишь озирался по сторонам, видимо, в поисках своего командира. Наконец, не выдержав, он громко свистнул. Через минуту или чуть больше прибежал запыхавшийся Ренке, остановился и зло уставился на меня.

- Я немного заблудилась. Спасибо Артуру, нашел меня и привел

назад. Пора возвращаться, нас, наверное, заждались, - немного рассеянно произнесла я бесцветным голосом, и мы с детьми сели в экипаж.

Мужчины вскочили на коней и поехали рядом. Герта села со мной, я обняла ее, прижала к себе и стала гладить по голове. Артур сидел напротив нас, иногда я ловила их взгляды и улыбалась им. Улыбка, видимо, была жалкой, потому что они с тревогой смотрели на меня, но беспокоить не решались. Чуть наклонившись навстречу Артуру, чтобы не слышали ехавшие по обеим сторонам экипажа всадники, я сказала шепотом:

- Спасибо вам, мы хорошо все придумали, и у нас получилось. Я этого не забуду, - и, не удержавшись, чмокнула в нос Артура, а потом повернулась к Герте и поцеловала ее в щеку.

Дети засмутились, зато перестали беспокоиться. Я неловко себя чувствовала перед Ренке за доставленное беспокойство. Следовало бы извиниться, но местный этикет вряд ли предусматривал извинения хозяина перед слугой, не демократия – не поймут. Впрочем, в той жизни любой начальник, к примеру, встав утром не с той ноги, мог накричать на подчиненного или просто наказать, не разобравшись в ситуации. Руководители почему-то никогда не считали нужным признавать свои ошибки, а извинения перед подчиненными были чем-то из области фантастики. Складывалось впечатление, что от вседозволенности и безнаказанности у начальства «крыша едет» или «корона на голову давит». Вот такая вот демократия.

После ужина, перед тем, как идти отдыхать, я все же подошла к Ренке, он как раз о чем-то разговаривал с управляющим.

- Ренке, я сегодня заставила тебя побеспокоиться. Обещаю, больше это не повторится, - я твердо взглянула ему в глаза.

Он выдержал мой взгляд и после небольшой паузы кивнул. Я посмотрела на управляющего, проговорила:

- Спокойной ночи, - и, развернувшись, подошла к лестнице.

Поднявшись на несколько ступенек, я услышала, как они не сговариваясь, одновременно произнесли:

- Спокойной ночи, Миледи.

## **Глава 12**

На следующий день мы уезжали из города, с утра проводила «собеседование» в присутствии управляющего. Я специально

пригласила Людвига и сказала ему, что найму учителей, которых он одобрит. Сперва он не соглашался, но я настаивала:

- Не хочу ошибиться в выборе, так как в случае моей ошибки впоследствии это может навредить детям.

Сначала выбирали учителя живописи, первый претендент медленно с нарочитой вальяжностью представился, потом поднял на меня взгляд, как будто проверяя, смогла ли я по достоинству оценить его. По-видимому, не разглядев в моих глазах ожидаемого восхищения, он долго и нудно говорил о своем таланте, который он, конечно, может продемонстрировать своему ученику, но передать его... При этом он снисходительно посмотрел на Вилсона, который тут же покраснел и как-то весь съежился.

- Сразу нет, - сказала я этому самовлюбленному хлыщу и указала на дверь.

Второй потенциальный педагог тоже не впечатлил, после его ухода я, немного расстроенная, уже хотела пригласить следующего, но тут ко мне подошел Вилсон и сказал:

- Миледи, мне очень нравится рисовать, но я не хочу быть художником, - он ненадолго замолчал, бросая на меня виноватые взгляды, потом, будто что-то решив для себя, выпалил, - я хочу строить корабли.

Я улыбнулась:

- Замечательно, что ты уверен в том, чем хочешь заниматься, правда, для твоей будущей профессии нужны совсем другие учителя. Но ведь рисовать ты не перестанешь? Так что полотна для рисования и краски мы все равно купим.

- Вы не сердитесь на меня? – спросил Вилсон.

- Сердиться? Нет, напротив, я рада, что ты определился с будущим, и буду по мере сил помогать, чтобы у тебя все получилось, - сказала я ему, сжав его ладонь в своей руке, и, когда он с облегчением вздохнул, попросила: - А теперь, позови, пожалуйста, Герту, нам предстоят новые испытания.

Сама же приказала Людвига привести клавесиниста. Вошла пожилая худая женщина среднего роста с прямой спиной. Она прошла к клавесину, установила ноты и замерла в ожидании, следом в зал вошел учитель танцев.

Я с сомнением смотрела на молодого человека, который мягкой

походкой с кошачьей грацией подошел и остановился перед нами. Он смерил Герту оценивающим взглядом и, видимо, не впечатлившись, остановил свой приторный, прямо сочащийся сиропом взгляд на мне. «Похоже, мнит себя великим соблазнителем, вон как быстро расставил приоритеты», - подумала я.

- Ваше Сиятельство, - слащавым голосом обратился он ко мне, - не поможете ли Вы мне продемонстрировать некоторые элементы, без сомнения, известных Вам танцев?

Я не могла ему сказать, что ничего не помню, поэтому, еще не зная, как выкрутиться из этой щекотливой ситуации, встала и медленно подошла к нему. Он произнес название танца и протянул руку. Каково же было мое изумление, когда мое тело стало двигаться, зеркально отражая движения партнера, едва зазвучала мелодия. Так произошло еще дважды: он произносил название танца, звучала музыка, и я с легкостью выполняла нужные движения. То есть, память о прошлом сохранило только тело Ирэйны! А ведь, действительно, я не испытывала никаких трудностей, например, со столовыми приборами, будто мои руки сами знали, какой прибор следует использовать в том или ином случае. Возможно, я неплохо держусь и в седле, но проверить это желания не возникало, во всяком случае, до сих пор. А вот на клавишине, по-видимому, Ирэйна не умела играть, потому что в замке я нажимала на клавиши инструмента, чтобы послушать издаваемые им звуки, наиграть что-нибудь не получалось.

Я была ошеломлена неожиданно сделанным открытием и, наверное, со стороны выглядела потрясенной, а, если точнее, ошарашенной, потому что когда посмотрела на Людвига, увидела, как он, неверно истолковав мое поведение, хмуро и недовольно смотрел на меня и моего партнера. Я подошла к нему и сказала:

- Людвиг, нам нужен аккомпаниатор, и ноты всех бальных танцев.

Он выслушал, кивнул и быстро вышел. Я подошла к Герте.

- Если ты не против, я сама буду учить тебя танцам, - предложила я ей.

Она улыбнулась, соглашаясь, и с восхищением сказала:

- Вы очень красиво танцуете.

Я засмеялась и подумала про себя: «Ну, хоть что-то хорошее досталось от прежней Ирэйны».

Управляющий договорился с Молли Велтон, той самой женщиной,



которая сопровождала на нашем «собеседовании». Родом она была из семьи торговца, который разорился, когда Молли была еще молода и не успела выйти замуж. Играла на клавесине с детства, пока его не пришлось продать за долги. С тех пор она вела очень скромный образ жизни, ютясь у родственников, которые кормили ее из милости, а, если ей удавалось подрабатывать, то хватало только на скромное существование. Она с радостью согласилась на предложение Людвига приехать в замок. И вот теперь мы возвращались, нагруженные покупками, с нами ехала Молли, так она разрешила себя называть.

Всю дорогу я вспоминала рассказ Лизи. Многие прояснились, но оставались вопросы, например, почему граф женился на этой пустышке? Влюбился? Но ведь при дворе, наверняка, были и красивее, да и граф в своем возрасте должен быть достаточно искушенным в таких вопросах. Уверена, что Мортин или Людвиг сообщили ему о побеге. И что теперь делать? Конечно, моей вины в произошедшем нет, но знаю-то об этом только я! Вдруг, Его Сиятельство захочет как-то наказать свою жену, которая сбежала, бросив собственного сына? От мысли, что меня могут отлучить от моего, теперь уже именно моего Ажана, стало страшно, и тело начала колотить дрожь. Я не смогла скрыть своего состояния от Агнесс, она забеспокоилась, предложила остановиться. Постаравшись взять себя в руки, я попросила воды и, когда отдавала пустую чашку, заметила, что как дрожит рука. Чтобы избежать вопросов, я отвернулась и закрыла глаза.

Ради сына надо налаживать отношения с мужем, знать бы еще как! Так, спокойно, Ира, не паниковать! Хотела мужа? Получи и распишись! Хороший он или не очень – это уже вторично. Главное – есть сын, к сыну прилагается муж. В данных обстоятельствах это даже не обсуждается. Если не получится наладить отношения, а после того, что натворила Ирэйна, этот вариант нельзя исключать, то нужно постараться как можно реже видаться. В конце концов, он должен большую часть времени проводить во дворце, демонстрируя свою преданность королю, а я в наказание должна оставаться в замке с ребенком, да и войны никто не отменял.

Когда мы вернулись в замок, у меня было ощущение, что возвратилась домой. Оказывается, не только я скучала по сыну, но и он скучал по мне. Служанки улыбаясь, «жаловались», что ребенок капризничал, не хотел засыпать без моих колыбельных песенок. Ну, как

колыбельных, честно говоря, я пела ему все подряд, начиная от «Спи, моя радость, усни...» до «Ой, мороз, мороз...».

- Как я понимаю, Ваша затея с учителями провалилась? – спросила тетушка, как только мы вернулись из поездки.

- Да, Вы были правы, ничего не вышло, - покорно ответила я.

- Разве Вам можно что-то поручить, если наем двух учителей стало непосильной задачей? – пыталась добить меня Глория.

- Вилсон сказал, что не хочет быть художником, а хочет строить корабли, - вяло оправдывалась я, даже не напоминая Глории, что она не поручала нанимать учителей, а, наоборот, была против, - а Герту сама буду учить танцам.

- Не слишком ли Вы о себе высокого мнения, если захотели заменить учителя? Живописи тоже Вы будете обучать?

- Я не умею рисовать, так что обучать живописи не смогу, но дело даже не в этом, - я задумалась, стоит ли говорить, но потом все же решила быть до конца откровенной, - мне не понравилось, отношение этих, так называемых учителей, к детям, они смотрели на них, как на что-то, недостойное их внимания.

- Я Вас предупреждала, и Вы не могли не понимать, что именно такое отношение их и ждет в будущем, если они попытаются нарушить границы своего сословия.

- Скорее всего, Вы правы. Но пока это в моих силах, я никому не позволю их обижать.

Тетушка пристально посмотрела на меня, но ничего не ответила, и на этом разговор закончился.

### **Глава 13**

Мы с Гертой разучивали танцы, Молли аккомпанировала на клавесине. Я пробовала привлечь на наши занятия Вилсона и Артура, мотивируя, что это может пригодиться им в жизни, но они, побывав на одном таком уроке, больше не приходили. Видимо, педагог из меня не очень хороший. Иногда мы дурачились: под мелодии, которые играла Молли, я показывала Герте танцевальные движения из моей прошлой жизни, она пыталась повторить, выходило забавно, мы смеялись. Молли всегда оставалась серьезной и четко выполняла то, о чем ее просили. Видимо, жизнь приучила ее быть незаметной, практически тенью, я оставила попытки расшевелить ее.

Леди Глория, судя по всему, в силу сложившейся привычки, часто

приходила в детскую, садилась в кресло возле кроватки и зорко следила за происходящим. Она с неодобрением смотрела, как я купаю или пеленаю ребенка. Однажды, когда слуги вышли, а я меняла пеленки, она не выдержала:

- Вы снова пытаетесь нарушить общепринятые нормы. Глупо подменять собою прислугу, она как раз для того и существует, чтобы ухаживать, в том числе, и за детьми

- Вы что, боитесь замарать свои руки, купая или пеленая собственного внука? – спросила я, задев ее замечанием.

- Каждый должен заниматься тем, что ему предназначено свыше, - высокопарно заявила тетушка.

- Мы собираемся на прогулку, не хотите пойти с нами? – не обращая внимания на ее пафосный тон, предложила я.

- Не в этот раз, - ответила она, поднимаясь с кушетки.

На всякий случай я распорядилась выносить кресло и ставить его под кроной большого дерева на полянке, где мы с Ажаном играли, сидя на большом покрывале, а чуть в сторонке, стоя за мольбертом, рисовал Вилсон.

У Ажана резался первый зуб, весь день он беспокойно вел себя, а к вечеру у него поднялась температура, и он, почти все время плакал. Я распорядилась, чтобы мне постелили на диване в детской, и почти всю ночь баюкала сына на руках, расхаживая по комнате. Под утро температура спала, Ажан уснул, продемонстрировав свой зуб мне и посетившей нас с утра тетушке. А уже после обеда, когда мы с Ажаном сидели на полянке, а Вилсон рисовал, к нам присоединилась Глория.

И вот уже который день мы с Ажаном лежали в саду на покрывале, расстеленном на траве, рядом в кресле сидела тетушка, а чуть поодаль Вилсон трудился над картиной. Я периодически затаскивала Ажана с травы обратно на покрывало, разжимала его кулачки, стряхивая с ладошек то цветочки, то жучков, которые он все время норовил засунуть себе в рот, и наблюдала за Вилсоном. Тот часто замирал, закрывая ненадолго глаза, и в это время по лицу его блуждала таинственная улыбка, потом опять открывал глаза и продолжал рисовать. Мы переглянулись с Глорией, она тоже с интересом наблюдала за мальчиком. Мне было очень любопытно узнать, что же он рисует, но я обещала Вилсону не смотреть, пока не закончит.

Наконец, он сказал, что работа закончена и очень волновался, когда

мы подошли, чтобы посмотреть на картину. Каково же было мое удивление, когда вместо пейзажа, который все время находился перед его глазами, пока он рисовал, на картине было изображено море, по которому плыло парусное судно. Мне очень понравилась работа мальчика, я похвалила его и сказала, что с нетерпением жду следующей. Глория кивнула, соглашаясь с моей оценкой. Картину повесили в детской.

Мэри с увлечением трудилась над созданием нижнего белья из тканей, которые мы приобрели на ярмарке, по моим рисункам она заказала у мастеров крючки, петельки и косточки из какого-то неизвестного мне материала. Мы с ней терпеливо делали лекала, комбинировали ткани, подбирали к каждой детали выкройку определенного рисунка. Сначала она сшила бюстгальтер и трусики из простого материала, я примерила пробный вариант и дала «добро» на пошив белья из дорогих тканей.

Естественно, мы не ограничились только нижним бельем. Я объясняла Мэри, какими хочу видеть платья, для убедительности размахивая руками. Герта, зашедшая в мастерскую к матери, внимательно слушала меня, затем взяла листок и сделала эскиз платья.

- Какая же ты умница! – похвалила я девочку, разглядывая рисунок.

Несколькими штрихами она точно изобразила то, чего не могла понять Мэри, слушая меня. С этого момента я описывала фасоны женской, мужской, детской, подростковой одежды своего времени с поправкой на этот мир, а Герта увлеченно рисовала эскизы, иногда внося свои довольно дельные поправки. Она также помогала матери делать выкройки, и надо было видеть, с какой гордостью Мэри смотрела на дочь.

Вскоре мы с сыном примеряли обновки, Герта с Мэри тоже ходили в новых блузках необычных фасонов и юбках, а мальчики с гордостью носили рубашки с воротниками на «стойке». Кажется, новый стиль пришелся всем по вкусу. Точнее, почти всем.

- Вы опять демонстрируете свою необычную одежду, и других заставляете носить такую же, - выговаривала мне в очередной раз тетяшка, увидев одетых в обновки детей. - Не слишком ли много времени Вы уделяете шитью? Мне следует напомнить Вам, что это занятие не соответствует Вашему статусу?

- Во-первых, мне и в голову не придет заставлять кого-либо носить

то, что не нравится, во-вторых, я занимаюсь этим, потому что предпочитаю создавать свой собственный стиль, а не подражать чьей-то, пусть даже королевской моде.

- Вы всерьез полагаете, что признают Ваш стиль и будут одеваться также? – не унималась леди Глория.

- Честно говоря, меня это мало волнует, - не стала скрывать я. – Не собираюсь кому-то что-то диктовать или навязывать. Главное – мне нравится и мне удобно.

- Ирэйна, а не боитесь, что над Вами будут смеяться? – в ее голосе слышалось беспокойство.

- Вы хотите сказать – завидовать? – уточнила я.

- Вы становитесь невыносимой! – воскликнула тетушка.

- О, Вы еще не видели мое нижнее белье! – не унималась я. - Вам обязательно нужно его увидеть.

- С чего Вы взяли, что мне это интересно? – стараясь скрыть любопытство, спросила Глория.

- Вам, может, и неинтересно, а мне не мешает лишний раз услышать Ваше мнение, - настаивала я. – А Вы не допускаете, что может так случиться, что я сумею поразить Ваше воображение?

Этим же вечером ждала тетушку у себя в спальне, я разложила на своей кровати комплекты нижнего белья черного и белого цветов. Мы с Мэри долго комбинировали прозрачную ткань или кружево с тонкой непрозрачной материей, и, на мой взгляд, получилось очень красивое белье.

Тетушка вошла в спальню, окинула ее быстрым оценивающим взглядом и, не спеша, подошла к постели. По мере того, как она рассматривала разложенные вещи, глаза ее расширились, а щеки наливались румянцем.

- Да это же бесстыдство! - возмущенно воскликнула она, при этом взгляд ее был прикован к черному гарнитуру. - Никто не носит ничего подобного!

Она ткнула пальцем в поразившее ее воображение белье.

- Ну, знаете ли, леди Глория! – пришла моя очередь возмущаться. – Может быть, Вам в молодости и достаточно было только взглянуть на мужчину, чтобы он оказался у Ваших ног, а я, к сожалению, не чувствую себя такой неотразимой.

- Алэн женился на Вас, какие еще доказательства Вашей, как Вы

выражаетесь, неотразимости нужны? Я повторяю, что благородная леди не может позволить себе носить это.

- Ваш аргумент прозвучал не слишком убедительно. И потом, я ничего не вижу постыдного в своем желании нравиться собственному мужу! – с вызовом ответила я.

- Ирэйна, Вы совершенно напрасно беспокоитесь о своей внешности, - сделав еще одну попытку убедить меня, произнесла доверительным тоном тетушка, - Вы прекрасно выглядите в корсете, поэтому нет никакой необходимости надевать эти вещи.

- Своим ответом Вы лишний раз убедили меня в том, что я права, - спокойно сказала я, - потому что давно уже не надеваю корсет.

Леди Глория застыла в изумлении, по-видимому, мой ответ она рассматривала не как простое непослушание, а как факт покушения на вековые устои.

- Я только напрасно теряю время, - наконец, произнесла она недовольным тоном. - Вы тратите свои силы, а заодно и средства мужа на глупости, а придумать что-нибудь действительно заслуживающее внимания Вы не в состоянии.

Я подумала, что в чем-то тетушка была права, и на следующий день предложила детям сшить для Ажана игрушки в виде зверушек. Они с энтузиазмом принялись за дело, Вилсон нарисовал детали игрушек, Герта сделала выкройки, мы вместе с ней подбирали подходящие по цвету и фактуре ткани. Даже Артур принимал участие, набивая игрушки похожим на шерсть материалом для придания им объема. Результат наших усилий привел в восторг не только детей, включая Ажана, но и взрослых. Тетушка, посетив детскую, как обычно, села в кресло рядом с кроватью Ажана. Но в этот раз она с интересом наблюдала, как Ажан, сидя в манеже, сосредоточенно трепал новые необычные игрушки.

- Леди Глория, Вам нравятся игрушки, которые сделали дети для Ажана? – спросила я ее.

- Вполне сносно, - ответила тетушка, - меня только удивляет, почему Вам не пришло в голову сделать что-нибудь подобное?

- Вообще, это я предложила детям сделать такие игрушки, - сказала я с улыбкой.

- Значит, Вы не так уж и безнадежны, - вынесла мне вердикт графиня.

## Глава 14

Через пару дней после возвращения из города, Людвиг по просьбе отца пригласил к себе в кабинет Ренке. И теперь они с Мортиным наблюдали, как начальник стражи взволнованно ходил по кабинету из угла в угол и не мог успокоиться.

- Миледи удалось исчезнуть, и я не верю, что это произошло случайно, мне показалось, что она собиралась сбежать, - говорил Ренке.

- Но она сказала, что заблудилась, - напомнил Людвиг.

- Мне трудно в это поверить. Зачем ей надо было убежать от меня? – спросил Ренке.

- Но ты сказал, что она побежала за мальчиком, - опять возразил Людвиг.

- Да, но когда я побежал за ней, она исчезла, они оба исчезли, - горячился Ренке. - Потом мальчишка мелькал то там, то здесь, мне пришлось гоняться именно за ним, потому что графини нигде не было видно, - он остановился и уже спокойнее произнес: - Девочка почему-то тоже бросилась бежать, но в другую сторону.

- Вы не находите это странным? – вступил в разговор Мортин.

- Да, - нехотя согласился начальник стражи, - мне показалось, что они это сделали специально.

- Ренке, ты ведь говорил, что графиня сама вернулась, то есть, ее нашел мальчишка, - Людвиг смотрел на него, потом перевел взгляд на отца и задал вопрос, уже обращаясь непосредственно к нему: - Если она собиралась сбежать, то зачем вернулась?

Мортин ничего не ответил.

- А вы не разговаривали с детьми? – задал он вопрос обоим.

Ренке, наконец, присел на стул и устало произнес:

- Спрашивал, конечно, да только без толку. Говорят, что просто побежали, не сговариваясь. Мальчишка сказал, что тоже графиню искал, как и я.

- Только в отличие от тебя, опытного воина, он ее почему-то нашел, - многозначительно произнес Мортин, а затем продолжил: - Я разговаривал с Агнесс и Мэри. Так вот, Мэри не сразу, но призналась, что на ярмарке она видела горничную графини, Лизи. Та узнала графиню, а вот графиня ее – нет.

- Может, она сделала вид, что не узнала? - предположил Ренке.

- Мэри уверена, что нет. Она ведь сначала не призналась миледи,

что узнала Лизи. Но графиня рассердилась, когда поняла, что ее пытаются обмануть.

- Я вспомнил этот момент! – вдруг воскликнул Людвиг и повернулся к Ренке: - Помнишь, как графиня, нахмурившись, не двигалась с места, пока Мэри не подошла к ней?

- Помню, - нехотя ответил тот, - я еще подумал, что она остановилась, потому что ей что-то или кто-то угрожает.

Людвиг и Ренке надолго замолчали.

- Я думаю, она встречалась с Лизи, - произнес Мортин, нарушив тишину.

- Но вы говорили, что горничная пропала, - недоуменно посмотрел на обоих мужчин Людвиг.

- Так и было, - сказал Мортин, - после побе... падения графини и разговора с Лизи, мы с Ренке предложили ей в этот же день уехать в город, приказав ей не болтать и ждать возвращения Его Сиятельства, потому что только он вправе решать ее судьбу. Но через некоторое время она сбежала, - при этих словах Мортин выразительно посмотрел на Ренке.

- Ну да, - вскинулся Ренке, - она разозлила меня своей наглостью, я решил припугнуть и сказал, что упрячу ее в подземелье, когда вернется Его Сиятельство.

- У тебя хорошо получилось припугнуть, - усмехнулся Людвиг.

- А как вела себя графиня, когда вернулась? - Мортин снова задал вопрос, глядя на Ренке.

- Затрудняюсь сказать, - начал тот, - когда я подбежал, еле сдерживаясь от злости, она сказала, что пора ехать таким неестественно спокойным тоном, будто мы задержались из-за меня. Я ничего не мог понять по ее лицу, мне даже показалась, что она не видит меня.

Они немного помолчали

- Ну что ж, - промолвил Мортин, поднимаясь с кресла, - нам остается только ждать приезда Его Сиятельства и не допустить исчезновения графини, хотя, мне кажется, если бы она хотела, то сбежала бы – в городе у нее была такая возможность.

## **Глава 15**

Ален

Ален покидал дворец без сожаления. Надоело мило улыбаться дамам, выслушивать «умные» речи представителей королевской свиты,



отвечать на вопросы юнцов о войне. Уже месяц, как он вернулся в столицу вместе с дипломатами после подписания мирных договоров.

Полгода длилась война с королевством Аракас. Недавно взошедший на его престол король Дариэль был молод и горяч. Он решил расширить свои владения, захватив часть земель соседнего королевства Картар, это были спорные территории. С незапамятных времен они переходили то к Аракасу, то к Картару – в зависимости от хитрости и удачливости одного из королей. Как ни странно, война, развязанная Дариэлом, была выгодна Картару. Король Эдвар решил воспользоваться ситуацией и позволил захватить Дариэлю спорные территории, а потом приказал Алену не только вернуть их, но и захватить часть земель Аракаса, ту самую часть, где были рудники, в которых добывались кристаллы света. Поняв, какую ошибку совершил, Дариэль отчаянно сражался, но войска Картара превосходили его по численности и были лучше подготовлены к военным действиям. В течение шести месяцев Ален изматывал противника, сначала изгнав его с захваченной им территории, затем вытеснив с рудников. Дариэль видел, что армия противника намного сильнее и, продолжив наступать, сможет уничтожить его армию, а это уже означает потерю королевства. Для него стало полной неожиданностью, когда Ален прекратил наступление, и вскоре в Аракас прибыли гонцы от Эдвара с предложением заключить мир и подписать соглашение о новых границах. Дариэль был вынужден согласиться отдать часть земель, чтобы не потерять все. А Эдвар решил больше не искушать судьбу, ведь его королевство становилось одним из самых могущественных, и соседние государства могли увидеть в этом угрозу для себя.

Обычно раньше, после долгих месяцев, проведенных в походных условиях, жизнь во дворце в собственных покоях доставляла Алену удовольствие. Почести, награды, расположение короля, пристальное внимание противоположного пола – все это приносило если не радость, то чувство глубокого удовлетворения. Но только не в этот раз. По приезде во дворец, как обычно, его ждали письма из замка. Прочитав письмо от дворецкого, в котором сообщалось, что его молодая жена, оставив трехмесячного сына, но прихватив служанку, пыталась сбежать к виконту Плерингу, но по дороге упала с лошади и ударилась головой. Мортин писал, что графиня плохо себя чувствует, а доктор утверждает, что она потеряла память. Ален был взбешен. Он заметался по комнате,

сжимая и разжимая кулаки от бессилия и мотая головой, будто стараясь сбросить с себя навалившуюся тяжесть. Его первой реакцией было найти этого жалкого Плеринга и свернуть ему шею, но самое обидное, что он не знал, кто это. Ален пытался вспомнить лица тех придворных хлыщей, с которыми флиртовала его жена, но кто из них Плеринг даже представить не мог. Спросить об этом напрямую равносильно было тому, чтобы признать себя рогоносцем. Ален застонал, ярость разрывала его изнутри. Он подумал о жене, вспомнил ее восторженный взгляд при знакомстве, на который он повелся, как последний болван, и полный ненависти, когда они виделись в последний раз. Ему хотелось крушить все, что встречалось на пути, чтобы избавиться от переполнявшей его злости. Он отшвырнул в сторону оказавшееся под рукой кресло и запустил графином с вином в дверь.

- Ваше Сиятельство! - услышал он сквозь пелену гнева. Ален обернулся и увидел перепуганного слугу, стоявшего у двери и, видимо, не решавшегося войти.

- Принеси вина! - рыкнул он, еще не придя в себя. Потом сел в уцелевшее кресло, стараясь успокоиться. Ему надо быть сдержаннее и не давать повода для сплетен, он понимал, что, если узнают об измене жены, он станет посмешищем. Ален не придавал значения сообщению, что графиня после падения плохо себя чувствует. «Еще бы, - горько усмехнулся, - не удалось сбежать к любовнику от ненавистного мужа, какая жалость!». Как же он мог так ошибиться? Откинувшись на спинку кресла, погрузился в воспоминания.

Ален с небольшим эскортом направлялся инспектировать границу в западной части королевства. Они, как обычно, остановились в замке графства, расположенного недалеко от границы. Замок принадлежал графу Торвуд, это был обедневший род, нехватка средств проявлялась во всем: от убранства замка до скудного питания. Граф представил Алену свою восемнадцатилетнюю дочь. Она была стройной девушкой среднего роста, не красавица, но достаточно миловидная. Ирэйна смотрела на него сияющими глазами, не скрывая своего восхищения. Ален привык, что молоденькие девушки и женщины постарше заглядываются на него с интересом или расчетом. Но в глазах Ирэйны он увидел обожание, это было необычно и льстило ему. Он стал присматриваться к ней, и та все больше нравилась ему. Ирэйна светилась от счастья, заметив его интерес к себе, и теперь в ее глазах он

увидел не только восхищение, но и ожидание чуда. Ален решился и сделал ей предложение.

После свадьбы он привез ее к себе в замок. Через месяц Ирэйна стала интересоваться, почему муж не хочет ехать вместе с ней в столицу представить ее ко двору. Ален с улыбкой успокаивал молодую жену, обещая, что сделает это в ближайшее время, но с каждым днем просьбы становились настойчивее, часто сопровождались слезами и больше стали напоминать требования. Восторг и обожание в глазах сменились обидой и раздражением.

Только когда оказались во дворце и стали посещать балы, Ален заметил, что у жены снова заблестели глаза, что прежнее недовольство сменилось восторгом и обожанием. Только эти взгляды теперь предназначались не ему, а всем мужчинам, оказывающим хоть малейший знак внимания Ирэйне. Сначала он снисходительно относился к этому: живя в провинции, она была лишена радостей и удовольствий столичной жизни. Он надеялся, что жена быстро насытится этим и успокоится. Но вскоре ее поведение уже не стало казаться ему таким безобидным.

- Ирэйна, Вы ведете себя вызывающе, - попытался поговорить с женой Ален, войдя как-то к ней в спальню после очередного увеселительного мероприятия.

Раскрасневшаяся, еще не отошедшая от суматохи бала, она сидела перед зеркалом и любовалась своим отражением.

- Я всего лишь танцую и веселюсь, - нисколько не смутившись, ответила она. - Разве я виновата в том, что нравлюсь мужчинам?

- А разве я должен напоминать, что Вы замужем, и в Вашем положении легкомысленность неуместна? - стараясь сдерживаться, продолжал Ален.

Ирэйна застыла и испуганно смотрела на мужа. Ален нахмурился, ему показалось, что она что-то скрывает. Ее испуг длился недолго, вскочив на ноги, она обернулась к нему и, заламывая руки, зарыдала:

- Я столько лет мечтала носить нарядные платья и дорогие украшения, бывать во дворце, вращаться в свете, нравиться мужч., - она лишь на мгновение замолчала, поняв, что сболтнула лишнее, но тут же, еще громче, запричитала: - И Вы, скучный, черствый человек, хотите лишить меня всего этого?

- Разве Вы не благодаря мне имеете все, что Вам так нравится? -

холодно спросил Ален, он по-новому смотрел на свою молодую «наивную» жену.

- Вы не вправе упрекать меня! - взвизгнула Ирэйна. - Я все это заслужила!

- Хотелось бы услышать чем? – не удержался от насмешки Ален.

- Вы...Вы никогда не могли оценить меня по достоинству, Вы даже не понимаете, как Вам повезло со мной. Вы злой и жестокий, Вы не можете запретить мне..., - уже откровенно истерила супруга.

Ален не мог больше слушать эту чушь и вышел из спальни жены. Ночью, один, лежа в постели, он вспоминал разговор с женой и с удивлением понял, что был для нее лишь средством вырваться из глуши и нищеты и попасть в круг приближенных к королевскому двору, что она с обожанием смотрела на него, как на счастливый билет в мир удовольствий. Признать это было неприятно, но Ален всегда был честен перед собой, он подумал, что пора возвращаться в замок.

На следующее утро вошел в спальню жены, чтобы сообщить ей о своем решении и увидел ее склонившейся над тазиком, при этом она издавала характерные звуки. «Так вот что ее вчера испугало, - догадался Ален, - думала, что я узнал о ее беременности», вчера, заговорив о «положении», имел в виду всего лишь ее статус замужней женщины. «Все к лучшему, - с усмешкой подумал он, - теперь нет повода устраивать скандал». Но и на этот раз ошибся.

- Собирайтесь, завтра выезжаем. Надеюсь, теперь понимаете, что оставаться во дворце Вы не може..., - не дав ему договорить, жена начала кричать и швырять вещи, но Алена больше это не задевало.

В замке после возвращения из столицы поведение жены стало просто невыносимым, поэтому Ален старался избегать ее общества. Ему нужно было покинуть столицу, чтобы создать иллюзию у Дариэля, что о замыслах молодого короля неизвестно, что войска Картара не подготовлены к военным действиям, и отсутствие при дворе главнокомандующего лишь служит тому подтверждением. А когда на границе стало беспокойно и потребовалось его присутствие, Ален с облегчением покинул замок. Потом пришло сообщение о рождении сына, и у него появилась надежда, что теперь, когда Ирэйна стала матерью, она изменится, и их семейная жизнь наладится.

Но случившееся было для него неожиданным ударом. Эта женщина разбила все его надежды, она предала его! Алена переполняла

ненависть к своей жене и жажда мести. Пока еще не знает как, но он обязательно отомстит, заставит страдать ее так же, как страдает сам!

Перечитав еще раз письмо от Мортина, Ален, наконец, отключив эмоции, заставил себя сосредоточиться. Прежде чем что-то предпринимать, нужно было добыть информацию об этом виконте, узнать, известно ли что-нибудь о побеге здесь, в столице. Для этого надо было окунуться в светскую жизнь с ее интригами и сплетнями.

## **Глава 16**

Ален

Первой, кого он встретил во дворце на следующий день, была графиня Элина Терваль, одна из первых красавиц при дворе, недавно овдовевшая молодая женщина. За графа Терваля Элина вышла замуж в восемнадцать, ее мужу к тому времени исполнилось шестьдесят два года. Появившись при дворе, своей красотой она привлекла внимание многих молодых и немолодых мужчин, но сама не скрывала своей симпатии к Алену, которого король недавно назначил главнокомандующим, он был не намного старше ее. Сначала Ален не отвечал на знаки внимания, оказываемые Элиной, но та была настойчива, и граф позволил себе интрижку. Позже он пожалел об этом, графиня Терваль не пыталась даже скрыть связь с ним, напротив, она открыто демонстрировала ее, казалось, ей нравилось шокировать публику. С самого начала Алена раздражали навязчивость любовницы, ее абсолютно необоснованная ревность, желание контролировать каждый его шаг. При первом же удобном случае он хладнокровно сообщил ей, что она его больше не интересует и, не обращая внимания на посыпавшиеся упреки, спокойно ушел. На следующий день по заданию короля он отбыл на границу и попросту, как мусор, выбросил ее из головы.

- Добрый день, графиня, - сдержанно поздоровался с ней Ален, поцеловав протянутую руку. - Вы все также прекрасны, - нисколько не преувеличивая, проговорил он дежурный комплимент. Элина действительно мало изменилась за эти годы, черные волосы вьющимися локонами обрамляли лицо, на котором выделялись большие зеленые глаза. - Не ожидал увидеть Вас в это время, для светских развлечений еще довольно рано.

- Добрый день, граф, - приветливо улыбнулась Элина, - Вы правы, для развлечений еще не время, но, мой дорогой, Вы совсем не

посещаете светские мероприятия и не даете возможности встретиться с Вами, – она капризно надула губки и взглянула на Алена из-под длинных ресниц. - Я подумала, что могу увидеть Вас здесь в это время и, как видите, не ошиблась.

- Вы преследуете меня, графиня? – полушутя спросил Алэн.

- Вы так долго отсутствовали, и Вам, возможно, будет интересно встретиться со старыми друзьями и узнать новости, - проворковала Элина.

«Меньше всего от тебя хотелось бы мне узнавать любые новости, - подумал Алэн, - ну да надо же с чего-то начинать».

- Как раз сегодня я собирался отдохнуть и повеселиться, - произнес он вслух, - так что встреча со старыми друзьями вполне возможна. А сейчас прошу простить – дела.

- Конечно, я понимаю, но надеюсь, что мы увидимся вечером, - торопливо проговорила Элина, провожая тоскливым взглядом бывшего возлюбленного.

Десять лет назад Элина допустила ошибку, пытаясь давить на Алена, чтобы привязать к себе. На других мужчинах это срабатывало, а вот с ним вышла осечка. Когда он сказал, что она ему не интересна и ушел, графиня не поверила. Отчаянно стала кокетничать с мужчинами, не особо загружая себя мыслями о репутации, меняла партнеров, стараясь вызвать у него ревность, но Алэн не реагировал. Граф вообще ее не замечал! Элина не могла с этим смириться и, когда умер муж, и ее положение при дворе изменилось, стали реже приглашать на светские мероприятия, она решила, что пора брать реванш и становиться графиней Монсервиль. Новость о том, что граф женился, не остановила ее, лишь еще больше разозлила. Она разберется с его женой, и тогда граф от нее никуда не денется. Больше она не допустит ошибок, теперь все будет по-другому.

Алэн выслушал последний доклад и закончил совещание. Подчиненные почти разошлись, когда в кабинет вошел Торин. Увидев друга, Алэн радостно улыбнулся и пошел ему навстречу, чтобы поприветствовать. Они обнялись, а затем, сев за стол с улыбкой рассматривали друг друга. Граф Торин Ривган был таким же высоким, как и Алэн, но на этом внешнее сходство между друзьями заканчивалось. У Торина были волнистые светло-русые волосы, голубые глаза и прямой нос с тонкими крыльями. Его голубые, как

небо, глаза свели с ума немало женщин. Он был стройным с хорошо развитой мускулатурой, потому что по-прежнему боролся на мечах, хотя чаще в дружеских поединках. При этом Торин с его кошачьей походкой производил впечатление мягкого покладистого человека, но Ален знал, что это обманчивое впечатление, помнил насколько жестким и непримиримым тот может быть. Торин был ровесником Алена, они вместе начали обучаться воинскому делу, но потом Торин увлекся дипломатией и впоследствии выбрал именно этот путь. Однако, это не помешало им и дальше дружить.

- Ален, меня не было чуть больше года, но за это время ты успел жениться и стать отцом! – широко улыбаясь, упрекнул Торин. - Ты специально ждал, пока я уеду?

- Так уж получилось, - грустно улыбнулся Ален.

- Значит, ты все-таки встретил свою единственную? – спросил Торин и осекся, увидев, как резко изменилось выражение лица у друга.

Тот, сжав зубы и сощурив глаза, старался не встречаться взглядом с Торином и смотрел куда-то в сторону. Старый друг напомнил Алену их давний спор. Торин тогда утверждал, что жениться надо как можно позже, чтобы поменьше мучиться, будучи в браке. Семейная жизнь не может сделать мужчину счастливым, потому что все женщины одинаковы. Ален смеялся и соглашался с тем, что не стоит рано жениться, но все-таки надеялся встретить ту единственную, с которой будет счастлив в семейной жизни.

- Ты оказался прав, друг, все они одинаковы, - посмотрев Торинову в глаза, горько усмехнулся Ален.

Торин больше не задавал вопросов, только с беспокойством смотрел на друга.

- Я сегодня иду на светское мероприятие, не хочешь составить мне компанию? – спросил Ален после небольшой паузы. - Только со мной веселиться вряд ли получится.

- Конечно, я пойду, и тебе не стоит беспокоиться, на этих вечеринках уже мало кому удастся повеселиться, в основном, все скучают, - пошутил дипломат, снимая возникшее напряжение.

## **Глава 17**

Ален

Вот уже более получаса Торин наблюдал за другом. Они вдвоем не спеша обходили зал по периметру, непринужденно раскланивались со

всеми и холодно улыбались, иногда перебрасывались ничего не значащими фразами. Ален внимательно прислушивался ко всему, о чем беседовали, но не участвовал в разговорах. Иногда они ненадолго задерживались возле какой-нибудь группы людей, в которой обсуждались новости, или, что было чаще, сплетни. Торин понимал, что Ален пытается что-то услышать, но не мог понять, что именно. Он хотел помочь другу, поэтому решил спросить:

- Ален, о чем или о ком нужно узнать? Если мы разделимся, то вероятность услышать то, что тебе требуется, повысится вдвое.

Ален застыл, раздумывая, о чем можно рассказать Торину. Он доверял другу, но признаться в том, что его жена хотела сбежать к любовнику, не решился.

- Добрый вечер, господа, - с радостной улыбкой приветствовала их подошедшая графиня Терваль, избавив Алена от необходимости отвечать, - рада, что встретила вас здесь, - и, не давая им возможности сказать хоть что-то, тут же обратилась к Алелу: - Ален, Вы не могли бы уделить мне немного времени? Как давним друзьям, нам есть о чем поговорить. Надеюсь, граф Ривган извинит нас?

Элина не отрывала глаз от Алена, лишь мельком взглянув на Торина. Тот наблюдал, как друг недолго раздумывая, с извиняющейся улыбкой бросил ему: «Я скоро вернусь», - и подставил Элине локоть. Лишь на мгновение графиня показала, что ее задела сказанная мимоходом Аленом фраза - обиженно поджала и без того тонкие губы, но быстро исправилась, и вновь стала мило улыбаться.

Торин помнил графиню Терваль. С детства он был очень наблюдательным и быстро научился разбираться в людях, что впоследствии помогло ему сделать карьеру дипломата. Элину он отнес к разряду «хищниц» еще в молодости, когда Ален увлекся ею. Зная характер друга, Торина не удивило, что их интрижка продлилась недолго. Как и многих других мужчин, Элина пыталась очаровать и Торина, но в отличие от остальных ей это не удалось. Ей было достаточно лишь единожды встретить холодный презрительный взгляд этих голубых глаз, и она сразу оставила свои попытки.

- Я слышала, у Вас родился сын, - говорила Элина, доверительно прижавшись к Алелу, - примите мои поздравления. Как чувствует себя Ирэйна?

- Разве Вы знакомы с моей женой? – удивленно спросил Ален.



- Нас представили в тот ее приезд во дворец. Мне показалось, что ей здесь понравилось.

- А найдется кто-то, кому здесь не нравится? – насмешливо продолжил он.

- Нет, конечно, нет, - смешалась графиня, - просто я подумала, что после того, как она побывала здесь, в замке ей скучно, то есть одиноко.

Элина мельком взглянула на Алена, пытаясь определить его реакцию на ее слова, она боялась ошибиться. Граф ничего не ответил, он молча ждал продолжения.

- Я бы хотела поближе познакомиться с ней, даже подружиться. Если Вы позволите, конечно, - закончила она, останавливаясь и глядя на Алена умоляющим взглядом.

- Ваша забота о моей супруге умиляет меня, - насмешливо ответил Алена, - обещаю подумать над тем, что Вы сказали.

Сначала предложение Элины показалось ему абсурдным: пригласить бывшую любовницу домой. Но чем больше он думал об этом, тем больше ему это нравилось. Это будет его мстью жене. Он отвергнет Ирэйну, но возобновит свои отношения с Элиной в собственном доме на глазах у жены. Он заставит ее испытать те же чувства, ту же боль, которые мучили его с тех пор, как узнал об измене. Ему доставит удовольствие наблюдать, как она страдает.

Алена повеселел, можно было отправляться домой. Остаться столько времени в столице, а не рваться к молодой жене после столь длительной разлуки, объясняя это делами государственной важности, было не слишком дальновидно и могло вызвать ненужные толки.

Алена с Ториним побывали еще на нескольких вечерах, также неспешно прогуливаясь по залу и прислушиваясь к разговорам. Торин больше ни о чем его не спрашивал, потому что знал: тот ему расскажет, когда будет готов к этому.

- Я хотел бы пригласить тебя погостить к себе в замок, - сказал Алена и, посмотрев Торину в глаза, добавил, - с нами едет графиня Терваль в сопровождении тетушки.

Торин внимательно смотрел на друга:

- Буду рад снова побывать в твоём замке, - ответил он с улыбкой.

Алена с облегчением выдохнул, он и сам не заметил, что ждал ответа друга, затаив дыхание.

## **Глава 18**

Ирэйна

Известие о том, что граф возвращается, мы получили за два дня до его приезда. Мне об этом сообщил Мортин.

- Он едет один? – спросила я его.

- Нет, с ним придут гости: мужчина и две дамы.

- Уверена, ты успеешь все подготовить.

- Разумеется, - поклонился дворецкий.

Весь следующий день я обдумывала, как лучше вести себя с мужем.

Что я знала о графе? Его мать умерла, когда ребенку было пять лет. Младшая сестра отца Алена леди Глория, будучи замужем за графом Милном, рано овдовела и, вернувшись в родовой замок Монсервилей к брату, заменила мальчику мать. В семнадцать лет он потерял отца, оставшись вдвоем с тетушкой, учился военному делу и в двадцать три года, отличившись в одном из сражений и зарекомендовавший себя, как хороший стратег в нескольких операциях, был назначен главнокомандующим королевской армией. Его успехи на военном поприще впечатляли, и, видимо, не только меня, поскольку был приближен к королю и пользовался доверием Его Величества. Почти полтора года назад женился, родился сын, которому на данный момент исполнилось полгода. И что можно выжать из этой информации? Напрягали меня еще и прибывающие гости. Знакомы мы были раньше или нет? Известно ли им о побеге? Короче, я, как в анекдоте о Штирлице была близка к провалу. Так ничего толком и не придумав, вспомнила подход к ситуациям подобного рода в прошлой жизни: будем решать проблемы по мере их поступления. Поэтому стоило хотя бы выспаться, чтобы завтра хорошо выглядеть.

Я стояла на верхней ступеньке лестницы перед входом в замок и смотрела на приближающуюся процессию: два экипажа сопровождали несколько всадников. Впереди ехали двое мужчин, богатая одежда которых выгодно выделяла их из всех остальных. В одном из них я сразу же узнала мужа, его внешность отличалась от портрета, но ненамного.

Мужчины соскочили с лошадей и стали подниматься по лестнице. Я смотрела на мужа, а он, шагая по ступенькам, пристально разглядывал меня.

Я не сомневалась в том, что хорошо выгляжу. На мне было

голубое шелковое платье, оттенок которого подчеркивал цвет моих глаз. До талии платье было облегающее, с неглубоким вырезом. Корсет я не надела, но зато новенький бюстгальтер выгодно подчеркивал мою грудь. Низ платья был немного присборен на талии, и ткань плавно стекала от пояса по бедрам вниз. Приспособления, делающие юбку пышной, я давно уже не использовала из-за неудобства, они мешали двигаться, да и красота юбки с ними была сомнительна. Мои волосы служанка забрала назад и уложила в красивую прическу, лишь отдельные локоны, «выскользнув» из нее, касались шеи и груди.

Я смотрела на приближающегося мужчину, и мне нравилось то, что я видела: статная фигура, уверенная походка, карие глаза под нахмуренными бровями, прямой нос, плотно сжатые губы, на которых я невольно задержала взгляд. Он остановился на ступеньку ниже меня, но все равно смотреть на него приходилось снизу вверх. Я оторвала взгляд от его губ и посмотрела в глаза. Там плескалась ненависть. Все больше хмурясь, Алэн сверлил меня взглядом. Меня не испугал этот взгляд, может, я была готова к чему-то подобному, может, так и не смогла принять поступок Ирэйны, как собственный и не переносила эту ненависть на себя, и еще мне показалось, что за ненавистью проглядывает боль. Я, приветливо улыбаясь, как можно мягче, произнесла:

- Я рада приветствовать Вас дома. Надеюсь, дорога была легкой?

- Благодарю, - почти не разжимая губ, ответил муж, все также пристально всматриваясь в меня. За его спиной раздалось деликатное покашливание, и Алэн, будто очнувшись, отступил в сторону и представил спутника: – Мой друг граф Торин Ривган, - а затем меня: - графиня Ирэйна Монсервиль, моя жена.

- Для друзей я - просто Торин, - чуть склонив голову, произнес молодой мужчина с приятной внешностью и легкомысленной улыбкой, которая никак не вязалась с его острым изучающим взглядом.

- В таком случае, Вы можете называть меня Ира, - сказала я, решив быть гостеприимной, тем более Торин мне понравился.

Алэн дернулся и, казалось, еле сдержался, чтобы не прибить меня прямо на лестнице. Что его так возмутило, не успела понять. Посмотрев вниз, я увидела двух женщин, которым слуги помогли выбраться из экипажей. Красивая брюнетка в пышном платье, с почему-то не удивившем меня большим декольте, стояла перед лестницей и

оценивающим взглядом рассматривала меня с головы до пят. Судя по поджатым губам и недовольному взгляду, увиденное ей не слишком понравилось. «Значит, неплохо выгляжу», - отметила я про себя. Она подождала, когда к ней подойдет Ален и предложит свою руку, и после этого стала медленно подниматься, придерживая подол пышного платья.

- Добрый день, рада приветствовать Вас в нашем замке, - сказала я, когда «мисс ничего не скрывающее декольте» остановилась передо мной.

- Я тоже рада видеть Вас снова, - многозначительно произнесла она.

Я молча смотрела на нее, женщина мне не нравилась, ни ее фальшивая улыбка, ни то, как она вцепилась в рукав моего мужа.

- Вы меня не помните? – со снисходительной улыбкой спросила она.

- А должна? – задала я вопрос, вернув ей улыбку.

- Нас представляли на королевском балу, - сказала гостья, немного растерявшись.

- Вы всерьез полагаете, что я должна помнить всех, кого мне тогда представляли? – с нескрываемой усмешкой спросила ее.

- Графиня Элина Терваль, - наконец-то соизволил представить ее мне мой муж, до этого внимательно наблюдавший за нами, и, повернув голову к графине, представил меня, - графиня Ирэйна Монсервиль, моя жена.

Я перевела взгляд на пожилую женщину, стоявшую за спиной графини.

- Виконтесса Нортель, моя сопровождающая, - торопливо представила она женщину.

- Ваше Сиятельство, - обратилась я к Ривгану.

- Торин, - быстро поправил он меня.

- Торин, - улыбнувшись ему, повторила я, - не будете ли Вы так любезны проводить графиню Терваль в дом?

- С удовольствием, - еще шире улыбнулся он и подошел к Элине и ее родственнице.

Той ничего не оставалось делать, как отцепиться от моего мужа и опереться на руку Торина, другую он подставил виконтессе Нортель. Я с легким упреком посмотрела на Алена, стараясь не обращать внимания

на исходящие от него волны негатива. Его удивил мой поступок и, казалось, он еще не решил, как к этому отнестись. Видимо, так и не определившись, подставил мне свой локоть, я осторожно положила руку, и мы, наконец, вошли в дом.

## **Глава 19**

Ален

Ален злился на жену. Он не мог прийти в себя. Все произошедшее несколько минут назад казалось невероятным. Как она посмела? Она встретила его, такая спокойная, приветливо улыбающаяся, будто не чувствовала за собой никакой вины! Будто и не было никакого побега! Будто никогда и не обвиняла его ни в чем! Она должна трястись от страха, каяться, рыдать, страдать, молить о прощении! А жена спокойно смотрела на него, будто и не замечала ненависти, которую он даже не пытался скрыть от нее.

Ален злился на себя. К ненависти примешивались и иные чувства. Когда она попросила Торина называть ее «Ира», он еле сдержался. Никогда раньше, ни разу она не предлагала ему так называть себя! Ален не ожидал, что это так заденет его. Он надеялся, что знакомство с Элиной смутит ее, заставит чувствовать себя неловко, но все оказалось с точностью до наоборот. Растерянной и немного смущенной выглядела Элина, жене удалось поставить на место его бывшую любовницу. И, как ни странно, ему это понравилось.

Ален не хотел признаваться себе, что Ирэйна похорошела, выглядит сногшибательно. Как он ни старался сосредоточиться на ненависти, перед глазами вставал образ стройной женщины в необычном платье. Ее взгляд тоже был необычным, никогда раньше она так не смотрела на него. Граф не знал, как к этому отнестись, но от мести отказываться не собирался.

Ирэйна

Я волновалась, спускаясь к ужину. Как вести светские беседы с гостями представляла плохо. Не могу же я спросить графиню Терваль о том, что меня действительно интересует – с какой целью она сюда явилась. Я даже не знаю, о чем поинтересоваться у мужа, ну разве что спросить, как дела на фронте? Присутствием тетушки я не обольщалась, она могла, как сгладить мои промахи, так и обнажить их.

Тетушка и профессор были уже в столовой, когда я присоединилась к ним. Я порадовалась, что лекарь уехал в город, не хотелось, чтобы

тема моей «болезни» обсуждалась в присутствии леди Элины. Леди Глория, как обычно, сидела за столом с прямой спиной и плотно сжатыми губами, но ее выдавали глаза. В них отражались волнение и ожидание радости. Ален и Торин вошли в столовую, и Ален на секунду замер, окинув всех присутствующих быстрым взглядом, а затем быстрым шагом подошел к леди Глории со словами:

- Тетушка, рад тебя видеть в добром здравии.

Она протянула ему чуть подрагивающую руку, и Ален припал к ней в долгом поцелуе.

- Я уже думала, что ты совсем забыл о своей старой тетушке, - чуть дрожащим голосом произнесла леди Глория и прижалась щекой к склонившейся голове племянника. Глаза ее подозрительно блеснули.

- Леди Глория, прекратите на себя наговаривать, Вы несколько не изменились с нашей последней встречи, - произнес с улыбкой Торин, подходя к ней вслед за другом и целуя руку.

- А Вам, молодой человек, еще предстоит объясниться, почему так долго не появлялись у нас, - нарочито сердитым тоном, который никого уже не мог обмануть, сказала тетушка.

Наконец, в столовую вплыла графиня в пышном платье желтого цвета, декольте которого не оставляло простора для воображения. Она не просто шла, а несла свой бюст, как заряженное оружие, готовое к бою. За ней вошла сопровождающая ее виконтесса.

Когда расселись за столом, я первой начала беседу:

- Леди Элина, как Вы находите свои апартаменты? Надеюсь, Вас все устраивает?

- Да, благодарю, - произнесла она тоном, по которому любой мог понять, что она имеет в виду прямо противоположное, и только ее воспитание не позволяет сказать правду.

Леди Глория сверкнула глазами, бросив неодобрительный взгляд на Элину после этих слов, но промолчала.

- А как Вы устроились, Торин? – обратилась я к еще одному гостю.

- О, все прекрасно, не беспокойтесь, я всегда останавливался в этих апартаментах, когда приезжал сюда.

- И как давно Вы были здесь в последний раз?

- Около трех лет назад.

Неожиданно в беседу вступил профессор Креминг, обычно не вмешивавшийся в разговоры. Он стал расспрашивать Алена о

последних событиях на границе, тот охотно рассказывал.

В общих чертах я, конечно, знала, что на наше королевство напали, мы сначала потеряли часть территории, потом отвоевали ее и захватили кусок территории противника, который теперь принадлежит нашему королевству. Но узнать о событиях от первоисточника было любопытно. Ален оказался неплохим рассказчиком, о военном походе, который длился несколько месяцев, он говорил как о приключении. Я с интересом слушала и наблюдала, как сверкали его глаза, когда он на мгновение замирал, будто что-то припоминая, а затем с улыбкой описывал наиболее яркие моменты. Он кратко изложил хронологию тех событий и как раз закончил перечислять отошедшие к нам рудники, когда я, усмехнувшись, сказала:

- Это как же повезло нашему королевству с Дариэлем!

- Повезло? – недоуменно переспросил профессор.

- Конечно, король Аракаса или недостаточно умен, если не поинтересовался силами противника и не просчитал ситуацию, или ему слили дезинформацию, - сказала я, отправляя в рот кусочек мяса, приготовленного под обалденным соусом.

Наступила тишина. Подняв глаза, увидела, что все смотрят на меня, в лучшем случае, с удивлением. Только сейчас до меня дошло, что я ляпнула. Мдааа, совсем расслабилась, а все потому, что в последнее время мне не особо нужно было следить за тем, что я говорю и делаю.

- Ирэйна, Вы решили нас сегодня удивить и продемонстрировать зачатки своего ума или, точнее сказать, приобретенные на занятиях профессора знания? – в своей обычной манере спросила меня тетушка.

- Леди Глория, я так часто демонстрировала глупость, что, думаю, не будет лишним показать для разнообразия и свой интеллект, - ответила на выпад.

- Полагаете, в этом есть необходимость? – продолжала Глория.

Я не успела ответить, как вмешалась Элина.

- Вы абсолютно правы, леди Глория, - обратилась она с заискивающей улыбкой к тетушке, - настоящая женщина никогда не будет демонстрировать свой ум перед мужчинами, а, напротив, будет скрывать его.

- В отличие от многих, Ирэйне хотя бы есть, что скрывать, - отрезала Глория.

- Вы не могли бы пояснить свои последние слова по поводу

ситуации в Аракасе, - с заинтересованной улыбкой обратился ко мне Торин, игнорируя возникшую перепалку.

Я отпила из бокала глоток вина и, стараясь не обращать внимания на подозрительный взгляд мужа, ответила:

- Я имела в виду, что Дариэль получал ту информацию, которая была выгодна нам.

- Почему Вы так решили? – не отставал Торин.

- Ну, сами посудите, войска Дариэля с легкостью захватили только спорные территории, а дальше пройти не смогли. Складывается впечатление, что они захватили только то, что им позволили. Лишь через месяц армия нашего короля начала наступление и в течение всего лишь недели освободила захваченные земли. Остальное время, почти пять месяцев, военные действия велись на территории королевства Аракас, где так кстати расположены рудники. В результате логично выглядит необходимость присоединения части территории Аракаса к нашему королевству во избежание угрозы возникновения конфликтов на, так называемых, спорных территориях в будущем.

- Bravo! – засмеялся Торин.

Ален продолжал задумчиво разглядывать меня, а тетушка с победной улыбкой посмотрела на Элину.

- Знаете, леди Ира, - обратился ко мне профессор, - я никогда не рассматривал события с этой точки зрения.

Мой муж бросил недовольный взгляд на профессора. Ну, а Креминг-то ему чем не угодил?

Неожиданно в разговор вступила графиня, которая бросала на меня раздраженные взгляды. Было заметно, что она плохо понимает, о чем идет речь, но, по-видимому, привыкнув быть в центре внимания, не могла позволить, чтобы ее игнорировали.

- В столице все уверены, что заслуги Алена будут высоко оценены, и скоро объявят о церемонии награждения, - произнесла она, преданно заглядывая в глаза моему мужу.

Алена! Ну надо же! С чего бы такая фамильярность? Еще один друг? Только вот улыбку дружественной я бы не назвала, она больше походила на интимно-ласковую. Теперь уже я пристально смотрела на мужа, пытаюсь понять, как он к этому относится. Придраться пока было не к чему, по отношению к графине он вел себя сдержанно.

- О, я уверена, это будет грандиозное событие, - продолжала



ворковать та.

Затем она обернулась ко мне и, ехидно улыбаясь, спросила:

- Леди Ирэйна, надеюсь, Вы не забыли великолепное убранство королевского дворца? Или тоже не помните, как и меня?

- Гобелены во дворце помню, Вас – нет, - коротко ответила я.

Торин закашлялся, пытаясь скрыть смех, у Алена подозрительно подергивался уголок рта. Улыбка сползла с лица леди Элины, она поджала губы и со злостью смотрела на меня. Кожа ее начала покрываться красными пятнами, особенно это было заметно в районе декольте, и я с удовлетворением отметила про себя, что такой окрас ей не идет.

- Хорошо, что я тогда отсутствовал в столице, и теперь мне не приходится сожалеть о том, что Вы меня могли забыть, - шутливо заметил Торин.

- Вас я бы запомнила, - серьезно ответила, глядя ему в глаза.

Улыбка сошла с лица Торина, и он внимательно, даже как-то оценивающе смотрел на меня.

- А чем Вы занимаетесь, Торин, если это не секрет, конечно? – задала я ему вопрос после небольшой паузы.

- Я служу на дипломатическом поприще. Моя деятельность не столь заметна в отличие от подвигов Алена, - ответил он.

- Но уверена, что не менее важна, - заметила я, - Вы говорили, что совсем недавно вернулись. Где же Вы все это время были?

Торин назвал королевство, расположенное на северо-западе от границы Картара.

- Это королевство, богатое рудниками с кристаллами тепла? – задала я вопрос Торину, но при этом смотрела на профессора, который на занятиях рассказывал об этом.

Профессор с, как мне показалось, одобрительной улыбкой утвердительно кивнул.

- Только там рудники граничат с другими королевствами, которые, в свою очередь, отделяют его от нашего государства, - продолжала я, - в отношениях с этим соседом альтернативу дипломатии сложно найти.

Торин, уже не сдерживаясь, засмеялся:

- Вы правы, в этом случае действия дипломатов предпочтительнее военных батальев, и все же, вряд ли я могу составить конкуренцию Алену.

- Мой муж – хороший воин, но Вы, безусловно, - хороший дипломат.

- Почему Вы так решили?

Я ненадолго задумалась: стоит ли говорить, потом решилась, потому что Торин был мне симпатичен.

- Вы неплохо разбираетесь в людях, умеете слушать, из всего объема информации можете вычленить основное, способны просчитать ситуацию и не спешите с выводами.

- А Вы умеете удивлять, леди Ира, - тихо сказал он после небольшой паузы.

Пока мы разговаривали с Торинном, Ален не сводил с меня глаз. Я открыто встретила его взгляд и не увидела там ненависти и раздражения, правда, и теплоты тоже не было. Мне показалось – был интерес, желание понять или разгадать меня. Это уже кое-что. Можно ли это рассматривать как намек на налаживание отношений со мной? Пока не ясно.

Тетушка, как ни странно, больше не вмешивалась в беседу, а лишь наблюдала за всеми, и можно было видеть, как по лицу ее, время от времени, блуждала довольная улыбка.

- Сейчас при дворе только и говорят о возвращении принца из путешествия, - леди Элина, по всей видимости, попыталась реабилитироваться, - Его Высочество отсутствовал более трех лет, и сейчас гадают: один он прибудет или с невестой.

Я больше не принимала участия в разговоре. Меня, честно говоря, утомил этот ужин.

## **Глава 20**

После трапезы все перешли в гостиную, но Ирэйна извинилась и, сославшись на дела, оставила их. Ален не хотел признаваться себе, что ждал ее возвращения и был разочарован, поняв, что она не придет. После ухода Ирэйны Элина активизировалась, весь вечер она с удовольствием пересказывала дворцовые сплетни и ничуть не смущалась отсутствием реакции со стороны присутствующих мужчин. Элина не сводила глаз с Алена, она будто не замечала, как он сдержанно реагирует на ее призывные взгляды. Уверенность в том, что ни один мужчина не может устоять перед ее чарами, не позволяла ей реально оценить свои шансы. Правда эту уверенность немного поколебала Ирэйна, которая посмела разговаривать с ней таким

небрежным тоном, не пыталась даже завуалировать свое неуважительное отношение. Элине с трудом удалось скрыть злость на Ирэйну, да еще эта тетушка начала не на шутку раздражать ее. Сначала Элине показалось, что леди Глория недолюбливает жену Алена и, не стесняясь, постоянно предъявляет ей претензии по любому поводу, Ирэйна же необычно реагирует на это, она отвечает той и, кажется, что слова старухи ее нисколько не задевают. Но стоило Элине попытаться выставить Ирэйну в невыгодном свете, по сути – поддержать выпады тетушки, как та резко среагировала довольно странным образом.

Позже друзья сидели вдвоем в кабинете Алена, потягивали вино и молчали.

- Мне понравилась твоя жена, Алэн, - нарушил молчание Торин.

- Ты ее совсем не знаешь, - ответил Алэн.

- Возможно, но то, что я увидел сегодня, меня восхитило.

- И что же именно тебе понравилось? – с усмешкой спросил Алэн.

- Все, начиная от внешности и заканчивая ее не совсем обычными манерами, - Торин поднялся, подошел к окну и уставился в темноту. – Я еще не встречал таких женщин.

- Т-о-о-рин! - протянул Алэн с горькой усмешкой. - Она и тебя смогла обмануть!

- Объясни, наконец, что происходит, и зачем здесь графиня Терваль? – не сдерживая раздражения, потребовал Торин.

Прежде чем ответить, Алэн долго молчал, друг не торопил его и терпеливо ждал.

- Пока меня не было, всего лишь через три месяца после родов она пыталась сбежать к другому, - с горечью в голосе ответил граф, не глядя на друга.

Торин застыл, потом сев в кресло напротив Алена, растерянно заметил:

- В это невозможно поверить, поступок никак не вяжется с образом женщины, с которой я сегодня познакомился.

- Ты удивишься, мой друг, но я тоже не узнаю свою жену. У женщины, с которой я расстался несколько месяцев назад и той, что я увидел сегодня общая только внешность, но в остальном – никаких совпадений.

- И как ты это можешь объяснить?

- Мортин говорил, что она сильно изменилась после неудавшегося

побега, когда упала с лошади и потеряла память, - Ален нахмурился. - Я ей не верю, не знаю, какие цели она преследует, но если она надеется, что я прощу ее, то напрасно.

Торин помолчал, переваривая услышанное, потом спросил:

- А графиня Терваль – это орудие мести?

- Угадал.

Ирэйна

Еще вчера после ужина я сказала Мортину, чтобы следили, то есть, внимательно наблюдали за графиней Терваль и ее прислугой и докладывали мне, если заметят что-либо странное. Мортин отнесся к моему требованию с пониманием.

А сейчас я сидела на диванчике в детской и вязала носочки сыну. Ажан ползал в манеже среди разбросанных мягких игрушек. Манеж изготовили тоже по эскизам Вилсона, чем он очень гордился. Иногда дети заходили посмотреть, как Ажан осваивает новое приспособление и играет в новые игрушки. Мне нравились эти посиделки, дети рассаживались вокруг манежа и рассказывали о том, что узнали на занятиях, что им особенно интересно. Обычно мой малыш ползал от одного к другому, пытаясь в меру своих возможностей принять посильное участие в разговоре. Тетушка иногда присутствовала на наших посиделках, поначалу дети стеснялись ее, вели себя скованно, но она никогда не вмешивалась в наши беседы, а только слушала. Потом они привыкли к ее присутствию и стали вести себя свободнее. Я была уверена, что Глория получает не меньшее удовольствие, даже от такого своеобразного общения.

Но сейчас я ждала мужа, мне очень хотелось посмотреть на первую встречу отца и сына. Ален вошел в комнату и, увидев малыша, пытающегося оторвать хвост игрушечному зайчику, резко остановился. Затем, не отрывая глаз от ребенка, стал медленно подходить к нему, но Ажан, увлекшись игрушкой, не замечал его. Ален продолжал стоять, и на лице его появилась растерянность. Я с интересом наблюдала за ними, потом не выдержала, взяла сына на руки и подошла к мужу.

- Ажан, познакомься – это твой папа, - сказала я сыну, с улыбкой посмотрела на Алена. Тот застыл, глядя на ребенка, потом бросил взгляд на меня. Я протянула ему ребенка, он очень медленно и неуверенно взял его. Ажан, почувствовав незнакомые руки, завертелся и потянулся ко мне. Я ждала, и только, когда муж протянул мне ребенка,

забрала Ажана.

- Откуда это? – спросил он, разглядывая манеж.

- Местный мастер сделал по моему заказу, - ответила я.

Ален с интересом рассматривал манеж и игрушки, изредка бросая на меня взгляды, в них было то ли удивление, то ли сомнение.

- Мы уже начали ползать, и у нас прорезались два зуба, - сообщила я с гордостью, - Ажан, покажи папе свои зубки, - и, раскрыв ротик ребенка, продемонстрировала десна с виднеющимися зубами.

Ален внимательно смотрел на нас, послушно заглянул в рот к сыну.

- Мы сейчас пойдем на улицу, хотите с нами? – спросила я его.

Он как будто очнулся: - Нет, я не могу, – и направился к двери.

- Ладно, в другой раз, - легко согласилась я и стала привычно собирать ребенка на прогулку. Когда передавала малыша служанке, то заметила, как муж, бросив на меня немного странный взгляд, поспешно вышел из комнаты. После завтрака я, как обычно, гуляла с сыном, катая его в коляске. Подойдя к площадке для занятий с мечами, увидела захватывающий поединок. Два воина в доспехах медленно двигались по кругу, со спокойствием профессионалов нанося поочередно удары мечами и отражая их. Резкость и красота движений пугала и завораживала одновременно. Взяв Ажана на руки, подошла поближе, но поединок уже закончился, сражавшимся соперникам помогли снять доспехи. Это были Ален и Торин, они покидали площадку, весело переговариваясь. Я откровенно любовалась упругой походкой мужа. Они подошли к бочке, и Ален неожиданно стянул рубашку и зачерпнул воды. Я замерла, сердце куда-то провалилось, когда замороженно смотрела на обнаженную блестящую от пота спину мужа, по которой от малейшего движения перекачивались мышцы. Словно в замедленной съемке видела, как муж резко обернулся и посмотрел в нашу сторону. Меня будто жаром опалило, я не могла отвести взгляд. Сознание фиксировало черную прядь волос, прилипшую к потному лбу, сверкающий взгляд потемневших глаз, широкие мускулистые плечи, загорелую грудь, покрытую вьющимися черными волосками, капельку воды, медленно стекающую по ней и задержавшуюся на темном соске, узкую талию.

Спас меня Ажан, он дернул за выбившуюся прядь моих волос. Я очнулась и, резко развернувшись, быстро пошла в замок, забыв про детскую коляску, чувствовала, что лицо горит то ли от взыгравшего

либидо, то ли от стыда. Точнее от того и другого. Да, собственно, какая разница, сейчас главное - незаметно вернуться в детскую.

- Миледи, Вы без коляски? Ой, Вы не заболели? – спросила няня Ажана, встретившая меня на подходе к замку.

- Все в порядке, сходи за коляской, - ответила ей, не останавливаясь.

- Миледи, могу я Вам чем-то помочь? – спросил уже Мортин, открывая двери.

- С чего ты решил, что я нуждаюсь в помощи? – пробормотала я, пытаюсь поскорее скрыться в детской.

- Ваше лицо. Возможно, Вы заболели? - он шел за мной.

- Все в порядке, - ответила ему, закрывая за собой дверь в детскую.

Я переодевала Ажана, когда в комнату заглянула взволнованная Агнесс:

- Миледи, Вам плохо? У Вас – жар!

- Все хорошо, пора кормить Ажана, позови кормилицу, - выпроводила я ее.

Мдааа, «незаметно» вернуться почти получилось. Я попыталась успокоиться: закрыв глаза, начала глубоко дышать. Вот зря это сделала, в смысле, глаза закрыла. Тотчас же возник образ полуобнаженного супруга, опять дыхание стало рваным. Я открыла глаза и попыталась «включить мозги»: моя реакция вполне укладывалась в рамки физиологической потребности здорового организма. Произошел небольшой сбой – в какой-то момент потребность зашкалила, но ведь все обошлось. Никто не пострадал, кроме собственного эго, да и свидетелей моего «сбоя» не так уж и много, хозяева замка, гости да прислуга. Всего лишь, ха-ха.

На обеде я решила, что называется, не отсвечивать. Сидела, уткнувшись в тарелку, ни на кого не смотрела, в разговорах не участвовала.

- Леди Элина, Вы сегодня были на прогулке, надеюсь, Вам понравилось? – спросил Ален.

- Да, здесь прекрасные виды, - ответила графиня.

- А Вам, леди Ира, нравятся местные виды? – обратился ко мне Торин.

- Нравятся, некоторые из них особенно хороши, - ответила я и только потом поняла, насколько двусмысленно это прозвучало.

Я почувствовала, как начала краснеть, очень хотелось надеяться, что этого никто не заметил.

- Что у Вас с лицом, леди Ирэйна? – графиня решила вставить свои «пять копеек» в мой сегодняшний позор. – Дамы всегда помнят, что лицо надо прятать от солнечных лучей, странно, что Вы этого не знаете.

- Леди Элина, я еще в том возрасте, когда могу позволить себе чего-то не знать, - не сдержалась я.

- Я, действительно, чуть старше Вас, значит, всегда буду чуть умнее, - снова начиная приобретать пятнистый окрас, парировала соперница.

- Никого не хочу обидеть, но, к сожалению, возраст не является гарантией наличия ума, - раздражённо припечатала я.

- Уж не обо мне ли Вы сейчас говорите, Ирэйна? – с усмешкой спросила леди Глория.

- Увы, нет, разумность – Ваша отличительная черта, как бы Вы не старались ее скрывать, - ответила я тетушке.

- Я тоже надеюсь, что Вы имеете в виду не меня, - не унималась Элина.

- Надейтесь, - коротко ответила я ей.

## **Глава 21**

Ален

Ален был в растерянности. Чувство ненависти к жене, которое переполняло его, не давая дышать, постепенно куда-то исчезало. Его решимость мстить ей уже не казалась такой актуальной, а после сегодняшнего случая возникло совсем иное желание.

Разгоряченный после дружеского поединка с Торином, Ален решил немного освежиться прохладной водой из бочки.

- Твоя жена смотрит на тебя, - неожиданно сказал Горин, глядя за его спину. Ален резко повернулся и наткнулся на взгляд жены, от которого по телу побежали колкие мурашки тревожного возбуждения. Он был обжигающим и притягивающим, в нем сквозило неприкрытое желание. Казалось, глядя на него, она не осознавала, что делает. Ален смотрел на жену и будто впервые заметил необычайно притягательное лицо с разлетающимися черными бровями и длинными черными ресницами над ее серыми бездонными глазами. Взглянув на чуть приоткрытый рот с нежными губами, его пронзило жгучее желание, такое ненужное, но, тем не менее, недвусмысленное. Вдруг Ирэйна

вздрагнула, посмотрела на ребенка, сидящего у нее на руках, прижала его к себе и, резко развернувшись, быстрым шагом направилась к замку. Ален стоял, тяжело дыша, и не решался смотреть в лицо другу.

- И что это сейчас было? – спросил Торин.

Ален посмотрел ему в глаза, но не увидел там насмешки. Взгляд друга были задумчивым, наполненным какой-то тайной грустью.

- Не знаю, - неуверенно ответил Ален.

- Похоже на сильное чувство, возможно любовь, - медленно проговорил Торин.

- О каких чувствах ты можешь говорить после того, что я тебе о ней рассказал? – возмущенно спросил Ален, приходя в себя. – Она не может меня любить! Ты мне не веришь?

- Верю, конечно, но я верю и собственным глазам, - все также задумчиво ответил Торин. – Знаешь, хотел бы я, чтобы меня так не любили.

Ален изумленно посмотрел на друга.

Весь обед он наблюдал за женой, Ирэйна не поднимала глаз от тарелки, даже не пыталась вести светскую беседу. Он перестал понимать себя, вопреки здравому смыслу, вопреки всем словам, которые он наговорил Торину, Ален ждал от нее подтверждение тому, что прочитал в ее глазах утром. Потом Торин задал ей этот провокационный вопрос, она ответила и залилась краской, смутившись. Ее забавный ответ бальзамом пролился на его измаявшуюся душу.

Ален сидел в кабинете, когда к нему вошла леди Глория, он поднялся и пошел встречать ее.

- Надеюсь, ничего не случилось, тетушка? – спросил Ален, помогая сесть ей в кресло.

- Все в порядке, не беспокойся, я не задержу тебя, - произнесла она, - хочу поговорить об Ирэйне.

- Ты получил мое письмо? – спросила Глория.

- Там, где ты сообщила о том, что она потеряла память? – осторожно уточнил Ален.

- Именно, - подтвердила она и замолчала.

Ален не торопился. В письме тетушка не упоминала о побеге, сначала он полагал, что Глория просто не хотела огорчать его, но теперь не был в этом уверен.

- Ты знаешь, Ален, как я относилась к твоей жене, – сказала



Глория, - это была просто невыносимая особа.

- Что значит «была»? – переспросил он.

- Это значит, что я ее просто не узнаю, - произнесла тетушка, - теперь это совершенно другая женщина. Ирэйна очень изменилась после того, как ударилась головой. Если бы я раньше могла предположить, что она станет такой, то давно сама бы стукнула ее по голове.

Ален невольно улыбнулся, удивляясь горячности, с которой обычно бесстрастная тетушка говорила о его жене.

- И ты действительно веришь в то, что она ничего не помнит? – усмехнулся Ален.

- Я не могу это утверждать наверняка, - смутилась Глория, - мы никогда не были до такой степени откровенны с Ирэйной, но не думаю, что она притворяется. То, как она относится к ребенку сейчас и как относилась ранее, невозможно сравнивать.

- Да, спасибо, что напомнила. Я тебе очень благодарен, что заботилась о ребенке, когда моя жена отказалась делать это, - с горечью поблагодарил Ален.

- Но я не об этом, Ален, я как раз хотела сказать, что сейчас все изменилось, - растерянно проговорила Глория.

- Спасибо, тетушка, мы еще обязательно поговорим об этом. Просто мне надо разобраться, – завершил разговор Ален.

Глория в замешательстве покинула кабинет.

«Значит, ей ничего неизвестно ни о побеге, ни о любовнике», - сделал вывод Ален, глядя вслед тетушке.

Ален задумался: он даже не сделал попытки разобраться в произошедшем, лишь занимался тем, что бережно лелеял свои оскорбленные чувства. После обеда он вызвал дворецкого к себе в кабинет.

- Мортин, ты, наверное, тоже заметил, как изменилась моя жена. Скажи, приблизительно, с какого момента начали происходить эти перемены?

- Я могу сказать точно – после того, как Ее Сиятельство пришла в себя. Это произошло почти через три дня после падения, - ответил Мортин, не задумываясь, как будто давно ждал вопроса.

- Эти изменения произошли одномоментно или поведение графини менялось постепенно?

- Как я Вам, Ваше Сиятельство, уже докладывал, Ваша жена потеряла память. Когда она очнулась, то никого не узнавала, даже не могла вспомнить, где находится, - Мортин лишь на мгновение замялся, но потом продолжил: - Услышав о том, что у нее есть ребенок, миледи снова лишилась чувств и, когда вновь пришла в себя, то вела себя необычно. Она совсем не напоминала ту прежнюю графиню.

- В чем конкретно это проявлялось?

- Первое, что сделала Ваша жена – потребовала проводить ее к сыну. Я должен Вам признаться, что сначала не поверил ей, – Мортин вдруг улыбнулся, вспоминая. - Но графиня, словно тигрица, готова была наброситься на меня, и я уступил.

- И как много времени она проводит с ребенком?

- Почти постоянно, оставляя малыша только для кормления и сна.

Ален с удивлением смотрел на дворецкого, Мортин даже не замечал, что говорит о графине с гордостью.

- А когда у ребенка резался зубик, и он капризничал, Ее Сиятельство настояли, чтобы на это время ей стелили в детской, и она всю ночь сама успокаивала сына, - не замечая реакции графа, продолжал Мортин.

Дворецкий напомнил Алену о знакомстве с малышом, его поразило поведение жены. «Мы уже начали ползать, и у нас прорезались два зуба», - сказала Ирэйна с гордостью глядя на сына. Как странно она сказала и как странно смотрела на него, когда он держал ребенка. Неужели он увидел в ее взгляде нежность? Ален не мог этому поверить или все-таки не хотел? Возможно ли так прикидываться, да и чего ради? Не придя ни к каким выводам, он покинул детскую, при этом с трудом оторвав взгляд от Ирэйны.

Вот и леди Глория сомневалась, что это притворство. И это тетушка, которая с трудом терпела присутствие его жены, и говорила, что не в состоянии общаться с ней!

- Как моя жена относилась к сыну раньше, до потери памяти?

Мортин моментально нахмурился, он молча стоял, не решаясь отвечать.

- Я знаю, что моя жена не оказывала должного внимания малышу, она мне сама писала об этом, - тихо сказал Ален и твердо добавил: - Я должен знать все и не потерплю, если от меня что-то скроют.

- Графиня не хотела видеть сына, она не выносила его плач,

сердилась, когда ей напоминали о наследнике, - бесстрастным голосом произнес Мортин.

- Жена писала мне, что я и мой ребенок испортили ей жизнь и лишили ее будущего, - таким же бесстрастным тоном продолжал Ален, - говорила ли она об этом здесь?

- Да, Ваше Сиятельство, она упоминала об этом несколько раз, - с трудом произнес Мортин.

После ответа дворецкого Ален надолго замолчал, глядя в окно. Он как будто забыл о Мортине, тот терпеливо ждал.

- А откуда взялось такое название – детская? – неожиданно сменил тему Ален.

- Ее Сиятельство стала называть так апартаменты сына, - ответил Мортин, облегченно вздохнув.

- Есть еще что-нибудь, что графиня называет также необычно?

- Да, классная комната – место, где дети занимаются с профессором, - сказал Мортин и осекся, встретив недоуменный взгляд графа.

- Какие дети? – граф вплотную подошел к дворецкому.

Тот растерялся, он привык так называть бастардов, потому что графиня никогда не называла их по-другому. Мортин не знал, как сказать об этом графу, но потом, будто бросаясь с обрыва, выпалил:

- Бастарды.

Ален молча сверлил глазами дворецкого, который, не дыша, смотрел сквозь него, затем зловещим голосом задал вопрос:

- Какими же аргументами ей удалось убедить тебя предоставить комнату в замке для занятий с ..., - Ален замолчал, не решаясь повторить за Мортином, и, подумав, произнес: - с ними, не поставив меня в известность?

- Ее Сиятельство сказала, что эти дети - кровь Монсервилей, и они достойны лучшего, - неожиданно спокойным твердым голосом ответил Мортин.

Граф стоял, оглушенный ответом дворецкого. Что имела в виду его жена? То, что сказала – чтит и бережет кровь его рода, или хочет напомнить о легкомысленном поведении мужа в молодые годы? Он не знал, как к этому относиться.

- И как часто они занимаются? – спросил Ален, только чтобы прервать затянувшееся молчание.

- Почти ежедневно, Ее Сиятельство иногда тоже присутствует на занятиях, она убедила лекаря, что это способствует восстановлению памяти.

- Проводи меня к этой классной комнате, - сказал Ален и направился к двери.

Выходя из кабинета, они столкнулись с Торином.

- Ален, я хотел поговорить с тобой, но если ты занят, то я зайду позже, - промолвил Торин, с любопытством глядя на озадаченное лицо друга.

- Пойдем со мной, проверим кое-что, - сказал Ален, - мне будет интересно выслушать твое мнение.

Они подошли к комнате, расположенной недалеко от библиотеки, и остановились, Мортин приоткрыл дверь.

- Мне странно это слышать, - донесся до них голос Ирэйны, - то есть, усвоив азы математики, вы решили, что этого достаточно?

- Но зачем терять время, если нам это не потребуется? – раздался мальчишеский голос.

Ален с Торином, стараясь не шуметь, зашли в комнату. Шкафы, стоящие неподалеку от двери перекрывали обзор, осторожно выглядывая из-за них, друзья увидели стол, по одну сторону которого сидели два мальчика, а по другую – Ирэйна и девочка. Ален вспомнил лица этих детей, но имена выветрились из памяти графа, и его это несколько не смущало. В обществе не принято было выделять бастардов из общей массы слуг, он попытался вспомнить их матерей, но пока Алену это не удалось. Мальчишки были очень похожи на него, те же темно-карие глаза, черные слегка вьющиеся волосы. А с девочкой он сходства не обнаружил, видимо, была похожа на свою мать. Профессор сидел во главе стола и с улыбкой наблюдал за своими учениками.

- Вилсон, Герта, вы согласны с Артуром?

Мальчик постарше, смутившись, кивнул головой, девочка повторила его жест.

- С позволения профессора я постараюсь переубедить вас, - произнесла Ирэйна и вопросительно взглянула на Креминга.

Тот кивнул, еще шире улыбнулся и приготовился слушать.

- Начнем с тебя, Вилсон, - обратилась к старшему Ирэйна, ненадолго сжав его ладонь. – Ты ведь определился с тем, чем хочешь заниматься, когда станешь взрослым?

- Да, я говорил Вам - хочу строить корабли.

- Отлично! Природа наградила тебя талантом – ты замечательно рисуешь, более того, ты умеешь делать чертежи, изображая предметы в разных проекциях. Но для того, чтобы построить корабль недостаточно его просто нарисовать, необходимо произвести расчеты элементов корабля на прочность, жесткость и устойчивость. Более того, методам и способам таких расчетов тебя могут научить специалисты, непосредственно занимающиеся строительством кораблей, с некоторыми из них ты уже познакомился на верфи. Профессор сможет обучить тебя только некоторым базовым дисциплинам.

Ален с Торином переглянулись, у обоих были ошалелые лица, затем они уставились на Ирэйну и продолжали слушать, стараясь не пропустить ни одного слова.

- Теперь ты, Артур, - Ирэйна внимательно посмотрела на мальчика помладше, протянула руку и сжала его ладонь, - наверное, сейчас еще рано говорить об этом, но я хочу узнать, чем ты хотел бы заняться, когда вырастешь?

Мальчик молчал, смущенно разглядывая стол.

- Что тебе нравится делать? - перефразировала вопрос Ирэйна.

- Мне нравится сражаться, - ответил Артур.

- То есть ты хочешь стать воином, хорошо. Только почему ты решил, что тебе пригодится только умение складывать и вычитать?

- Так я же смогу узнать, сколько врагов убил, а как на мече сражаться меня Горн учит, науки здесь не помогут.

- А если ты будешь командиром какого-нибудь воинского подразделения? – продолжала спрашивать Ирэйна.

Дети непонимающе смотрели на нее.

- Если у тебя в подчинении будет несколько человек или несколько десятков воинов, - поправила она. - Ты должен будешь разработать план военных операций, просчитать замыслы неприятеля, учесть все возможные варианты боевых действий, сроки их проведения и многое другое. Разве ты сможешь это сделать, не изучая точные науки?

- Леди Ира, а Вы откуда все это знаете? – спросил Артур. – Разве Вы этому учились?

- У меня муж – полководец, - ответила Ирэйна и засмеялась.

Ален почувствовал на себе взгляд Торина и обернулся к нему, в глазах друга стоял вопрос. Ален пожал плечами и тяжело вздохнул, он,

действительно, не мог объяснить, откуда у его жены такие необычные знания.

- Герта, - повернулась Ирэйна к девочке, - ты делаешь замечательные эскизы одежды. Работая с выкройками, ты убедилась в необходимости точных расчетов. Допустим, когда ты вырастешь, у тебя будет своя мастерская, где ты и твои работники будете шить красивую одежду. Тебе потребуются умение управлять людьми, умение вести расчеты с заказчиками и поставщиками, знание конъюнктуры рынка. Кстати, умению изучить спрос и предложения, работе с поставщиками ты можешь поучиться у нашего управляющего Людвиг, он отлично ведет дела. Только подрасти сначала.

Дети заулыбались. После небольшой паузы Ирэйна весело спросила у них:

- Что вы решили? Я смогла вас убедить?

- Миледи, мы поняли, что нужно заниматься, но потом, позже мы с Артуром не сможем продолжать учебу, потому что нужны будут деньги, да и Герте не на что покупать мастерскую, - ответил за всех Вилсон.

- Я думаю, что деньги найдутся. Во-первых, вы – из рода Монсервилей, во-вторых, деньги, потраченные на ваше обучение – это вложение в будущее нашей семьи, и они обязательно окупятся, в-третьих, я буду помогать вам, потому что вы нужны нам: мне и Ажану.

- А графу? – тихо спросила Герта.

- Мой муж – вне всяких сомнений, умный человек. Разве он достиг бы такого положения, если бы не был таким? Вы же понимаете, что дело тут не только в титуле, хотя он играет большую роль. Просто граф не имел возможности заниматься лично такими вопросами раньше, и я не могу дать гарантии, что он будет это делать в дальнейшем, но, полагаю, вам достаточно и того, что решать проблемы подобного рода будет графиня? – Ирэйна попыталась смягчить ситуацию шутливым тоном. – Кстати, Вилсон, ты закончил писать картину? Мне не терпится ее увидеть, хочу украсить детскую еще одним пейзажем.

Вилсон почему-то очень смутился, покраснел и ответил, стараясь не смотреть на Ирэйну:

- Еще не закончил, осталось немного, и это - не пейзаж.

- Ты нас заинтриговал, будем с нетерпением ждать, правда, ребята? – обратилась она к Артуру и Герте. Те согласно закивали.

- Леди Ира, - обратился профессор, - теперь, когда все прояснилось, я хотел бы продолжить занятия.

Сразу став серьезной, Ирэйна приготовилась слушать, дети последовали ее примеру, и теперь все их внимание было приковано к профессору Кремингу.

Ален, стараясь быть незамеченным, покинул комнату, Торин так же тихо последовал за ним. Они молча дошли до кабинета Алена, налили себе вина и уселись в кресла напротив друг друга. Граф пытался проанализировать то, что услышал в классной комнате, но перед глазами стоял профиль жены, выбившаяся из прически прядь светлых волос, ласкающая шею, ее нежная улыбка, обращенная детям, ее грудь, обтянутая закрытым платьем, когда она протягивала руку, чтобы сжать ладони мальчишек. А еще ее негромкий смех, он завораживал, Ален не помнил, чтобы она смеялась так раньше. Молчание затянулось, наконец, Торин произнес:

- Тебе все еще интересно выслушать мое мнение?

- Да, - неуверенно сказал Ален.

- Прежде я хочу кое-что прояснить, - он взглянул на друга, дождался его кивка и продолжил: - Ты знал, что твоя жена организовала обучение твоих... отпрысков?

Ален отрицательно покачал головой, не глядя на друга.

- Ты знал, что она относится к ним как к членам своей семьи?

- Конечно, нет! – возмутился Ален, вскочил с кресла и начал метаться по кабинету, - Я не понимаю, как такое вообще могло прийти ей в голову. Может, она хочет унижить меня?

- Тем, что заботится о твоих детях?

- Но это же бастарды! Я их не признавал своими детьми! – продолжал горячиться Ален.

- Кажется, твою жену это мало волнует, она относится к ним по-матерински, а малыша Ажана просто обожает.

- Обожает? Да она отказывалась видеть его после рождения, он ее, знаете ли, раздражал! – с болью в голосе кричал Ален. - Она писала, что я и мой ребенок испортили ей жизнь, лишили ее будущего!

Торин видел, что Ален не лжет, он начал понимать, как сильно ранила Ирэйна своего мужа.

- Ты считаешь, что сейчас она притворяется, что все это игра? – немного придя в себя после откровений друга, спросил Торин. – Но

зачем? Чего она добивается?

- Я не понимаю, - устало ответил Ален, - может, хочет отвлечь от подозрений и снова попытаться сбежать?

- Ты знаешь, к кому она пыталась сбежать?

- Некто виконт Плеринг, - немного поколебавшись, ответил Ален и, видя недоуменный взгляд Торина, продолжил: – Я знаю только имя, Мортин говорил, что Ирэйна получила письмо от него, а через месяц пробовала сбежать. Как ни пытался, я не могу его вспомнить.

- Какими же качествами должен обладать тот, кого она предпочла тебе?

Ален молчал, потому что заданный Торинем вопрос мучал его уже давно, и вряд ли он мог ответить на него. Граф плеснул себе еще вина и снова уселся в кресло, но теперь встал Торин и стал передвигаться из угла в угол.

- Значит, после того, как твоя жена очнулась, выяснилось, что она потеряла память, после этого ее поведение резко изменилось, - Торин попытался систематизировать информацию. – Лекарь может объяснить такие изменения?

- Он прибудет завтра.

- А у жены ты не пытался это выяснить?

- Я решил ее послушать после того, как поговорю об этом с лекарем.

- Разумно. И все же, Ален, что-то здесь не сходится. Если предположить, что ты прав, и твоя жена хочет сбежать, то ее поведение лишено логики.

- Торин, ты, наверное, забыл, что нелогичность поступков – это отличительная черта женщин. Невозможно предугадать, что они могут выкинуть в тот или иной момент, потому что не обременяют себя мыслительными процессами, они, несомненно, обладают рядом достоинств, но разум и здравый смысл не входит в их число.

- Я бы полностью согласился с тобой, если бы сегодня не слышал разговор в классной комнате. Ты, кстати, тоже там был, - с сарказмом произнес Торин. – Отрицать после этого наличие у твоей жены ума и здравого смысла просто неприлично, ты не находишь?

Ален смешался и не решился ответить.

- А еще твоя жена отозвалась о тебе, как об умном человеке. Если учесть, что она не знала, что мы ее слышим, это мало напоминало игру,



- произнес Торин.

Ален по-прежнему молчал, ему нечего было возразить другу, да он и не стремился.

## **Глава 22**

Ирэйна

За ужином я обратила внимание, что Элина поглядывала на меня с довольной ухмылкой, будто узнала обо мне какую-то гадость.

- Господин Кремлинг, - внезапно обратилась она к профессору, - это правда, что Вас заставили обучать бастардов?

- Неправда, - ответил он.

Элина от неожиданности зависла с открытым ртом.

- Меня никто не заставлял, - спокойно продолжил Кремлинг, - ко мне обратились с просьбой, и я согласился.

- Но обучение бастардов – это же нарушение норм приличия, - с нотками восторга в голосе возмущалась Элина, - не удивлюсь, если узнаю, что с такой просьбой к Вам обратилась леди Ирэйна.

- Во-первых, это, прежде всего, дети, - вмешалась я. - Во-вторых, боюсь, у нас разные представления о приличиях. Я не знаю, где Вас обучали манерам, но, что касается приличий: в этом вопросе дети, о которых Вы с таким пренебрежением говорите, легко могут дать Вам фору.

- В приличном доме недопустимо..., - не успокаивалась Элина.

- Не забывайте, леди, - вдруг вмешалась Глория, - неприлично обсуждать поступки хозяев дома, находясь у них в гостях.

Элина не решилась возражать тетушке и бросала взгляды на Алена в поисках поддержки.

- Дети находятся под защитой этого дома. Оскорбляя их, Вы оскорбляете хозяев дома. Прошу помнить об этом, если хотите еще остаться здесь, - припечатала Глория.

Мы с тетушкой зло сверлили взглядами Элину, а Ален и Торин изумленно смотрели на нас.

Вечером Мэри принесла мне в спальню еще один комплект нижнего белья, на этот раз черного цвета. Несколько гарнитуров белья, сшитых ранее из белых тканей, я уже с удовольствием носила. Надев трусики и бюстгальтер, подошла к зеркалу.

- Миледи, Вы очень красивы, - разглядывая меня, сказала Мэри.

- В таком белье любая будет выглядеть красавицей, - ответила я,

пытаясь разглядеть себя со всех сторон.

Мне нравилось, как сидит новый комплект: бюстгальтер приподнимал полную грудь, сквозь тонкое кружево проглядывали соски, трусики плотно прилегали к телу.

Как выгляжу я сама, мне тоже понравилось. Надо признать, что плоский живот и ровные ноги Ирэйне достались от природы, а не в результате моих физических упражнений. Но я намеревалась подольше оставаться стройной, поэтому от утренних занятий отказываться не собиралась.

- Мэри, притуши свет, - попросила я. Она прикрыла крышечками кристаллы.

- Теперь не только красиво, но и загадочно, не находишь? – приподняв над головой волосы и пытаюсь заколоть их на затылке, спросила у нее.

Ответить она не успела, открылась дверь, соединяющая спальни, и вошел мой муж.

- Ирэйна, я хо..., - начал он с порога, но так и не договорил.

Увидев меня, Ален резко остановился. От неожиданности я застыла с поднятыми руками, глядя на мужа. Его жадный взгляд блуждал по моему телу, задерживаясь на черных полосках белья, пока, наконец, не поднялся к лицу. В черных глазах, полуприкрытых тяжелыми веками, бушевал огонь, его дыхание сбилось, а меня бросило в жар.

- Мэри, подай, пожалуйста, халат, - попросила севшим голосом, медленно опуская руки. При этом не могла отвести от мужа глаз, его обволакивающий взгляд не отпускал меня. Я вздрогнула, смутившись, когда Мэри прикоснулась ко мне, помогая надеть халат.

- Благодарю, можешь идти, - запахивая халат, отпустила я ее.

- Хотите присесть? – предложила мужу, решившись снова посмотреть на него. Пристально глядя на меня, он стал медленно приближаться, я стояла, не в силах пошевелиться. Муж подошел почти вплотную, мне показалось, что он что-то хочет сказать, я перевела взгляд на губы и чуть не задохнулась от желания. Ален взял мое лицо в свои дрожащие ладони, наклонил голову и впился в мои уста обжигающим поцелуем. Я прильнула к нему всем телом, сначала обнимая за шею, а потом запустила пальцы в густые мягкие волосы на голове. Его губы сминали мои с голодной настойчивостью, я отвечала

ему с такой же неудержимой страстью. Руки блуждали по моей спине, теснее прижимая меня к себе, сквозь одежду я чувствовала силу его желаний. Поцелуй прервался, мы пытались перевести дыхание. Его руки распахнули халат, взгляд на мгновение замер на моей груди, а потом, издав звук, похожий на рычание, он сжал ее и стал покрывать поцелуями. Запрокинув голову назад, застонала, ноги в коленях ослабли, и я покачнулась. Муж подхватил меня на руки и опрокинул на постель, затем резко приподнял меня, снимая халат. Вцепившись в его рубашку, пыталась стащить ее, Ален помог мне, потом пришла очередь брюк. Увидев его вздыбленную плоть, хотела прикоснуться к ней, но он отвел мою руку и снова припал к груди. Я приподнялась, изогнувшись, расстегнула бюстгальтер и отбросила его в сторону. Муж шумно сглотнул и впился губами в сосок. Кровь зашумела в ушах, я судорожно вздохнула, а Ален уже прокладывал дорожку из поцелуев на животе, опускаясь ниже. Он прикусил кожу пониже пупка, медленно стягивая при этом трусики, и низ живота свело судорогой. Я изнемогала от желаний, сильная дрожь охватила мое тело. Он раздвинул мои бедра и со стоном вошел в меня, я застонала в ответ. Ален двигался мощными толчками, волны наслаждения прокатились по моему телу, и, не сдерживаясь, я устремилась навстречу, подстраиваясь под его ритм. Где-то внизу живота стало нарастать возбуждение, Ален, будто почувствовав его, стал убыстрять темп. Мое тело взорвалось, его сотрясали конвульсии безумного наслаждения, постепенно затихающие и переходящие в блаженство. Сквозь свои непрекращающиеся стоны я услышала протяжный хриплый стон мужа, потом он рухнул на меня. Ален лежал, уткнувшись в мою шею, и тяжело дышал, затем приподнялся и откатился в сторону, не отпуская моей руки, будто стремился удержать.

Я начала приходить в себя и подумала, что давно не испытывала подобного, очень давно. Нет, не так, что-то подобное как раз было, но вот того, что почувствовала сейчас – не припомню. И не хотелось бы останавливаться на этом, в смысле, хотелось еще. Я посмотрела на мужа и увидела, что он наблюдает за мной. Улыбнувшись, провела ладонью по его щеке, от неожиданности он напрягся, но не остановил меня. Мои пальцы нежно ласкали чувствительную кожу у него на шее, потом спустились на грудь и дотронулись до темных жестких волос. Он тяжело задышал, я посмотрела в глаза мужа, в них снова разгорался

огонь. Приподняв голову, лизнула его сосок, а потом аккуратно прикусила, Ален мгновенно схватил меня за плечи и повалил на спину, безумными глазами он всматривался в меня, будто пытаюсь что-то найти или что-то понять для себя. А я плавилась под взглядом этих черных глаз, и, почувствовав его восставшую плоть, дотянулась рукой и сжала ее, но он не позволил мне продолжить ласку. С диким рыком он припал к моим губам в долгом поцелуе, не в силах насытиться, потом, чуть ослабив объятия, стал целовать грудь и, нежно сжимая ее руками, втянул в рот сосок. Я изогнулась и бессознательно извивалась в его руках. Губы его уже терзали живот, а рука оказалась между бедер и ласкала средоточие моего желания. Часто задышав, Ален убрал руку, приподнялся надо мной и заглянул в глаза, в них пылала страсть. Я ответила таким же взглядом и призывно раздвинула бедра, он вошел в меня и стал медленно двигаться, не сводя с меня глаз. С каждым разом он погружался все глубже и глубже, я прерывисто дышала от неутоленного желания, наконец, не выдержав этой сладкой муки, изогнулась и сжала его плоть внутри себя. Он задвигался быстрее, довел меня до оргазма и взорвался сам. Я положила голову ему на грудь и обняла. Засыпая со счастливой улыбкой на губах, я вдруг поняла, что за все время мы не произнесли ни слова.

Проснулась одна, и это меня немного разочаровало. Но тут всплыли отдельные фрагменты прошлой ночи, губы расплылись в довольной улыбке и, испытывая в теле приятную истому, я потянулась. Моя надежда наладить с мужем отношения переходила в уверенность. Не увидев Алена за завтраком, я поинтересовалась у дворецкого причиной его отсутствия. Мортин сказал, что граф решил посетить одно из своих поместий и рано утром уехал туда вместе с управляющим.

### **Глава 23**

Я, по обыкновению, была на прогулке с Ажаном, когда увидела Торуна. Он подошел, приветливо улыбаясь.

- Леди Ира, Вы не будете возражать против моей компании?
- Буду рада, если Вы присоединитесь к нам, - ответила ему.
- Вы сегодня прекрасно выглядите, - сказал Торин, шагая рядом.
- Сомнительный комплимент, Вам не кажется? В остальные дни я выгляжу хуже? – усмехнулась я.
- Нет, конечно, нет, - смешался Торин, - просто сегодня Вы будто светитесь.

Торин прав, мне было хорошо и не просто хорошо - я чувствовала себя счастливой и не могла скрыть этого, да и зачем скрывать? А вот, что послужило причиной переполнявшего меня чувства, никому объяснять не собиралась.

- Я знаю, что страны, окружающие Картар, являются королевствами, - круто сменила я тему, не прокомментировав наблюдение Торина, - существуют ли те, которые не являются королевствами, где иные формы государственного правления?

- Насколько мне известно, нет, - Торин удивленно смотрел на меня, - о каких формах Вы говорите?

- Я, ничего определенного не знаю, поэтому и спрашиваю Вас, - попыталась исправить допущенный промах, (а что я всерьез ожидала услышать про республиканскую форму правления?), - возможно, я неточно сформулировала вопрос. Чем отличаются обычаи, нравы народов, живущих в других королевствах?

- В соседних с нами королевствах обычаи мало чем отличаются от наших. Но есть королевства, где существует кланы, и после смерти короля титул наследуется не по родству, а по праву сильнейшего в результате поединков между кланами. В некоторых королевствах разрешено многоженство, там существуют гаремы. Может быть, Вас что-то конкретно интересует?

- Скажите, Торин, есть ли государства, в которых правит или может править королева?

- В двух королевствах закон позволяет стоять во главе государства женщинам.

- А право наследования в этих королевствах отличаются от прав в других странах? Я имею в виду право наследования женщинами?

- Да, действительно, в этих странах в случае смерти мужа или отца, наследницей становится жена или дочь, но это не отменяет опеку при некоторых обстоятельствах со стороны ближайших родственников-мужчин.

- Ну, хоть какие-то уступки женщинам, - усмехнулась я. - А в нашем королевстве династические браки допустимы или обязательны?

- Не обязательны, но желательны. Король заботится о могуществе своего королевства.

Отвечая на вопросы, Торин подтвердил мои догадки о том, что женщина в этом мире не обладает правами от слова «вообще» и

полностью зависит от мужчины. Впрочем, также как и в нашем мире до недавнего времени. Оптимизма это не прибавило.

- Леди Ира, могу я теперь Вас спросить? – обратился ко мне Торин.

- Слушаю Вас.

- Как давно Вас занимают эти вопросы?

- С тех пор как стала посещать занятия профессора Креминга. Он умеет заинтересовать.

- Я заранее прошу прощения за вопрос, который хочу задать Вам, поверьте, это не ради праздного любопытства, - начал осторожно Торин и, дождавшись моего кивка, продолжил: - Зачем понадобилось обучать бастардов, Вы же понимаете, что Ален никогда не признает их своими детьми?

- Это как-то связано с наследством? – уточнила я.

- Да, это в первую очередь: если Ален признает детей, то они потеряют статус бастардов и станут равноправными наследниками, но, помимо этого, существуют и другие причины. Я просто не могу понять, для чего это лично Вам?

- Признает их мой муж или нет, они не перестанут быть его детьми по факту, в них не перестанет течь его кровь. Мы должны нести ответственность за свои поступки. И если, как Вы говорите, он не может признать их официально, то заботиться о них ему никто не запрещает. Да и потом, разве в будущем Ажану помешает поддержка преданных людей? А лично я пытаюсь защитить интересы мужа или, если хотите, рода Монсервилей.

Торин растерянно смотрел на меня, пытаюсь понять, насколько я искренна.

- Но этим поступком Ален бросает вызов обществу, его вряд ли одобряют. Такое поведение не вписывается в нормы представителя королевской элиты, - Торин говорил таким тоном, будто удивлялся, как я не могу понять прописные истины. Собственно, он лишь повторял то, о чем говорила тетушка.

- Мы все в той или иной степени зависим от мнения окружающих, но, полагаю, мой муж достаточно уважает себя, чтобы не идти на поводу у толпы. И потом, нормы устанавливаются людьми для собственного удобства. По-моему, если нормы поведения вступают в противоречие с моралью, то следует менять их. В противном случае, постепенно можно не заметить, как аморальность станет нормой.

Торин откровенно завис, я наблюдала за сменой эмоций на его лице. Сначала было изумление, промелькнула растерянность, затем, слегка наклонив голову, он смотрел на меня по-мужски оценивающим взглядом. Впрочем, я вполне могла неверно истолковать этот взгляд.

- Я разочаровала Вас? – спросила его.

- Вы меня поразили в очередной раз, но о разочаровании не может быть и речи, - запальчиво возразил Торин, - скорее наоборот.

Он замолчал, немного смутившись.

- Торин, расскажите, пожалуйста, о себе, - попыталась выйти из неловкой ситуации, - есть ли у Вас родные? Как давно Вы знакомы с моим мужем?

- Мои родители живут в графстве Ривган, у меня есть младшая сестра, несколько лет назад она вышла замуж. С Аленом мы знакомы с детства, вместе учились в специальном заведении для детей придворной знати, с тех пор дружим.

Я усмехнулась про себя способности Торина ответить на все вопросы и не сказать ничего нового, чувствовался опыт дипломатической работы.

- Привет, Вилсон! – помахала я издали мальчику, стоящему за мольбертом и внимательно следящему за нашим приближением.

Торин и я как раз подходили к месту, где он обычно рисовал, а мы с Ажаном любили находиться неподалеку.

- Торин, познакомьтесь, это Вилсон, он замечательно рисует, его работа украшает детскую, - с гордостью сказала я, глядя на мальчика, потом представила Торина: – А это друг Его Сиятельства граф Торин Ривган.

Вилсон настороженно поклонился, а Торин с любопытством его рассматривал. Я расстелила покрывало на траве, перенесла из коляски Ажана, разложила игрушки, села рядом и со смехом обратилась к Торину:

- Рискнете присоединиться к нашей компании, граф?

- С удовольствием, - засмеялся Торин и опустился на покрывало рядом со мной.

Вилсон рисовал, время от времени посматривал на нас, только взгляд его был сосредоточенным, он не улыбался, как это бывало раньше.

- А можно посмотреть, что рисует мальч... Вилсон? – поправился

Торин под моим насмешливым взглядом.

- Нет, он не разрешает, - ответила я. – Знаете, когда Вилсон рисовал картину, о которой я упомянула, он часто смотрел вдаль, закрывал глаза и застывал на некоторое время, потом продолжал рисовать. Позже оказалось, что на картине изображен не раскинувшийся перед ним пейзаж, а море, по которому плывет парусное судно. Он точно также застыл и долго смотрел на море, когда впервые увидел его.

Ажан сполз с покрывала, я потянулась за ним и, не удержавшись, упала на Торина. Он подхватил меня двумя руками, но возвращать в исходное положение почему-то не спешил, его руки крепко сжимали мою талию, я слышала его участившееся дыхание возле самого уха. Удерживая Ажана, продолжала лежать, прислонившись к Торину, а он не торопился что-то делать.

- Торин! – со смехом обратилась я к нему, - помогите же мне сесть.

Через мгновение, будто очнувшись, он медленно вернул меня в вертикальное положение. Я обернулась, чтобы посмотреть на него, и на секунду мне показалось, что увидела в его глазах печаль, но он улыбнулся и, будто и не было никакой заминки, спросил:

- Вы возили его в город, чтобы показать море?

- Не только его, мы ездили вместе с детьми, только Ажана не взяли – слишком мал для такой поездки. До того момента они вообще никуда не выезжали, я подумала, что детям обязательно надо посмотреть новые места. А море!? Разве оно может оставить кого-то равнодушным?

Торин даже чуть наклонился вперед, когда слушал, теперь он не просто смотрел, его взгляд впивался в меня.

- Перестаньте искать во всех моих словах и поступках двойной смысл, это начинает утомлять, - не выдержала я.

Он отшатнулся, явно не ожидая от меня подобного. Я наблюдала за ним, было любопытно, что за этим последует.

- Простите, если я Вас оскорбил, если мое поведение показалось Вам бестактным, - извинился он и выглядел при этом смущенным. – Я пытаюсь понять Вас, но мешает стереотипное мышление. Вы не похожи на других, я никогда не встречал таких женщин. Вы особенная.

Его последние слова были еле слышны. Он замолчал, потом резко встал:

- Прошу еще раз простить меня, сейчас мне лучше уйти, - и, стараясь не смотреть в мою сторону, быстро стал удаляться.



Я растерялась и не знала, как отнестись к только что услышанному: комплимент это или намек на разоблачение.

Торин быстро приближался к замку, ему необходимо было побыть одному, отвлечься, потому что понимал, что успокоиться сейчас не получится. Свернув к конюшням, попросил оседлать своего коня и, спустя некоторое время, уже мчался по дороге. Скачка остудила его пыл, помогла прийти в себя. Он спешил и сел на траву, прислонившись спиной к дереву. Пора было признаться себе, что жена Алена все больше занимала его мысли. Она ему понравилась с первой же минуты, ее внешность и манеры приятно удивили, но он не обольщался. Торин видел, как страдал его друг, но не знал причину разлада. Он прямо сказал Алёну, что ему понравилась Ирэйна. И тогда друг открылся ему, с какой горечью и болью он поведал об измене жены и попытке побега! Торин был поражен, у него не было оснований не верить другу, но не знал, как это связать с тем, что он видел. Наблюдая за женой Алёна, общаясь с ней, он надеялся разоблачить ее, уличить в корысти или хотя бы в неискренности, но поведение Ирэйны приводило его в замешательство. Торин поднялся и не спеша двинулся по дороге назад, ведя коня за уздечку. Чем больше он узнавал о жене друга, тем менее она походила на ту женщину, о которой говорил Алёна. Уверенность Ирэйны в своей правоте не вызывала сомнений. Она не оправдывалась, не бросала вызов, не пыталась что-то кому-то доказать, она просто поступала так, как считала нужным.

Их последний разговор не только доказал тщетность попыток обвинить ее в коварных замыслах, но и обнажил чувства Торина к этой женщине. Пытаясь помочь другу, он все больше увязал сам. Самое смешное, что Ира (она разрешила ему так называть ее!) не кокетничала, не старалась привлечь его внимание, не давала ни малейшего повода усомниться в своем исключительно дружеском отношении к нему. «Перестаньте искать во всех моих словах и поступках двойной смысл, это начинает утомлять», - сказала с улыбкой, и он видел, что она даже не обиделась на него. Он случайно прикоснулся к ней и то, что ощутил при этом, его испугало. Обхватив ее талию, он с удивлением понял, что она не носила корсета. Почувствовав через тонкое платье тепло ее тела, Торин чуть не потерял голову, он наслаждался ее близостью и не мог разжать руки, пока она не попросила об этом. Ему потом стоило

немалых усилий вернуться к разговору.

Еще за завтраком он заметил, что Ира ведет себя немного отстраненно, и с лица ее не сходит счастливая улыбка. И Ален, так некстати уехал. Внезапно Торину пришла в голову невероятная догадка, он даже споткнулся.

Торин хорошо помнил то утро на площадке после тренировки с мечами. Ему не забыть, какими глазами Ирэйна смотрела на мужа, как он сказал об этом Алену, и тот обернулся. Они тогда застыли и не могли взгляд отвести друг от друга. В их глазах полыхала страсть, и хотя потом Ален отрицал это, но Торин понимал, что этих двоих тянет друг к другу с невероятной силой. Торину тогда было горько признать, что он впервые позавидовал другу. Возможно ли, что Ален не смог противиться притяжению и пришел ночью к своей жене? Не этим ли объясняется ее необычное состояние? И что же сделал Ален потом? Испугался своего чувства и сбежал? Торин попытался убедить себя, что он ошибается и, запрыгнув на коня, поскакал в замок.

Возвращаясь к себе в апартаменты, Торин услышал за поворотом голос Элины, идущей ему навстречу. Чтобы избежать разговора с этой особой, он вошел в первую попавшуюся на пути гостиную и укрылся в нише.

- Сколько можно ждать? Я хочу видеть вашу хозяйку! – раздраженно кричала графиня Терваль. - Я не потерплю к себе такого отношения!

Торин заметил, как мимо гостиной, где он укрылся, пронеслась горничная, а графиня вошла в комнату и стала нервно расхаживать из угла в угол. Торин выругался про себя, но выйти не решился – сейчас это выглядело бы нелепо.

Наконец, послышались шаги, и он увидел вошедшую в гостиную Ирэйну.

- Вы хотели меня видеть, графиня? – вежливо спросила она.

- Да! - не скрывая своего недовольства, громко воскликнула та. - Мне нужно с Вами поговорить.

- Слушаю Вас, - спокойным голосом произнесла Ирэйна, присела на кресло и подняла глаза на графиню Терваль.

Та тоже присела и вызывающим тоном обратилась к ней:

- Когда Вы перестанете обманывать своего мужа и во всем ему признаетесь?

- Я не понимаю, о чем Вы?

- Виконт Плеринг, - сказала, будто выплюнула, Элина и с победной улыбкой уставилась на собеседницу.

Торин замер, затем аккуратно выглянул из ниши и стал внимательно следить за разговором.

Ирэйна не сказала ни слова, лишь вопросительно изогнула бровь и ждала продолжения.

- Вы знаете, кто это? – усмехнувшись, спросила графиня Терваль.

- Ваш любовник? – насмешливо предположила Ирэйна.

- Нет! – взвизгнула Элина и вскочила с кресла. - Это Ваш любовник!

- Невозможно, - тем же невозмутимым тоном возразила Ирэйна, - как минимум я бы об этом знала.

- Вы сколько угодно можете отпираться, но в Ваш прошлый приезд в столицу все во дворце видели, как Вы с ним флиртовали, и Ваш муж тоже видел, - кричала Элина, сжав кулаки.

Ирэйна молчала и с презрительной усмешкой смотрела на нее.

- Ален Вас не любит, он любит меня! Вы не сможете его удержать...

- Довольно! – прервала графиню Ирэйна, поднимаясь с кресла. - Вы забываетесь! Еще одна подобная выходка и Вам придется покинуть этот дом.

- Это дом Алена, а не Ваш! Он меня сюда пригласил, и только ему решать уехать мне или остаться! А Вы ничего не сможете сделать, потому что мало что значите для него! – кричала Элина вслед графине, покинувшей гостиную.

Элина стояла посреди комнаты и тяжело дышала, затем на ее лице появилась довольная улыбка.

- Ты не сможешь помешать мне, не в этот раз, - тихо, почти шепотом проговорила она, но Торин услышал. Он еще немного постоял после ее ухода, а потом пошел к себе, необходимо было осмыслить увиденное.

## **Глава 24**

Ален

Ален медленно ехал на коне, даже не пытаясь подгонять его. Они с Людвигом побывали в двух поместьях. Объезжая свои владения граф, казалось, внимательно выслушивал подробные доклады о состоянии

дел. Управляющие поместий и арендаторы, не зная как реагировать на молчание хозяина, начинали детально говорить о возникающих проблемах и способах их решения. После небольших пауз, которые возникали каждый раз, как люди замолкали, граф молча кивал и двигался дальше. По его лицу невозможно было прочесть, доволен ли он своими подчиненными.

Ален оставил попытки вникнуть в проблемы арендаторов, все мысли его были об Ирэйне. После посещения классной комнаты и разговора с Ториным Ален сидел в своей спальне и думал о том, что не знает, как вести себя с собственной женой. Он вынужден был признаться, что постоянно думал о ней, вспоминал блеск ее серых глаз, поворот головы, холмики груди, прикрытые скромным вырезом платья и едва колышущиеся, когда она смеялась. Ален не мог себе объяснить, почему желание обладать ею сейчас захлестнуло его так, как никогда ранее, даже когда думал, что они влюблены друг в друга. Он не мог понять, как могло случиться, что хотел жену с такой безумной силой, с какой еще недавно ненавидел ее. Горько усмехнувшись, закрыл глаза, и тут же вспомнилась ее улыбка, ее нежные губы. Брюки в области паха натянулись, и сквозь сжатые зубы вырвался стон.

Он медленно поднялся и стал передвигаться по спальне, стараясь не приближаться к двери. Мысль о том, чтобы войти к жене все больше завладевала его сознанием. Нужна причина, которая бы оправдывала этот поступок. За ужином Ирэйна лишь улыбалась, когда ловила его взгляды на себе, никаких призывных жестов, соблазнительных поз, никакого флирта, намеков не было и в помине. Она не предоставила ему ни малейшего повода ворваться к ней и потребовать каких-либо объяснений, Ален рухнул на стул от бессилия. «Бастарды!» - вдруг вспыхнуло в голове. Конечно, вот он повод! Ему нужно, просто необходимо прояснить данную ситуацию именно сейчас, потому что это никак не могло подождать до завтра!

Боясь передумать, он распахнул дверь и сделал несколько шагов, пытаясь одновременно задать вопрос. И тут Ален увидел почти обнаженную женщину в каком-то невероятном черном белье и пораженно застыл, будто получил удар в солнечное сплетение. Он стоял, как прикованный к полу, рвано дыша и скользя взглядом по изящной фигуре. Ее руки были подняты и придерживали волосы, грудь аппетитно выглядывала из кружев, сквозь которые проступали

напрягшиеся соски. Глаза его опустились ниже, разглядывая талию и плоский живот. Он уставился на полоску черного шелка, едва прикрывавшую ее бедра, а затем на длинные стройные ноги. Взгляд его опять прошелся по телу теперь уже снизу вверх и замер, встретившись с ее глазами. Поначалу он не мог прийти в себя и поверить, что это чудное видение – его жена.

Она опустила руки, и волосы тяжелой волной рассыпались по ее роскошным плечам. Сильнейшая дрожь, как молния, пронзила все его тело. На негнущихся ногах он подошел к ней и обнял ладонями ее лицо, а потом припал к ее губам и пил их, будто пытаюсь утолить мучившую его жажду. Прижав ее к себе, сжимая в объятиях, он целовал ее, пока хватало воздуха в легких.

Ален распахнул халат, который каким-то образом оказался на ней, вновь увидел полную грудь в черном кружеве и, потеряв голову, стал ласкать ее. Он плохо помнил, как они оказались на постели, потому что память высвечивала отдельные моменты. Вот жена изогнулась под ним, затем сняла кружевную ткань с груди и отбросила ее в сторону, освобожденные полушария при этом колыхались перед его глазами, дразня затвердевшими сосками. Он с рыком почти набросился на нее.

С трудом сдерживаясь и продолжая ласкать жену, Ален освободил ее бедра от белья. Раздвинув их, со стоном вошел в нее и услышал сладкий стон в ответ. Он каким-то образом почувствовал ее готовность к завершению и стал быстрее двигаться, оргазм они испытали одновременно. Это был взрыв, посылающий сладкие импульсы по всему телу, он чувствовал, как дрожь сотрясала тело жены. Ален с трудом освободил ее от своей тяжести и даже не сразу заметил, что удерживал за руку.

Граф смотрел на жену и не мог наглядеться, он с тайной гордостью наблюдал, как она приходила в себя. Ирэйна улыбнулась ему и вдруг коснулась его щеки рукой, он не шевелился, опасаясь спугнуть ее и задыхаясь от нежности, с которой она его ласкала. Желание вспыхнуло с новой силой, когда она лизнула, а затем прикусила его сосок. Он всматривался в ее глаза и видел там зеркальное отражение своей страсти. Когда она сжала его плоть, он испытал шок. Испугавшись, что не выдержит такой ласки и, как мальчишка, мгновенно достигнет разрядки, он отвел ее руку. Не пытаясь сдерживаться, ласкал ее, стараясь, чтобы она испытала то же, что чувствовал он. Целуя ее грудь,

рукой коснулся треугольника волос внизу живота, она с готовностью раздвинула бедра, и его пальцы проникли внутрь. Лаская ее, лоя ее стоны, ему все труднее было сдерживать себя. Не сводя с жены взгляда, он накрыл ее тело своим и медленно вошел в нее, она тоже смотрела на него и не скрывала, что испытывает удовольствие. Ален подвел ее к оргазму, а затем с пронзительным восторгом испытал его сам. Глядя на счастливое лицо жены, он как будто сам купался в этом чувстве.

Она снова удивила его, положив голову ему на грудь и нежно обняв. Он услышал ее ровное дыхание и понял, что жена заснула. Ален лежал, боясь пошевелиться, он пока не мог дать определение тому чувству, которое испытывал, оно было незнакомо ему. Да и женщина, которую обнимал, ничем не напоминала прежнюю жену. С той он не испытывал и сотой доли того, что почувствовал благодаря этой Ирэйне. Откуда в ней такая искушенность? Вдруг Ален вздрогнул, и его прошиб холодный пот: любовник научил ее всему! Он осторожно высвободился из объятий супруги и встал с постели. Как он мог забыть? Жена заставила его потерять голову, в постели с мужем она лишь повторила то, что раньше проделывала с любовником. Ален едва сдержался, чтобы не зарычать, но теперь уже от злости, быстро собрал свои вещи и подошел к двери. Схватившись за ручку, он не удержался и оглянулся. Жена спала с безмятежной улыбкой, Ален смотрел на нее тоскливым взглядом, потом решительно открыл дверь и покинул спальню жены.

Он так и не смог уснуть, обида и боль снова заполнили его сердце, ревность разрывала душу на части. Ален метался по комнате, потом сел, обхватив руками голову, не помнил, сколько так просидел, но когда за окном забрезжил рассвет, решение было принято. Пусть он не выполнил данное себе обещание - не прикасаться к жене, пока не отомстит ей, не увидит, как она страдает, но свою задуманную месть должен осуществить. Ален понимал, что, только взглянув на жену, увидев ее нежную улыбку, он может передумать, поэтому рано утром отправился с управляющим замка проверять свои поместья. Весь день он старательно воскрешал в своей памяти обидные высказывания жены, ее капризы, ее поступки, не вызывающие у него ничего, кроме брезгливости. Но как набежавшая волна, смывающая надпись на песке, последняя ночь, проведенная с женой, смывала все обиды. Все, кроме ревности. Это чувство было настолько сильным, что постепенно выжигало все остальные. В замок Ален возвращался опустошенным, но

сохранил твердое намерение отомстить жене этой ночью.

## Глава 25

Ирэйна

Я сидела в своей спальне перед зеркалом, горничная расчесывала мои волосы, спутавшиеся после купания. На кровати лежал новый комплект нижнего белья, на этот раз белого цвета, в него входил еще и пеньюар, придающий белью особую пикантность. Все было подготовлено к встрече с мужем. Он поздно вернулся в замок, на ужине так и не появился, но я была уверена, что Алэн придет ко мне ночью, что он соскучился по мне так же сильно, как и я по нему. Эйфория, в которой пребывала весь день, не исчезла. Даже разговор в гостиной с Элиной не смог изменить мое настроение, хотя ее бесцеремонные заявления и претензии привели меня в смятение и заронили в душу семена сомнений. Стараясь не показать ей этого и не желая слушать ее грязные инсинуации, я покинула комнату.

Перед ужином мы мило побеседовали с вернувшимся из города врачом Бернетом.

- Как Вы себя чувствуете, миледи? – спросил он, внимательно наблюдая за мной.

- Благодарю, я хорошо себя чувствую, - доброжелательно улыбнулась я ему, - но Вас, скорее всего, интересует моя память?

- Безусловно. Я хотел бы узнать, все ли воспоминания к Вам вернулись?

- Не буду Вас обманывать, господин Бернет, память я смогла восстановить не полностью. Не является ли это поводом в изменении моего характера? – я сделала попытку обосновать причину в разнице поведения Ирэйны до и после падения.

- Вы, миледи, действительно мало напоминаете ту особу, которую я наблюдал ранее. Думаю, что потерянная память является своеобразной платой за те кардинальные, на мой взгляд, изменения Вашей личности, - уверенно заявил врач.

- Означает ли это, что негативные последствия, полученные при падении, полностью устранены? – уточнила я, обрадовавшись выводам врача.

- Считаю, что Вы не нуждаетесь в дальнейшем лечении, - привычно покосившись на меня после моих «ляпов» произнес он, - и буду откровенен – я доволен результатом.

- Еще раз хочу поблагодарить Вас, господин Бернет! - сдерживая восторг от слов лекаря, воскликнула я. - Никогда не сомневалась в Вашей компетентности, а Ваши методы лечения не вызывают у меня ничего, кроме восхищения.

Бернет с улыбкой поклонился, и, довольные друг другом, мы разошлись. Мне казалось, что Ален отнесется к выводам лекаря благосклонно, что тоже будет способствовать улучшению наших отношений.

Оставшись одна, я ждала мужа, мысленно перебирая сладостные моменты прошедшей ночи. Через некоторое время я была возбуждена настолько, что не могла сидеть: ходила по комнате, и волнение все больше и больше овладевало мною. Не выдержав, я подошла к двери и прислушалась, ничего не услышав, открыла дверь и вошла в спальню мужа. Она была пуста, и, судя по застеленной кровати, Ален здесь еще не появлялся. Я разочарованно вздохнула и вернулась к себе, прилегла на кровать и не заметила, как уснула.

Утром, проснувшись, поняла, что Ален так и не приходил ко мне, стало обидно. Неужели какие-то дела важнее встречи со мной? В любом случае продемонстрировать свое недовольство я не собиралась. А, может быть, он устал, ведь весь день практически провел в седле? Эта мысль меня успокоила, я даже повеселела и в хорошем настроении спустилась к завтраку.

Когда я вошла в столовую, все уже были там. Меня удивило, что Элина не задержалась, как обычно, а уже сидела по левую сторону от Алена. Стоило мне войти, как она с насмешкой, в которой недвусмысленно читалось превосходство, уставилась на меня и не просто не отводила глаз, а жадно пыталась поймать мой взгляд. Посмотрев на нее, мне показалось, что это не просто насмешка, это взгляд победителя. «Опять сделала какую-нибудь пакость или только собирается», - подумала я, стараясь не заикливаться на этом.

Муж мельком взглянул на меня, я приветливо улыбнулась ему. Во время завтрака стояла тишина, не могу сказать, что это было необычно, но я чувствовала напряжение. Ален не поднимал глаз от тарелки, мне показалось, что он избегал моего взгляда, Торин сосредоточенно жевал, иногда бросая встревоженные взгляды на Алена. Что-то было не так, предчувствие надвигающейся катастрофы охватило меня.

- Ален, милый, - раздался громкий голос Элины, - я хотела



прогуляться верхом после завтрака, Вы не могли бы сопровождать меня?

Она заискивающе заглянула в лицо Алену, накрыв его ладонь своею. Все, кроме моего мужа с недоумением уставились на нее, он же ни на кого не смотрел.

Затем, по-прежнему обращаясь к мужу, но при этом вызывающе глядя на меня, она сказала:

- Мне с Вами будет спокойнее, Вы великолепно держитесь в седле, впрочем, Вы во всем великолепны! И сегодня доказали это!

Ее слова, сопровождавшиеся звуком разбитой тарелки, которую выронил слуга, прозвучали для меня, как выстрел. Я была настолько поражена, что не сразу заметила, как муж впился в меня немигающим взглядом. Впрочем, не только он, все, включая слуг, смотрели на меня. А я растерянно глядела на Алена и мысленно молила его: «Скажи, что это неправда, пожалуйста!», но он молчал. И тогда меня накрыла ярость, в глазах потемнело, я стала задыхаться. Состояние было близкое к обморочному, но вот только хрен вам, а не обморок! Такого подарочка вы от меня не дождетесь! Глубоко дыша, я разжала руки, с силой сжимавшие вилку и нож, аккуратно положила их на стол, пресекая сильнейшее желание запустить ими в дорогую гостью и своего недешевого супруга.

- Потрудитесь объяснить, что это значит? – обратилась я к мужу.

- Никто не должен тебе ничего объяснять! Я предупреждала, что ты для Алена ничего не значишь, теперь он мой, мы снова вместе и не собираемся расставаться! – захлебываясь от накопившейся злости, кричала Элина.

Мой муж смотрел на меня, сжав зубы, и молчал.

- Ваше молчание я рассматриваю, как согласие со словами этой истерички! – с усмешкой произнесла я, не отводя от него взгляда. - Мне вот любопытно, теперь, когда вы вместе и решили не расставаться, уже придумали, как избавиться от меня? Вместе это будете делать или Вы, граф, гордо и смело уступите это право своей новой избраннице?

Элина после этих слов бросила на Алена виноватый взгляд и больше не смотрела на меня. Опаньки, никак рыльце-то у любовницы моего муженька в пуху.

- Ирэйна, не забывайтесь! – не сдержался супруг и вскочил.

- Это Вы мне? – насмешливо спросила я. - Вы, который не

постеснялись привести женщину с манерами шлюхи из подворотни в свой дом в качестве гостьи и тем самым дали повод обращаться с ней, как с равной?

Уперев ладони в стол, я медленно стала подниматься, продолжая говорить:

- Вы, который забыли о сыне, потому что, если бы помнили, то никогда не позволили оскорблять его мать тем более в своем доме!

Ален, яростно сжимая кулаки, замер, прожигая меня взглядом.

- Вы, который менее, чем через сутки променяли меня на.., - я замялась, подбирая слово из целого списка подходящих слов, - на дешевку. По сути, Вы меня предали. А знаете, вы стоите друг друга!

Последние слова я произнесла уже тише, запал кончился. Было стойкое ощущение, что меня испачкали, причем намеренно. Я развернулась и быстрым шагом вышла из столовой.

- Ирэйна! – услышала разгневанный голос супруга, - вернитесь немедленно!

- Да пошел ты! – не оборачиваясь, ответила ему, проходя мимо дворецкого.

Я вышла из замка и наткнулась на Артура, он радостно поприветствовал меня.

- Артур, миленький, беги на конюшню и вели запрячь мне лошадь, пожалуйста! Я очень спешу.

Мальчик кивнул и побежал, я свернула за угол, чтобы из замка не было заметно, куда направляюсь. Когда, запыхавшись, прибежала на конюшню, лошадь была оседлана.

- Ваша Заря готова, - сказал конюх, подведя ко мне красивую серую лошадь с женским седлом для верховой езды.

«Значит, Заря», - подумала я, а вслух сказала: - Поеду к озеру, прогуляюсь.

Конюх помог мне сесть, я поблагодарила его и Артура и, тронув лошадь хлыстом, послала ее сначала шагом, а потом рысью. Села на лошадь впервые, но страха не было, да и тело Ирэйны не подвело, я чувствовала себя в седле достаточно уверенно. Поехала по направлению к озеру, а когда скрылась из виду, свернула в противоположную от него сторону. Я скакала более получаса, меняя направления, пока, наконец, не почувствовала, что в состоянии подумать над случившимся. Я отпустила поводья, Заря медленно шла, иногда останавливаясь.

Что, собственно, произошло? Мне изменил муж. Во-первых, точно мне? Допустим, он изменил Ирэйне, нет, не сходится, он изменил после нашей ночи, значит, все-таки – мне.

Во-вторых, чей муж? Своим я его могу назвать с большой натяжкой. Почему же мне так больно? Я закусила губу.

В-третьих, я хотела этого мужчину, испытывала, так сказать, физиологическую потребность. «Ну что Ира, утолила свой сексуальный голод? – мысленно обратилась я к себе. - Похоже, не просто утолила, а переела. До тошноты».

Понятно, что для меня это не просто удовлетворение потребности, тут без чувств не обошлось, без них такого офигительного секса не получилось бы. Так ведь никто не заставлял меня испытывать чувства, если разобраться, и особых поводов не было. Ключнула на смазливую внешность, хотя нет, внешность ни при чем, просто потянуло. Вот так просто и тупо – потянуло. Как же больно! Прикусив губу сильнее, почувствовала кровь.

Он, в сущности, не виноват, для него эта ночь ничего не значила. Я к нему с кучей нерастроченных чувств, а он просто взял, что предлагали, если коротко - попользовался. С какой стороны не смотри – сама виновата. Боль я ощущала уже физически, живот скрутило в тугий узел, в груди такая тяжесть, будто ее каменными валунами сжали. Я не выдержала: закрыла лицо руками и заплакала.

## **Глава 26**

Ален

- Как она смеет оскорблять меня? Ален, она посмела оскорбить и Вас! – вновь закричала Элина, хватая Алена за руку. - Что она себе позволяет? Вы должны...

- Леди Элина! – перебил Ален, сбрасывая ее руку, - пройдите к себе. Вам необходимо подготовиться к отъезду.

- К отъезду? – воскликнула Элина. - Мы уезжаем?

- Вы уезжаете, - отрезал Ален, - и не позднее завтрашнего дня.

- Ален, как Вы можете так говорить после всего, что между нами было? – запричитала она. Увидев, что он направился к выходу, крикнула: - Я никуда не поеду!

Ален остановился, резко развернулся и с угрозой в голосе отчеканил:

- Сегодня! Вы уезжаете сегодня! Поторопитесь, если хотите уехать

с сопровождением!

Выйдя из столовой быстрым шагом, он остановился возле дворецкого:

- Куда направилась графиня?

- Мне неизвестно, Ваше Сиятельство, - ответил Мортин.

- Но она что-то сказала, когда уходила, - настаивал Ален.

Дворецкий замялся, Ален молча ждал. Наконец, Мортин, откашлявшись, произнес:

- Вы ей приказали немедленно вернуться...

- Я помню, что я сказал, - раздраженно перебил Ален, - меня интересует, что сказала графиня!

- Ее Сиятельство ответила Вам: «Да пошел ты», - договорил дворецкий.

- Что это значит? Куда пошел? - растерянно спросил Ален.

- Ее Сиятельство не уточнила, - промолвил Мортин.

- Найдите мою жену! Немедленно! Передайте, что я жду ее в кабинете! - приказал он.

Ален шел в кабинет, никого не замечая, перед глазами стояло лицо Ирэйны в самый первый момент, когда она услышала слова Элины. Он узнал этот взгляд, такое выражение глаз он видел множество раз у раненых солдат, страдающих от физических мук. Ален стоял возле окна и смотрел во двор, где суетились слуги в поисках его жены. Он пытался успокоиться и не мог, кулаки непроизвольно сжимались и разжимались. Ален не понимал себя, ведь все произошло так, как и было задумано. Хотел, чтобы ей было больно, более того, он желал видеть это. Его желание исполнилось, только вместо предполагаемого чувства удовлетворения и радости победителя, была горечь поражения и потери.

В кабинет вошел Торин, Ален обернулся к нему:

- Торин, я не хочу сейчас говорить...

- Ирэйна ускакала к озеру на Заре, - не дослушав друга, быстро произнес он, - я еду за ней.

- Я сам поеду, - воскликнул Ален и почти выбежал из кабинета.

Они вернулись через два часа. Не обнаружив Ирэйны возле озера, обыскали прилегающие к нему территории, но так никого и не встретили. Тогда Ален решил организовать поиски по всем правилам и разослал воинов из охраны замка во всех направлениях, сам с Торинном

отправился с ними. Выехав из леса, где друзья осматривали буквально каждый куст, они двигались по дороге. За все время поисков не сказали друг другу ни слова, наконец, Ален заговорил:

- Она сбежала, она опять сбежала! - в его голосе растерянность смешалась со злостью, и еще явно прослеживались нотки паники.

- После того, что ты с ней сделал? – без капли сочувствия спросил Торин, не взглянув на друга. - Это и неудивительно.

Ален ничего не успел ответить на замечание друга, к ним подъехал Ренке:

- Ваше Сиятельство, миледи вернулась в замок, оттуда прислали гонца.

Все трое молча устремились к дороге, ведущей в замок.

## **Глава 27**

Ирэйна

Не знаю, сколько прошло времени до тех пор, пока я перестала лить слезы. Подняв глаза вверх, увидела, как лучи солнца проникали сквозь листья деревьев, стали слышны пение птиц и шелест листвы, явные признаки того, что начала приходить в себя. Надо постараться собрать себя по кусочкам и ехать в замок, там у меня сын.

По большому счету, не так уж все и плохо: все живы, здоровы, во всяком случае, физически – это сто процентов. Из негатива: в наличии имеется конфликтная ситуация в семье, но я сейчас не в том состоянии, чтобы не то что решить ее, но даже думать об этом. Еще имеется боль от предательства, нет, пожалуй, не так пафосно, боль от измены, которая сжигала до тла мои чувства. Придется потерпеть, хотя, можно и лечить, вот прямо сейчас и начну: «Не ты, Ира, первая, не ты – последняя». Меньше болеть не стало, но немного отвлекло, как холодный душ.

Беседуя сама с собой, приводя себя в чувство (а на кого мне надеяться?), увидела всадников, которые пронеслись мимо, не заметив меня. Я подождала, пока они скрылись, свернула на дорогу и вскоре подъехала к замку. Мне навстречу бежали слуги с криками:

- Миледи! Где Вы были? Вас ищут!

Я ничего не ответила, поблагодарила, когда мне помогли слезть с лошади, и пошла в замок. Дверь открыл Мортин и с беспокойством посмотрел на меня.

- Пришли, пожалуйста, Агнесс, хочу искупаться, - сказала я ему и

пошла к себе в спальню.

Агнесс вбежала в комнату и тут же попыталась заговорить, но я подняла руку, не желая ничего слушать и холодно произнесла:

- Ни слова, наполни ванну.

Искупалась в тишине, Агнесс помогла мне вымыть, а затем высушить волосы. Иногда я ловила на себе ее встревоженные взгляды, но заговорить она не решалась. Я понимала, что все в замке в курсе того, что произошло за завтраком, и скоро прислуга станет смотреть на меня с жалостью. Этого нельзя допускать, но пока не хватало сил строить из себя сильную женщину. Я шла в детскую, когда на моем пути появился дворецкий:

- Ваше Сиятельство, Его Сиятельство велел передать, что ждет Вас в кабинете.

Я выслушала его, обошла и продолжила свой путь по тому же маршруту. Прекрасно понимала, что слуги не виноваты, но каждое слово требовало от меня каких-то усилий, а я не могла себе позволить растрачивать их, потому что знала - разговора с графом не избежать. Когда вошла в детскую, то увидела, что Ажан капризничал.

- Он весь день плачет, миледи, - сказала уставшая няня, передавая мне малыша.

Я взяла сына на руки и стала укачивать, приговаривая, какой он замечательный. Ребенок, немного похныкав, успокоился и заснул, вцепившись пальчиками в край выреза моего платья, а я ходила по комнате, не переставая его баюкать, прекрасно осознавая, что мне это сейчас нужно больше, чем ему.

Ален

Соскочив с коня, Ален бросился к замку, Торин тенью следовал за ним.

- Что с графиней? Где она? – спросил он у дворецкого.

- Ее Сиятельство после прогулки изъявило желание искупаться и сейчас принимает ванну, - ответил Мортин.

Ален облегченно выдохнул и уставшим голосом проговорил:

- После купания я жду ее в кабинете.

- О чем ты хочешь поговорить с женой? – спросил Торин идущего рядом Алена.

- О том, что произошло, и почему я так поступил, - ответил Ален.

- А ты поговорил с лекарем?

Ален резко остановился и, хлопнув Торина по плечу, воскликнул:

- Точно! Нужно поговорить с Бернетом! Спасибо, друг! – он быстрым шагом направился к комнате лекаря.

- Я не могу понять, что произошло с моей женой, - обратился Ален к Бернету. Они сидели в гостиной, Ален, чуть подавшись вперед, взволнованно смотрел на лекаря, Бернет, хоть и старался выглядеть спокойным, был напряжен.

- В результате падения с лошади она ударилась головой, потеряла сознание. Почти трое суток графиня не приходила в себя, была на грани между жизнью и смертью. А когда очнулась, то выяснилось, что она потеряла память. Леди Ирэйна не помнила себя, Вас, своего сына, не узнавала никого. Вместе с тем, Ваша жена изменилась сама, и это было заметно с первых же моментов, - подробно начал отвечать Бернет.

- И как это можно объяснить? – горячился Ален.

- Дело в том, что это первый случай в моей практике, кажется, что-то подобное случилось несколько лет назад в столице, ходили слухи среди дворцовых лекарей о том, что человек, потеряв память, очнулся совершенно другим, но я, к сожалению, не знаю подробностей. Мне только запомнилось одно странное слово – перерождение. Об этом запрещено было даже говорить под страхом наказания.

В памяти Алена всплыли обрывки дворцовых сплетен, но в то время не придавал им значения, поскольку они его не касались.

- Видите ли, Ваша жена потеряла память, но не разум, - продолжал он после небольшой паузы. - Именно так она и заявила, и обратилась ко мне с просьбой помочь ей восстановить память, нисколько не сомневаясь в моей компетентности, - после этих слов Бернет посмотрел на Алена, будто ожидал возражений.

Но граф терпеливо ждал продолжения, потому что так и не услышал ответа на свой вопрос.

- Ваше Сиятельство, я знал графиню до этого происшествия, я наблюдал ее в период беременности, принимал у нее роды. Мне кажется, я имею право сказать, что достаточно хорошо изучил ее характер и привычки, - сказав это, лекарь немного помедлил, а потом, что-то окончательно решив для себя, продолжил: - Так вот, графиня до потери памяти и после – это два разных человека.

Бернет замолчал и с вызовом смотрел на Алена, тот ошеломленно

уоставился на лекаря, пытаюсь переварить услышанное.

- О чем Вы говорите? – начиная закипать, спросил граф.

- Я смею предположить, что после потери памяти произошло перерождение Ее Сиятельства, она очнулась, забыв о себе прежней, в новом облике. Вы, надеюсь, понимаете, что я не внешность имею в виду? - обратился он к графу. Ален с пересохшим от волнения горлом не мог произнести ни слова и только кивнул.

- Потеря памяти – это не совсем точное определение того, что произошло с Вашей женой. Она ничего не помнила из своего прошлого, потому что это не ее прошлое, это чужая жизнь, - продолжал Бернет озвучивать свою версию случившегося. – Поведение леди Ирэйны после того, как она очнулась, в корне отличается от ее прежнего поведения, свидетелями тому являются все обитатели замка. Но Ваша жена настаивает на потере памяти, более того, она утверждает, что частично память восстановилась. Леди Ирэйна опасается: если признается, что по-прежнему ничего не помнит, то я не дам положительного заключения о ее выздоровлении. Я не рискнул ей сказать о перерождении и делал вид, что верю ей, но со всей ответственностью заявляю - леди Ирэйна не нуждается в лечении, о чем я ей буквально вчера и сказал.

Ален обессиленно откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза, Бернет терпеливо ждал.

- То есть моя жена ничего не знает о своем прошлом? – наконец, спросил Ален.

- Наверняка, что-то знает: кто-то рассказал, где-то услышала, но я утверждаю, что она не помнит прошлого, потому что это не ее прошлое, - ответил лекарь.

- А может произойти обратное, как Вы выражаетесь, перерождение? – неожиданно спросил Ален.

- К сожалению, не знаю. Я не могу исключить вероятность того, что она станет прежней. Вы ведь этого хотите, Ваше Сиятельство?

- Нет! Нет! - в ужасе воскликнул Ален.

- Но мне показалось, что хотите именно этого, Вы с такой настойчивостью пытались доказать ей..., - продолжал Бернет.

- Я не верил, что я она ничего не помнит, - не дослушав, перебил лекаря Ален. - А уж в то, что произошло перерождение, и теперь в теле жены - другой человек, в это еще труднее поверить, почти невозможно,



- закончил он тихо и опустил голову.

Бернет смотрел на него с сочувствием.

- Именно этим можно объяснить ее знания и умения? – вдруг что-то вспомнив, задал он вопрос лекарю.

- Вы сейчас говорите о ее уме? – уточнил лекарь.

Ален смешался, потому что он не мог забыть ночь, проведенную с женой, и имел в виду совсем не ум.

- Он меня поразил с самого начала, - продолжал ничего не заметивший Бернет, - иногда она употребляет неизвестные мне слова и выражения, причем я уверен, что она, в отличие от меня, понимает их смысл и значение.

- Я Вам очень благодарен, господин Бернет, - проговорил Ален, вставая, - сожалею, что не поговорил с Вами раньше. Ваш труд будет высоко оценен.

Бернет с достоинством поклонился. Ален торопился в свой кабинет, Ирэйна, наверное, заждалась. Увидев дворецкого, он спросил:

- Ее Сиятельство давно ждет?

- Ее Сиятельство в детской с сыном, - сообщил Мартин.

- Разве ты не передал, что я хочу ее видеть у себя в кабинете?

- Передал, Ваше Сиятельство.

Ален нахмурился, жена его ослушалась, но ему необходимо поговорить с ней. Он должен и сумеет все объяснить. Ален удивленно посмотрел на Мортина, услышав его тихое покашливание, он вопросительно поднял бровь.

- Осмелюсь напомнить, Ваше Сиятельство, скоро ужин.

Граф задумчиво посмотрел на дворецкого, потом произнес:

- Я буду ждать Ее Сиятельство на ужине.

Мартин склонил голову, лицо его оставалось бесстрастным.

Ирэйна

После того, как ушла кормилица, я уложила Ажана в кроватку, долго стояла и смотрела на него. Пора было возвращаться, видеть никого не хотелось, но и прятаться не привыкла. Выйдя из детской, опять наткнулась на дворецкого. Уже собиралась пройти мимо, как услышала:

- Ваше Сиятельство, осмелюсь доложить: по распоряжению Его Сиятельства графиня Терваль покинула замок.

Я, никак не отреагировав на новость, хотела пройти и успела сделать пару шагов, когда вновь услышала:

- Ваше Сиятельство, осмелюсь напомнить, через четверть часа наступит время ужина.

Оглянулась на дворецкого и, кажется, мне даже удалось улыбнуться ему:

- Благодарю, я спущусь к ужину, Мортин.

Я вошла в столовую, и взгляды всех присутствующих обратились в мою сторону. Ни на кого не обращая внимания, села за стол и, приступив к трапезе, интересовалась исключительно содержимым тарелки. Я не прислушивалась к беседе за столом, пока не услышала:

- Леди Ирэйна! Леди Ирэйна! – лекарь Бернет, видимо, не в первый раз обращался ко мне, стараясь достучаться.

- Простите, господин Бернет, задумалась, - сказала я, пытаюсь натянуть на лицо светскую улыбку.

- Вы сегодня после длительного перерыва ездили на прогулку верхом, как себя чувствуете? – Бернет, видимо, решил втянуть меня в светскую беседу.

- Я чувствую себя преданной, - ответила я ему, глядя при этом на мужа, затем опять уткнулась в тарелку. Все замерли, а супруг вскочил и покинул столовую. Больше никто со мной заговорить не пытался.

## **Глава 28**

Ирэйна

Утром, как обычно, мы с Ажаном были на прогулке, когда к нам подошел Торин.

- Леди Ира, Вы позволите к Вам присоединиться? – спросил он.

Я медлила с ответом, меня «резануло» обращение – Ира. Так позволяла называть себя только друзьям, после случившегося Торин из этой категории выбыл автоматически, так как являлся другом моего мужа, следовательно, не мог быть моим. Я усмехнулась про себя, ведь специально об этом не задумывалась, сработало подсознание.

- Мне необходимо с Вами поговорить, - добавил он, видя мои колебания.

- О чем Вы хотите поговорить? – спросила его, не испытывая и доли любопытства.

- Я должен перед Вами извиниться. Хочу, чтобы Вы знали: к тому, что произошло, не имею никакого отношения, мне жаль, что так

получилось.

- Я бы хотела спросить Вас кое о чем, граф, - перешла я на официальный тон, проигнорировав его дежурные фразы, - могу ли я надеяться на честный ответ?

- Разумеется, графиня, - сдержанно ответил он, принимая новые правила общения между нами.

- Разрешены ли в нашем королевстве разводы?

Надо отдать должное Торину, он ответил на вопрос почти мгновенно, не показав, что удивлен или возмущен.

- Только в исключительных случаях, таких как кровосмешение и двоеженство или двоемужество.

- А если это покушение на жизнь или угроза жизни одному из супругов? – решила до конца прояснить волнующий меня вопрос.

- В этом случае развод не потребует. Если вина одного из супругов будет доказана, то его казнят.

- Благодарю за исчерпывающий ответ, - стараясь не показать своего разочарования, сказала я. Некоторое время мы шли молча.

- Леди Ирэйна, несмотря ни на что, мне все-таки хотелось, чтобы мы оставались друзьями, - произнес Торин.

Я остановилась и в недоумении посмотрела на него:

- Как такое возможно?

- Ну, если Вы не хотите...,- он смотрел на меня, и я видела, что он действительно не понимает. Решила прояснить ситуацию.

- Скажите, Вы знали, какие отношения связывают моего мужа и графиню Терваль?

Он кивнул, смущенно отводя виноватый взгляд.

- Вы знали или понимали, с какой целью она была приглашена в замок?

Снова кивок.

- Вы не могли не просчитать последствия этой ...задумки моего супруга в отношении меня, - я уже не спрашивала, а констатировала.

Торин вскинулся, пытаясь что-то сказать.

- Позвольте, я закончу, - продолжила я. - Вы ничего мне не сказали, не сделали даже попытки предотвратить это. Поверьте, я ни в чем Вас не упрекаю и не сержусь. Вы поступили так, как, наверное, должен поступить друг, но только друг моего мужа. По отношению ко мне Вы вели себя не как мой друг, а в лучшем случае, как сторонний

наблюдатель.

- Прошу простить меня, - произнес Торин напряженным голосом.

- Мне не за что прощать Вас, Вы сделали свой выбор, - ответила я на его извинение, потом добавила: - Вы умный человек, граф, и понимаете, что невозможно усидеть на двух стульях одновременно.

Я оставила Торуна замершим на дорожке и покатила коляску дальше.

Ален

Ален стоял на площадке замка со стороны парка и наблюдал за женой. Она не спеша катила коляску, в которой лежал Ажан. Впервые увидев это передвигающееся приспособление, Ален спросил у управляющего, где тот его приобрел. Читай книги на Книгочей.нет. Поддержи сайт - подпишись на страничку в [VK](#). Когда услышал, что коляску изготовили местные мастера по заказу жены, очень удивился, поверить в то, что она сама придумала, был просто не в состоянии. Позже управляющий показал ему эскизы, которые нарисовал Вилсон со слов Ирэйны, причем Людвиг утверждал, что присутствовал при этом. Ален даже себе не хотел признаваться, как это его разозлило, ее поступок не укладывался в рамки поведения, которые он определил для нее.

Ален видел, как она наклонилась, взяла сына на руки и подошла с ним к цветам, высаженным вдоль дорожек парка. Малыш вертелся, тянулся к бутонам и листьям, пытаясь схватить их, Ирэйна плавно отступала, не позволяя ему прикоснуться. Ребенок возмущенно завизжал, жена подняла его вверх на вытянутых руках и легонько подбросила, радостный смех попеременно с визгом разнесся по парку. Ален видел, как садовники и слуги, находившиеся неподалеку, с улыбкой наблюдали за этой сценкой. Жена посадила сына в коляску и не спеша покатила ее дальше. Ален напрягся, когда увидел, как к графине подошел Торин. Они прогуливались по дорожке не спеша, о чем-то беседуя. Потом Ирэйна остановилась и, повернувшись лицом к Торину, что-то говорила. Ален наблюдал, как друг виновато опустил голову вниз, потом поднял ее и устремил свой, ставший напряженным взгляд в сторону замка, он стоял, как натянутая струна, при этом его ладони были сжаты в кулаки. Затем она пошла дальше, а Торин остался. Постояв немного, резко развернулся и быстрым шагом направился в противоположную сторону, руки у него все также были сжаты.

Когда Ален шел на завтрак, то надеялся, что жена немного успокоилась, и чуть позже они смогут поговорить. Ирэйна выглядела не просто спокойной, а скорее, холодно-отстраненной, она не только не принимала участие в беседе, а, как оказалось, вообще ничего не слышала. С момента, как жена вошла в столовую, Ален пытался поймать ее взгляд, но когда Ирэйна посмотрела на него, отвечая на вопрос лекаря, он был потрясен. Его поразили не только ее глаза, в которых плескалась боль, но и слова, которые бросила ему в лицо. У Алена было ощущение, будто ему дали пощечину, он вынужден был покинуть столовую.

Граф сознавал, что совершил чудовищную ошибку, что заслужил такое отношение со стороны жены и был решительно настроен исправить то, что натворил и не только потому, что привык добиваться поставленной цели, но и потому что понял: для него важно, чтобы эта женщина простила его. И вот сейчас, наблюдая за женой, Ален понимал - предстоит нелегкий разговор и откладывать его в надежде, что, что-то изменится, не имеет смысла. Как бы ни сложился разговор, отступить он не намерен, и с этой мыслью Ален решительно направился в кабинет.

Ирэйна

- Миледи, Его Сиятельство ждет Вас в кабинете, - произнес Мортин, встречая нас с Ажаном после прогулки.

- Через полчаса, - коротко сказала я и прошла с сыном в детскую.

Видеть мужа, а тем более разговаривать с ним я не имела ни малейшего желая, но необходимо было выяснить его намерения в отношении меня, а уж потом как-то дальше жить. Было понимание того, что сейчас меня захлестывали эмоции, мозги чаще пребывали в «отключке», и делала я все в основном неосознанно, по инерции. В таком состоянии планировать свои дальнейшие действия не слишком разумно, стоило немного подождать.

Дворецкий открыл дверь в кабинет:

- Милорд, Ваша жена.

Я вошла, муж стоял у окна, заложив руки за спину, и смотрел на улицу. Услышав дворецкого, он резко повернулся и посмотрел на меня.

- Прошу Вас, - указав рукой на диван, предложил Ален, - садитесь. Села на предложенное место и посмотрела на мужа, точнее сквозь него.

- Ирэйна, нам необходимо поговорить, - начал он, садясь в кресло напротив меня. - Вначале хочу извиниться перед Вами, я очень обидел

Вас, прошу, простите меня, - Ален хотел накрыть своими ладонями мои руки, но я не позволила ему это сделать, убрав их с колен. Плечи его поникли, он сглотнул и, вскинув голову, продолжил:

- Я должен многое объяснить. Мне писали, что Вы потеряли память, и лекарь Бернет вчера подтвердил это, но я хочу услышать это от Вас.

Отметив как бы со стороны, что муж волнуется, напряженно ожидая моего ответа, я сказала:

- С тех пор, как очнулась, я не помню ничего, что было ранее, и никого, в том числе и себя.

Мне удалось разглядеть чувство вины, которое появилось в глазах мужа, когда он услышал мой ответ

- А Вы знаете что-нибудь о том, как жили, что делали до падения, и какой были раньше?

- Мне никто об этом не говорил, могу только предполагать.

- Я должен кое-что рассказать, чтобы Вы поняли, почему я так поступил. Вы согласны выслушать меня?

Молча кивнула.

- Я только вернулся из похода, когда получил письмо, в котором сообщалось, что Вы пытались сбежать к своему любовнику, бросив сына, - Ален вскочил и стал расхаживать по кабинету, продолжая говорить. - Я пришел в ярость, буквально возненавидел Вас. На сообщение о том, что следствием Вашего падения с лошади стала потеря памяти, даже не обратил внимания, просто не поверил этому. И я поклялся отомстить.

Ален замолчал, потом снова сел в кресло и продолжил:

- Когда приехал в замок, то был возмущен Вашим поведением. Вы вели себя так, будто не чувствовали никакой вины, а мою ненависть просто не замечали. Я думал, точнее мне хотелось так думать, что это притворство, но со временем начал понимать, что обманываю сам себя. То, как Вы заботились о сыне, как улыбались мне, - он прикрыл глаза и замолчал, чему-то улыбаясь, вспоминая, - я с ума сходил от Ваших взглядов.

Он замолчал, я ждала.

- Потом была эта ночь, - слова давались ему с трудом, он говорил, будто выталкивая каждое слово, - когда Вы уснули, меня охватила ревность. Я думал о том, что любовник Вас научил тому, чему не смог

я, что со мной Вы испытывали то же, что и с ним. Следующей ночью решил отомстить Вам.

- Вам это удалось, граф, - произнесла я.

Ален отшатнулся от моих слов, как от удара.

- Еще раз прошу простить меня, Ирэйна, пожалуйста, я думал о Вас дурно, знаю, что ошибался, но теперь все по-другому, - он приблизил свое лицо и потянулся к моим рукам, но остановился, увидев, что я опять убрала свои руки.

- Что же заставило Вас передумать? – спросила я.

- Я поговорил с врачом.

Мы молчали, он рассматривал меня, а я - его. Смотрела в его глаза, в которых было смятение и волнение, на его сжатые от напряжения губы и поймала себя на том, что уже могу взирать на него, при этом не испытывать боль.

- Ирэйна, почему Вы молчите? – решился спросить муж, - скажите что-нибудь.

- Что Вам от меня нужно? – произнесла я.

Ален растерянно смотрел на меня, а потом заговорил с каким-то отчаяньем:

- Я не понимаю Вас. Мне ничего не нужно, то есть, нет, нужно! Вы моя жена, я хочу, чтобы Вы меня простили! Что я должен для этого сделать?

Я не знала, что ответить, краткий ответ его вряд ли устроит, объяснять что-либо не было ни сил, ни желания.

- Ирэйна, прошу Вас, ответьте! – муж был настойчив.

- Честный ответ Вас устроит? – спросила его.

Ален хотел, по-видимому, что-то сказать, но передумал, только упрямо поджал губы и молча кивнул.

- Я не могу Вас простить, даже если бы захотела, хотя откровенно говоря, такого желания не испытываю. У меня просто не получится это сделать, во всяком случае, сейчас. Мне нужно время, - устало говорила я, а потом, кое-что вспомнив из сегодняшнего разговора, с усмешкой добавила: - И не требуйте от меня клятвы.

Ален долго молчал и при этом смотрел мне в глаза, будто пытаюсь что-то понять для себя, потом сказал:

- Хорошо, я дам Вам столько времени, сколько необходимо.

Мне показалось, что-то, похожее на страдание, промелькнуло в его

глазах.

## Глава 29

Ален

После ухода жены Ален уселся в то же кресло и застывшим взглядом смотрел на диван, где она только что сидела. Не удержавшись, он провел рукой по обивке мебели, та еще хранила ее тепло. Что же он наделал? Почему раньше не поговорил с врачом? То, что Бернет ему рассказал, казалось невероятным, но многое объясняло. Чем больше Ален обо всем думал, тем больше его охватывало беспокойство, грозящее перейти в панику. Ошибка, которую он совершил, приобретала чудовищные размеры, и ему уже приходилось убеждать себя, что у него получится все исправить.

Дверь в кабинет распахнулась от удара, на пороге стоял Торин, Ален удивленно взглянул на хмурого, как туча, друга, поднялся с кресла и успел спросить:

- Что случилось?

Тут же кулак друга врезался ему в лицо, Ален отлетел к столу, развернулся и едва успел увернуться от еще одного удара, оттолкнув Торуна.

- Ты говорил мне, что ненавидишь свою жену, а сам был с ней ночью, - рычал Торин с перекошенным от муки лицом, надвигаясь на Алена, - а потом переспал с Элиной.

Он набросился на Алена, растерянно слушавшего его, и ему удалось нанести еще один удар в челюсть. Ален, разозлившись, двинул ему в живот и вторым ударом в грудь отбросил на диван, который, не выдержав обрушившегося на него тела Торуна, сломался.

- Ты обманывал меня, предал свою жену, - продолжал хрипеть Торин, поднимаясь на ноги, - а теперь она и меня считает предателем, потому что я – твой друг.

Ален застыл, слушая Торуна, и не сдвинулся с места, когда тот его снова ударил.

- А я не хочу быть предателем, я больше не хочу быть твоим другом! – продолжал Торин, замахиваясь для нового удара. Ален перехватил руку и встряхнул его, и, когда тот посмотрел на него, он произнес:

- Я понял Торин, я тебя понял!

Они стояли напротив друг друга, тяжело дыша, и молча



обменивались злыми взглядами.

Наконец, Ален отодвинул кресло, усадил туда Торина, слегка подтолкнув, сам уселся за стол и спросил друга:

- Поговорим?

Торин молча кивнул, приходя в себя.

- Ты прав, Торин - начал Ален, - я виноват перед тобой, втянул в эту историю, а сам ничего не хотел слышать.

Тот никак не реагировал на его слова, смотрел и молчал.

- Я говорил с лекарем Бернетом, - продолжал Ален, - он сказал, что в случае с Ирэйной произошло перерождение. Ты что-нибудь знаешь об этом?

- Перерождение, - медленно повторил Торин, - я слышал это слово несколько лет назад во дворце.

Ален в волнении подался вперед:

- Кто об этом говорил? При каких обстоятельствах?

- Кажется, кто-то из лекарей короля, - ответил Торин, - но в связи с чем, не помню. Мне дали понять, что я услышал то, что не предназначено для моих ушей, наверное, поэтому и запомнил это слово, - с усмешкой закончил он.

- То есть, ты не знаешь, что оно означает?

- Нет, надеюсь, ты мне объяснишь, а также и то, какое отношение к этому имеет твоя жена?

- Ирэйна не просто потеряла память, то есть она не теряла память, то есть память потеряла не она, - Ален замолчал, запутавшись, тяжело вздохнул и продолжил: - Бернет сказал, что Ирэйна до падения и после него – это два разных человека. Она ничего и никого не помнит, потому что это не ее память.

- То есть та Ирэйна исчезла, появилась новая? Постой, а тело?

- Тело то же самое, поэтому произошедшее и называется перерождением.

- Может, это как-то связано с магией? – предположил Торин.

- Ты же знаешь – на нашей планете нет магии уже более пятисот лет, именно тогда умер последний маг.

- А лекарь не мог ошибиться? Почему ты сразу поверил ему? – продолжал сомневаться Торин.

- Я спрашивал сегодня Ирэйну о прошлом – она ничего не помнит, как и говорил Бернет. Поведение Ирэйны, ее привычки изменились, это

заметили все. Вспомни, ты сам не раз повторял мне, что поведение моей жены не соответствует тому образу, про который я тебе рассказывал. А это снова подтверждает слова лекаря, - сказал Ален и, опустив глаза, запинаясь, тихо продолжил, - та ночь, она не похожа..., это было..., я приревновал к любовнику, поэтому пошел к Элине. А потом поговорил с лекарем.

- Ты так лелеял собственное эго, так старательно не хотел замечать нестыковки в поведении Ирэйны, что мне кажется, даже если бы ты переговорил с лекарем раньше, это бы ничего не изменило. Ты был одержим желанием отомстить, - едко сказал Торин.

- Возможно, ты прав, - после длительной паузы произнес Ален, - и теперь расплачиваюсь за это. Торин, я видел, как вы разговаривали на прогулке.

- Хочешь знать, о чем мы говорили? – с усмешкой спросил Торин, - может, сначала расскажешь о вашем разговоре?

- Я попросил прощения, Ирэйна сказала, что не хочет и не может меня простить, - ответил, не став спорить с другом, Ален, в голосе которого слышалась горечь, - пока не может, она просила дать ей время.

- И сколько ты намерен дать ей времени?

- Сколько угодно, лишь бы она простила меня.

Торин внимательно смотрел на друга, потом заговорил:

- Я подошел к ней извиниться, сказать, что не имею к твоей выходке отношения, а она проигнорировала мои извинения, не приняла дружеский тон, перешла на официальный и спросила меня о разводах.

- Что? – крикнул Ален. – Ты, надеюсь, объяснил, что в нашем случае развод невозможен?

- Ваш случай она классифицировала, как покушение на жизнь или угроза жизни одному из супругов, - ответил Торин, - я объяснил, что если это будет доказано, то преступника ждет казнь. Ей не понравился мой ответ.

- Но о каком покушении или угрозе жизни можно говорить?

- С твоей стороны нет угрозы, а со стороны Элины? Ты помнишь один момент вашей ссоры, когда Ирэйна спросила, придумали ли вы способ избавиться от нее?

Ален кивнул, поморщившись: ему было стыдно вспоминать.

- Элина довольно странно среагировала, она, мне показалось, испуганно взглянула на тебя и не ответила на выпад Ирэйны, как это

делала раньше. Согласись, это не похоже на нее. Еще я не успел рассказать тебе о разговоре между Элиной и твоей женой, который я случайно услышал. Он произошел как раз перед той ночью, когда ты отомстил жене, - Торин увидел, как Ален вздрогнул при этих словах, но он продолжал, нисколько не сочувствуя другу. - Элина, видимо, чувствуя твою поддержку, откровенно оскорбляла твою жену, говоря, что она не сможет удержать тебя, что вы с Элиной любите друг друга. А еще она спросила о виконте Плеринге, точнее, знает ли Ирэйна, кто это.

Торин замолчал, и на его лицо набежала улыбка. Ален удивленно смотрел на друга и с нетерпением ждал продолжения.

«Ваш любовник?» – спросила ее Ирэйна, Элина разозлилась, закричала, что это любовник твоей жены, а Ирэйна ответила, что это невозможно, потому что она бы об этом знала, - Торин улыбался во весь рот, глаза его блестели, - Ален, видел бы ты в тот момент свою жену, она была великолепна!

Ален тоже улыбнулся, ему несложно было представить, он не раз наблюдал пикировки между женой и Элиной, где Ирэйна легко ставила соперницу на место.

- Тебя смущает, что Элина знает о Плеринге? – спросил Ален.

- Именно! Ты его не помнишь, хотя твоя жена, как выразилась Элина, флиртowała с ним, а вот Элина знает о Плеринге, хотя не общалась с Ирэйной. Впрочем, может быть, я преувеличиваю.

- Нет, Торин, думаю, ты прав. Спасибо, что рассказал.

После разговора с Торинем Ален приказал слугам особенно внимательно наблюдать за женой и докладывать ему, если вокруг нее будет происходить что-то непонятное, или ей будет что-то угрожать. Он велел никому не тревожить жену, но если она что-либо потребует – направлять к нему.

Для Алена потянулись длинные до бесконечности дни и ночи, когда он с мучительной тоской наблюдал за женой и ждал, сам толком не зная, чего именно. Ночами долго ворочался от бессонницы. Он подкарауливал горничную, когда та выходила вечером из спальни Ирэйны, и спрашивал, как жена себя чувствует и не нуждается ли в чем. «Она молчит», - чуть не плача отвечала горничная.

Его жена никого и ничего не замечала вокруг себя, все дни она проводила с ребенком. С ним она играла, гуляла, разговаривала, а

остальных просто не замечала. Ален встречался с ней только в столовой, но заговаривать не пытался, да и никто не пробовал о чем-то ее спрашивать или завязать беседу. Темы, которые иногда обсуждались за столом, она даже не пыталась игнорировать, она их просто не слышала. Как-то служанка уронила бокал и тот со звоном разбился. Прижав руки к груди, провинившаяся с испугом посмотрела сначала на Алена, потом на Ирэйну. Та, услышав звук разбитого стекла, подняла голову. Увидев испуг в глазах служанки, она улыбнулась ей и мягко сказала: «Ничего страшного» и спокойно продолжила обедать. Ален поразился тому, как жена ничего не замечающая вокруг себя, смогла мгновенно оценить ситуацию и с какой чуткостью отнеслась к прислуге. Неудивительно, что слуги с трепетом наблюдали за хозяйкой, старались выполнить любое ее желание в надежде увидеть ее благодарную улыбку.

Ален, чтобы как-то держать себя в руках и не выть от тоски, переговорил почти со всеми, с кем общалась его жена. Как ни тяжело ему это было делать, ведь пришлось на время забыть о статусе и перешагнуть через самолюбие, он готов был на все, чтобы вернуть ее расположение.

Граф не давал никаких распоряжений относительно занятий, проводимых с детьми. На следующий день, после того, как Ирэйна в тот злополучный день, уехала из замка и не посетила классную комнату, дети не пришли на занятия ни к профессору Кремингу, ни к Горну. В этот же день Ален зашел к Кремингу в библиотеку. Сначала они поговорили о работе профессора по описанию родословной графа, потом Ален решил коснуться темы обучения.

- Скажите, профессор, Вас не удивило, что моя жена попросила Вас заниматься с детьми слуг? Вам это не показалось оскорбительным? – задал он мучивший его вопрос.

- Аргументы леди Иры мне показались убедительными, к тому же я соскучился по преподавательской работе, - ответил Креминг.

- Она сказала, что в них течет кровь рода Монсервилей? – уточнил Ален.

- Именно, и что разумнее не отрицать или не замечать этот факт, а признать и использовать во благо рода, - подтвердил профессор.

Ален молчал, обдумывая сказанное профессором.

- А почему моя жена изучала не все дисциплины, а только

некоторые из них?

- Она слушала только историю нашего королевства и других государств и картографию, а остальные предметы ей знакомы, и это отнюдь не поверхностные знания, но она старалась этого не показывать, - Креминг помолчал, а потом спросил: - Вы хотите прекратить обучение?

- Раньше хотел, - честно ответил Ален, - сейчас не буду этого делать, просто стараюсь понять мотивы поступков своей жены.

Профессор улыбнулся, услышав ответ, а потом вновь став серьезным, сказал:

- Общение с леди Ирой доставляет мне истинное наслаждение, а ее общение с детьми значит для них гораздо больше, чем мои занятия, можете мне поверить.

- Благодарю Вас, профессор, и у меня к Вам небольшая просьба, - произнес Ален, немного смутившись, - я бы хотел, чтобы занятия возобновились лишь после того, как моя жена обратится ко мне с просьбой об этом.

- Прошу меня заранее простить, Ваше Сиятельство, но, если леди Ира даст указание о проведении занятий непосредственно мне, я не посмею ей отказать, - твердо заявил Креминг.

Торина Ален нашел на площадке замка, с которой сам ранее наблюдал за его беседой со своей женой. Тот стоял и наблюдал за Ирэйной, прогуливавшейся по парку с Ажаном. Ален подошел и встал рядом, Торин скользнул по нему равнодушным взглядом и вновь стал смотреть вниз, в его глазах застыла тоска и чувство вины. Ален и сам испытывал что-то подобное, он четко осознавал, что виновником страданий друга является именно он. Теша свою гордыню, терзаясь от ущемленного самолюбия, которое ошибочно принимал за боль, он оттолкнул любимую женщину и чуть не потерял единственного друга. Только теперь он понял, что такое настоящая боль, когда пришло осознание масштабов содеянного, когда в полной мере ощутил последствия того, что натворил.

Ален поймал себя на мысли, что впервые назвал про себя Ирэйну любимой женщиной, и улыбнулся. Именно это новое чувство, внезапно овладевшее им, захватившее в плен его сердце, заставляло его бороться с отчаянием, наполняло его силой. Он был решительно настроен вернуть доверие своей жены, снова увидеть в ее глазах огонь, который

значил намного больше, чем страсть, теперь он это понимал.

- Дети не пришли сегодня на занятия к профессору, - сказал Ален, наблюдая, как его сын, сидя на руках Ирэйны, дергал маму то за нос, то за волосы, а она терпеливо отводила его ручки, машинально поправляла волосы, при этом что-то говорила, улыбалась и легко чмокала ребенка в щечку или носик.

Торин обернулся к нему, не успев стереть с лица улыбку, которую вызвала сценка внизу.

- Что я слышу - дети? Уже не бастарды? – усмехнулся Торин, не скрывая сарказма.

Ален молчал, терпеливо выслушав вполне заслуженную насмешку друга.

- Ты запретил? – спросил Торин, не дождавшись ответа.

- Нет, не запрещал и теперь уже не буду, - ответил Ален. - Знаешь, Креминг сразу принял позицию Ирэйны в этом вопросе.

- Это говорит о том, что он умнее нас, - прокомментировал Торин. – Я ведь так же, как и ты не понимал, почему твоя жена занялась обучением твоих отпрысков, и спросил ее об этом.

- Дай угадаю, - перебил друга Ален, - она ответила, что это кровь рода Монсервилей и нужно признать этот факт и использовать его для процветания рода.

- И не только это, - не принял шутку Торин, - Ирэйна также сказала, что Ажану в будущем нужны будут преданные люди. Бьюсь об заклад, что тебе, опытному стратегу и в голову не приходило посмотреть на ситуацию с этой точки зрения. Я ей напомнил, что так не принято среди представителей королевской элиты и этот поступок будут рассматривать, как вызов обществу.

Торин замолчал, о чем-то задумавшись.

- И что ответила моя жена? – не вытерпел Ален.

- Твоя жена уверенно заявила, что ее муж уважает себя и не пойдет на поводу у толпы.

Торин наклонился к Алену и произнес прямо в лицо, не скрывая возмущения и горечи:

- В то время, как ты искал повод обидеть и оскорбить свою жену, она о тебе говорила с уважением, как об умном и благородном человеке, а если кто-то в этом сомневался, бросалась на твою защиту.

Ален стоял, опустив голову и с силой сжимая парапет.

- Я не знал об этом, - начал тихо Ален.

- Не знал или не хотел знать? – перебил Торин. - На каждый мой аргумент в пользу твоей жены ты находил массу аргументов, позволяющих обвинить ее во лжи. Ты не допускал даже мысли, что она искренна в своих поступках. Несмотря на необычное поведение, Ирэйна прекрасно поладила с твоей тетушкой, яркой сторонницей старых устоев и обычаев. Леди Глория всегда вставала на защиту Ирэйны, когда Элина пыталась обидеть ее. Разве ты не заметил, что они всегда были заодно, когда дело касалось семьи?

- Я думал, что до конца ощутил степень своей вины, - после продолжительной паузы сказал Ален, - но ты доказываешь, что это далеко не так.

### **Глава 30**

Ален

- Где я могу найти Вилсона, Артура и Герту? – спросил Ален у управляющего, зайдя к нему в кабинет.

Людвиг очень удивился, увидев графа. Обычно хозяин вызывал его к себе по любым проблемам, а от вопроса он просто оторопел и не сразу смог ответить. Ален, слегка нахмурившись, терпеливо ждал.

- Вилсон, скорее всего, в своей мастерской, - и увидев приподнятую в удивлении бровь графа, пояснил, - так Ее Сиятельство называет комнату, выделенную мальчику. Там находятся мольберт, краски и холсты для рисования, Вилсон часто там рисует.

- Проводи меня туда, а по дороге расскажешь об Артуре и Герте.

Они шли по длинному коридору, Людвиг заговорил:

- Все дети по-прежнему живут в своих семьях, трудятся в замке, как и раньше. Теперь, когда они еще и ходят на занятия, времени на работу остается меньше, но такова была воля Ее Сиятельства, - управляющий замолчал, ожидая комментариев графа, но тот лишь кивнул головой, и Людвиг продолжил:

- Вилсон работает в мастерской, где изготавливают вещи из дерева. Он начал делать чертежи разных приспособлений, производя точные расчеты, и смею заметить, Ваше Сиятельство, качество изделий повысилось.

- Понятно, - промолвил граф, - ну а что насчет Артура?

- Артур трудится на конюшне. После того, как Горну поручили обучать мальчиков бою с мечом, то Артур часто пропадает на

тренировочной площадке, то есть пропадавал.

Ален не отреагировал на уточнение управляющего, только немного нахмурился, и Людвиг счел за лучшее закончить рассказывать об Артуре и стал говорить о Герте:

- Герта живет с матерью, мужа которой убили на охоте несколько лет назад. Ее Сиятельство велела выделить им комнату в замке для проживания и еще комнату под мастерскую, поскольку мать хорошо шьет. А теперь выяснилось, что и дочь имеет к этому способности и в будущем вряд ли уступит матери в мастерстве. К тому же Герта делает эскизы одежды.

Людвиг закончил рассказывать, и они некоторое время шли молча. Наконец, остановившись у одной из дверей, управляющий сказал:

- Это та самая мастерская, Ваше Сиятельство.

Граф кивнул и открыл дверь. Мальчик был в комнате, стоял лицом к двери с кистью в одной руке и с палитрой – в другой, перед ним стоял мольберт с холстом. Свет из окна, находящегося за его спиной, падал на картину. Ален прошел в комнату и встал напротив, Вилсон замер на месте, настороженно глядя на графа. Тот посмотрел прямо в глаза, и мальчик опустил свой взгляд.

- Могу я посмотреть, что ты рисуешь? – спросил Ален.

Вилсон нехотя кивнул. Граф обошел мольберт, встал рядом и надолго замолчал. Это оказался портрет его жены и сына, они были изображены среди цветов на поляне. Ирэйна сидела на покрывале, подогнув под себя ноги, Ажан лежал на спинке и радостно тянул ручки к матери. Та, слегка наклонившись, протягивала ему полевой цветок, нежная улыбка освещала ее лицо.

- Мне говорили, что ты хорошо рисуешь, - наконец прервал молчание Ален, - но такого я не ожидал.

Вилсон, смутился и покраснел, не сумев скрыть, что ему приятна похвала графа.

- А моя жена знает, что ты пишешь ее портрет?

- Нет, - заговорил Вилсон, еще больше краснея, - леди Ира думает, что я рисую пейзаж.

Ален улыбнулся и спросил:

- Ты ведь закончил картину?

Мальчик подумал, потом неуверенно пожал плечами.

- Тебя что-то смущает? – расспрашивал граф.



- У меня не получилось точно нарисовать леди Иру, на самом деле она лучше, - скомкано ответил Мартин.

- Все у тебя получилось, - уверенно сказал Ален, - и потом, ты можешь еще не раз писать ее портреты. Я даже буду на этом настаивать. Мальчик смотрел на графа и не скрывал счастливой улыбки.

- Вилсон, - впервые Ален обратился к нему по имени, и тот от неожиданности вздрогнул, - прошу тебя, подари мне этот портрет.

Видя, что мальчик колеблется, он быстро сказал:

- Я заплачу тебе, если хочешь. Поверь мне, ты заслужил это.

Вилсон резко замотал головой и, насупившись, сказал:

- Не надо платить, я рисовал для леди Иры. Пусть это будет подарок.

- Спасибо, Вилсон, я не хотел тебя обидеть.

Ален бережно взял портрет жены и сына и отнес его к себе в кабинет. Сначала он хотел повесить его у себя в спальне, чтобы одному любоваться родными лицами, но поскольку большую часть времени он проводил в кабинете, решил, что правильнее повесить его именно там. Портрет висел недалеко от стола в небольшом углублении в стене. К удовольствию Алена он не бросался в глаза, высокие зеленые растения, стоящие в кабинете, прикрывали его. Лишь тому, кто находился за столом, он был отлично виден.

Тетушка больше не приходила к Алену и не заговаривала с ним. Он сам пришел к ней. Она сидела в кресле у окна и даже не повернула головы, когда он вошел. Племянник ее тихонько окликнул, она обернулась и посмотрела на него потухшим взглядом. Ален только сейчас увидел, как леди Глория осунулась и постарела за эти четыре дня, ужас содеянного вновь накрыл его. Он бросился к той, которая еще в детстве заменила ему мать, которая пожертвовала своей личной жизнью, чтобы он не смог почувствовать себя сиротой.

- Тетушка, прости меня, умоляю, - шептал он, опустившись на колени и заглядывая ей в лицо.

- Что же ты наделал, мальчик мой? – чуть слышно спросила она. - Зачем ты обидел нашу девочку? Она ждала тебя, она так любит сына.

Как в детстве, Ален опустил голову на колени Глории и зажмурил глаза, сдерживая подступившие слезы. А тетушка, как в детстве, гладила его по голове.

- Я ведь тоже ее обижала, - с грустью призналась она, - я ей говорила, совсем как эта несносная Элина, что, обучая бастардов, она позорит твое имя в глазах общества, а Ирэйна отвечала: дети не должны отвечать за ошибки взрослых, и она всегда будет защищать их. Она так и делала, Ален, так и делала.

У Глории сорвался голос, и Ален понял, что она плачет. Он не пошевелился, только сжал крепче ее ладонь.

- Я упрекнула ее в том, что она выполняет работу слуг, купая ребенка, - продолжала терзать себя тетушка, - а она мне ответила, что я боюсь замарать руки о собственного внука. Даже в тайне от всех я не могла себе позволить так называть твоего сына, а эта девочка назвала Ажана моим внуком, даже ни на мгновение, не усомнившись в этом.

- Тетушка, я виноват, знаю, но прошу тебя, помоги мне вернуть Ирэйну! - взмолился Ален, вскинув голову и заглядывая ей в глаза.

- Я пыталась, - безнадежно промолвила Глория, - день назад я пришла к Ирэйне и сказала, что, если она будет так себя вести, то ее сочтут безумной. Пойми, я не хотела ее обидеть, я хотела ее встряхнуть, чтобы она очнулась.

- Что она сказала? – спросил Ален, боясь услышать ответ.

«Неужели Вы думаете, что меня это волнует?» - ответила она, глядя на меня, как на пустое место.

- Ирэйна сказала мне, что ей нужно время. Я не знаю, сколько его потребуется, но я буду ждать и делать все, для того, чтобы она вернулась к нам. Я не отступлюсь, - с тревогой произнес Ален, но в голосе его явственно проступала твердость, - ты только помоги мне.

- Верни нашу девочку, Ален, - почувствовав эту твердость, попросила тетушка, и в глазах ее Ален с облегчением увидел огонек надежды.

## **Глава 31**

Ирэйна

Проснувшись, я увидела, как Агнесс захватив полотенца, прошла в купальню и открыла воду, наполняя ванну.

- Агнесс, - окликнула я ее, - хочу размяться немного, позови, пожалуйста, Герту.

Горничная удивленно посмотрела на меня, неуверенно улыбнулась и убежала.

Я уже переоделась для занятий и ждала Герту в нашем

импровизированном зале, девочка вбежала в комнату и недоверчиво спросила:

- Миледи, мы снова будем заниматься?

- Конечно, где твоя форма?

- Здесь, я быстро, - радостно ответила она.

Мы с удовольствием позанимались, Герта убежала, а я пошла ополоснуться после гимнастики.

За завтраком обратилась к профессору:

- Господин Креминг, я бы хотела присутствовать на Вашем занятии сегодня, Вы не против?

Сидевшие за столом замерли и удивленно смотрели на меня.

- Буду рад, - ответил Креминг.

Все тут же снова продолжили завтракать, я, так и не поняв, что их так удивило, тоже занялась содержимым тарелки.

На прогулку с Ажаном мы отправились не в парк, а на место, где раньше наблюдали, как рисовал Вилсон. На полянке никого не было, я расстелила покрывало, и мы с сыном немного поиграли. Было непривычно находиться здесь одним, взгляд мой непроизвольно обращался к месту, где обычно стоял за мольбертом Вилсон. Меня охватило беспокойство. Неужели ему надоело рисовать? Может быть, у него закончились холсты или краски? А что, если он заболел? Возможно, он на занятиях с мечом, упражняется с Горном, там и Артура смогу увидеть. Я быстро собралась и направилась к площадке. На ней тренировались воины из стражи замка, мальчиков не было. Я вернулась в замок и отправилась на поиски управляющего. Людвиг был у себя в кабинете, когда я вошла к нему с Ажаном на руках. Он встал и с улыбкой поклонился:

- Миледи, рад Вас видеть. Чем могу служить?

- Людвиг, я сегодня не видела Вилсона и Артура, почему они не занимаются? Может, у Вилсона закончились принадлежности для рисования? – начала задавать вопросы.

- Миледи, поскольку Его Сиятельство находится в замке, этими вопросами занимается он, и Вам следует обратиться именно к графу, - продолжая улыбаться, ответил он.

Я оторопела. Мне нужно будет обращаться к мужу? Спрашивать его? Просить его? Медленно развернулась и вышла из кабинета управляющего.

- Как тебе это нравится, Ажан? – обратилась я к сыну. - Теперь мне и шагу нельзя сделать без позволения Его Сиятельства?

Сын обслюнявил мою щеку, по-своему сочувствуя мне. «Снова зубки режутся», - отметила я про себя.

Опасаясь передумать, я решительно направилась на поиски мужа.

- Где я могу найти Его Сиятельство? – спросила у дворецкого, как обычно встретившегося на моем пути.

- У себя в кабинете, миледи, - ответил дворецкий.

- Мортин, мне нужны чистые носовые платки, - сказала я, свернув в сторону апартаментов графа.

Подходя к двери, я запоздало подумала, что муж может быть там не один, но все же открыла дверь. Ален сидел за столом и просматривал какие-то бумаги. Он поднял голову и, увидев меня, встал.

- Мне необходимо поговорить с Вами, - сказала я и направилась к дивану, но, не обнаружив его на привычном месте, растерянно остановилась.

- Ирэйна, присядьте, пожалуйста, в кресло, оно достаточно широкое. Думаю, Вам с Ажаном здесь будет удобно, - услышала я мужа и, оглянувшись, увидела, что он показывает на одно из кресел.

- А где диван? – машинально спросила его.

- Сломался, пришлось заказать новый, - с загадочной улыбкой ответил муж.

Не успела я устроиться в кресле, как в дверь постучали, и после разрешения войти появился Мортин.

- Милорд, позвольте передать для миледи, - обратился он к мужу, пропуская служанку, которая быстро сунула мне сумочку с чистыми носовыми платками и забрала с использованными.

Я видела, как муж заинтересованно наблюдал за буквально прошмыгнувшей служанкой, а затем за мной. Я вытирала ротик и ручки сына, а заодно и свои щеку, нос и ухо, о которые Ажан периодически пытался потереть десенки.

Ален сел и посмотрел на меня, давая возможность заговорить первой.

- Я сегодня не видела Вилсона на поляне, где он обычно рисовал, на тренировочной площадке, где дети занимались с Горном, не было ни Вилсона, ни Артура. Если что-то случилось, то я хочу об этом знать, - быстро проговорила я.

- Вы перестали общаться с мальчиками, и я подумал, что поскольку больше не заинтересованы в их дальнейшем обучении, то не стоит продолжать занятия, - ответил Ален.

- Что?! – возмущенно воскликнула я, Ажан, услышав мой громкий возглас, тоже возмущенно взвизгнул в знак поддержки и ухватился обшлюнявленной ручкой за мой нос.

Я вытерла ручки малыша и свой нос, усадила сына на колени и только тогда смогла взглянуть на мужа. Глаза его странно блестели, а губы подрагивали от сдерживаемого смеха.

- Что смешного в том, что дети не могут больше учиться? – продолжала я возмущаться. - И не кажется ли Вам, что причина для запрета слишком надуманная?

- Вот только теперь, когда услышал Вас, понял, что принял поспешное решение. Я дам разрешение проводить занятия при одном условии, - он замолчал в ожидании моего согласия.

У меня было стойкое ощущение, что надо мной издеваются или хотят на что-то развести.

- Вы так уверены, что я соглашусь с Вашим условием? И что же Вы хотите? – успела спросить я и почувствовала, как платье под маленьким проказником, затихшим у меня на коленях, стремительно намокает.

- Я бы иногда хотел присутствовать на занятиях, - сказал муж.

- Согласна, - быстро ответила я и встала. Искать скрытый умысел в его словах было некогда. - Благодарите Ажана за поддержку.

Ален смотрел недоуменно, пока я не продемонстрировала мокрое пятно на своем платье. Он растерянно улыбнулся, а потом подошел к нам, осторожно погладил ребенка по голове и серьезно произнес:

- Спасибо, сын.

Это было настолько неожиданно, что я застыла столбом на некоторое время, потом, подобрав упавшую челюсть, развернулась и вышла из кабинета.

Ален

Ален был счастлив: Ирэйна все-таки пришла к нему! Четыре долгих дня и четыре ночи он ждал этого момента. Наконец-то это произошло! Наконец-то она вернулась! Утром ему доложили, что Ирэйна велела позвать Гертю, чтобы вместе заниматься гимнастикой. Он распорядился, чтобы выполнили пожелание жены незамедлительно, у него появилась робкая надежда на начало перемен. За завтраком она

заговорила с профессором, присутствующие были ошеломлены. Всего лишь маленькая просьба с ее стороны, и всё вокруг мгновенно изменилось: обитатели замка как будто облегченно выдохнули, на лицах хозяев и слуг появились улыбки. Затаив дыхание, Ален стал ждать ее следующего шага.

Уже в течение четырех дней дети нарушали сложившийся уклад, не соблюдали привычный распорядок дня, установленный Ирэйной, а она заметила это только сегодня и сразу же пришла к нему, ну ладно, сначала к управляющему, а потом уже к нему. С каким же удовольствием он наблюдал, как жена и сын общались друг с другом, он не мог сдержать улыбки, и жена ему выговорила за это. Ален ликовал, потому что смог удивить Ирэйну, поблагодарив сына за то, что тот неожиданно помог ему. Он вспоминал, как проводил их до двери, облокотившись о косяк, с нежностью смотрел им вслед, когда услышал: «Мало, видимо, тебе сынок кустиков, еще и маму нужно непременно описать в самый неподходящий момент».

Он повторял про себя как заклинание: пусть она злится на него, кричит, возмущается, только бы не вернулось к ней состояние холодного равнодушия. А сегодня Ирэйна собиралась на занятия к профессору, поэтому Ален распорядился, чтобы дети тоже присутствовали на них. Пусть будет так, как нравится его жене.

Ночью слуга разбудил Алена:

- Милорд, миледи приказала постелить ей в детской.
- Зачем? – недоуменно спросил Ален.
- Ребенок не спит, плачет, - пояснил слуга.

Ален вспомнил, как Мартин рассказывал ему, что Ирэйна уже так делала, когда у ребенка резался зуб.

- Делайте, как говорит графиня, - распорядился Ален и стал одеваться.

Когда он подошел к двери детской, там уже собралась прислуга. Все напряженно застыли, прислушиваясь к детскому плачу, доносящемуся из комнаты. Ален стоял, не зная, как поступить.

- Милорд, хотите войти? – спросил приблизившийся Мартин.

Ален решился: кивнул головой и осторожно вошел в открывшуюся дверь.

Ирэйна ходила по комнате, баюкая сына на руках. Жена, по-

видимому, еще не ложилась, потому что на ней было платье, в котором она ужинала. Чуть в стороне в кресле сидел лекарь Бернет. Увидев Алена, он встал и подошел к нему.

- Режутся зубки, поэтому ребенок плачет, - шепотом сказал лекарь.

- Что-нибудь можно сделать? – также шепотом спросил Алена.

- Леди Ира напоила его отваром из трав. Ждем, когда Ажан заснет.

И, словно услышав слова лекаря, малыш перестал кричать, были слышны только детские всхлипы. Ирэйна, не отрывая глаз от сына, еще некоторое время подождала, а потом подошла к детской кроватке и аккуратно положила туда ребенка. Она обернулась и увидела Алена. Глаза ее на мгновение раскрылись от удивления, но графиня тут же нахмурилась, подошла и обратилась к лекарю тихим голосом:

- Господин Бернет, идите отдыхать, сейчас Вы ничем не можете помочь.

- В случае необходимости пришлите за мной, - ответил лекарь, затем поклонился, искоса взглянул на Алена и вышел.

Ирэйна присела на край дивана, застеленного для сна. К ней тут же подскочила служанка и стала вытаскивать из прически шпильки, распуская волосы. Жена подняла на мужа уставший взгляд и таким же уставшим голосом тихо произнесла:

- Я бы хотела отдохнуть.

Алена кивнул, развернулся и вышел, возле двери по-прежнему крутились слуги.

- Принесите сюда кресло и оставьте меня одного, - сказал он, обращаясь к дворецкому.

Через несколько минут он сидел в одиночестве возле двери детской, откинувшись на спинку кресла и прикрыв глаза. Алена молча страдал от бессилия, он не знал, чем помочь сыну, как облегчить его боль, что сделать для жены. Он хотел, чтобы она поделила с ним свои переживания, а не страдала в одиночестве. Алена горько усмехнулся про себя: всем, кто окружал ее, она разрешила называть ее «Леди Ира», даже детям. Всем, кроме него!

Еще дважды ночью в комнате раздавался детский плач, и, незаметно приоткрыв дверь, Алена наблюдал, как жена в халате с распущенными длинными, струящимися по спине волосами, успокаивала ребенка, укачивая его на руках и при этом что-то приговаривая или напевая.

Ален проснулся утром и обнаружил, что заботливо укрыт пледом, а он даже не заметил, когда это произошло. Встав с кресла и потянувшись, он осторожно подошел к двери и, приоткрыв ее, осмотрел детскую. Малыш спал в кроватке, рядом дремала сидящая на стуле служанка, на узком диване спала Ирэйна. Ален немного полюбовался спящей женой, тяжело вздохнул и прикрыл дверь. Покидая свой импровизированный пост, недалеко от детской он встретил слуг и велел им убрать кресло. Дворецкий выполнил приказ хозяина: кресло убрали, но значительно позже.

Ирэйна

Я очнулась, услышав хныканье сына. Потрогав его лобик, облегченно вздохнула: температура была в норме. Пеленая ребенка, пощекотала его животик, он засмеялся, и я увидела два белых зубика, выглядывающих из чуть припухшей верхней десны. Передав сына кормилице, вышла из комнаты и наткнулась на кресло, стоявшее возле двери. Как я ни торопилась привести себя в порядок, чтобы успеть к завтраку, все же решила полюбопытствовать:

- Мортин, почему возле детской стоит кресло?

- Его Сиятельство распорядился поставить его вчера и всю ночь провел в кресле возле детской, - ответил дворецкий, и мне послышались в его голосе нотки гордости.

- Вот как! – непроизвольно воскликнула я, удивившись.

Я только успела войти в столовую и поздороваться, как Бернет подошел ко мне и спросил:

- Леди Ира, мы все волнуемся, как чувствует себя Ваш сын?

Действительно, все смотрели на меня встревоженными взглядами.

- Сейчас все в порядке, жара нет, и у нас появились еще два зубика, - с улыбкой произнесла я.

- Нам всем остается только поздравить вас с этим важным событием, - серьезно сказал лекарь, глядя на меня смеющимися глазами.

- Благодарю всех, - засмеялась в ответ.

Спало напряжение, не отпускавшее все время, пока Ажан страдал от боли. На душе было легко и радостно, а еще было приятно сознавать, что о тебе беспокоятся.

Я ловила на себе внимательные взгляды мужа и непроизвольно стала присматриваться к нему, отметила осунувшееся лицо, тени под глазами. Из головы не выходили слова Мортина о том, что Ален всю



ночь не уходил от детской, и во мне что-то дрогнуло, как будто трещина появилась на стене неприязни, которую я выстроила. И впервые с нашей ссоры робко улыбнулась мужу.

## Глава 32

Ирэйна

Я вошла в классную комнату и сидевшие за столом дети вскочили и радостно приветствовали меня.

- Я тоже рада вас видеть, - улыбаясь, сказала и привычно ласково потрепала по волосам мальчишек и погладила по голове Герту.

Только мы успели сесть за стол, как вошел муж. Он подошел к столу, поздоровался с детьми. Те встали и молча склонили головы на его приветствие, как положено слугам.

- Я хотел бы присутствовать на занятии, как мы с Вами договаривались, - обратился он ко мне.

- Только, если не будете нам мешать, - не смогла удержаться я.

- Постараюсь, - с улыбкой ответил муж и сел за стол напротив Креминга.

- Садитесь, чего стоять-то, - обратилась я уже к детям, решив не обращать на мужа внимания, - в ногах правды нет.

- Любопытное замечание, - произнес профессор. – Леди Ира, у Вас есть, что еще сказать?

- Есть. Почему вы пропустили занятия? – решила пожурить детей: - Стоило мне денек не появиться, и вы тут же забросили учебу и с профессором, и с Горном. Конечно, один день не так уж и страшно, но я хочу, чтобы вы серьезнее относились к учебе.

Дети молчали и странно смотрели на меня.

- Обиделись? – спросила их, улыбаясь.

- Вас не было четыре дня, - сказал Артур, косясь на Алена. Они все смотрели на него, и в их взглядах было осуждение.

Я замерла, обернулась к мужу и почему-то именно у него растерянно спросила:

- Четыре дня? Неужели это правда?

Ален молчал, его глаза молили о прощении, в них я видела раскаяние.

- Простите меня, пожалуйста, - вновь обратилась к детям, - была не права.

- Вам не за что извиняться, Ирэйна, - услышала голос мужа, - это я

виноват и прошу прощения и у Вас, и у детей.

Буквально обалдевшая от услышанного, я резко обернулась, но все же успела заметить ошеломленные лица детей. Мы с мужем смотрели друг на друга, и не знаю, сколько бы это длилось, но раздался голос профессора:

- Может, мы, наконец, приступим к занятиям?

Оторвав взгляд от мужа, подумала: «А не слишком ли часто я стала ронять челюсть?»

Я возвращалась к жизни, из которой неожиданно для себя выпала. Посещала занятия профессора Креминга, Мэри с Гертой сделали несколько выкроек, и теперь мы ходили к Людвигу подбирали ткани, которые он предусмотрительно закупил. Как-то предложила Герте погулять вместе с нами, и теперь мы вдвоем с ней возились с Ажаном на покрывале, успевая при этом делать эскизы одежды и обсуждать крой, леди Глория сидела на кресле, внимательно слушая нас. Я попыталась вовлечь ее в обсуждение фасонов одежды, она сказала, что не рискнет что-то советовать, но посмотреть на результат наших трудов, ей будет интересно. А в это время Вилсон неподалеку рисовал картину, уверяя нас, что мы его вдохновляем.

В этот день Герта была занята в мастерской, тетушка осталась в замке, и на полянке Вилсона вдохновляли мы вдвоем с Ажаном. Неожиданно прибежал Артур:

- Леди Ира, Горн заболел, господин Ренке сказал, что с нами некому заниматься.

- Сейчас выясним, - ответила я, - сворачиваемся, Вилсон.

Мы быстро собрались и направились к казармам. Ренке вышел из строения и куда-то направился, но увидев нас, остановился и стал ждать. Как только мы подошли, он заговорил:

- Миледи, я уже говорил мальчишке, что сегодня с ними некому заниматься.

- То есть как некому? Воины кончились? – я начинала злиться, особенно на «мальчишку».

- Горн и еще несколько воинов заболели, кажется, чем-то отравились, но ничего опасного, - устало проговорил Ренке, - еще несколько сопровождают управляющего в поместья, есть еще дежурные, остальные отдыхают после дежурства.

- Значит, никто не может позаниматься с мальчиками? –

расстроено спросила я.

Ренке не отвечал, глядя на кого-то за нашими за спинами. Вдруг оттуда послышался голос мужа:

- Я могу, если Вы не будете возражать.

Мы втроем развернулись и увидели Алена и Торина. Торин посмотрел на меня и произнес:

- Я тоже могу.

Я расплылась в благодарной улыбке, мальчишки не могли поверить в такую удачу и перевели свой взгляд с мужчин на меня.

- Ну что застыли, бегите, переодевайтесь, сейчас вам покажут мастер-класс, - сказала я им, а когда они умчались, обратилась к мужчинам: - Спасибо, выручили.

Они слегка склонили головы, принимая благодарность, потом Торин, улыбаясь уголками губ, неожиданно спросил:

- Можем ли надеяться, что Вы, графиня, проследите за тем, как мы справляемся с заданием и оправдываем возложенное на нас доверие?

- Непременно, - ответила ему в тон, - глаз не спущу.

Я с удовольствием наблюдала за происходящим на площадке, сначала Алена занимался с Вилсоном, а Торин – с Артуром, потом они поменялись. И Алена, и Торин были очень терпеливы, они медленно, по нескольку раз, показывали каждое движение с подробными объяснениями, затем заставляли повторять мальчиков до тех пор, пока не добивались нужных результатов. Часа через полтора, когда мальчики окончательно выдохлись и с трудом поднимали руку с мечом, мужчины закончили занятие и отпустили их. Потом посмотрели на меня, не знаю, чего они ждали, но я встала и зааплодировала им. Они засмеялись и кивком головы обозначили поклон.

После этого случая тем для бесед за столом прибавилось, общение проходило более непринужденно. Алена и Торин стали практиковать такие занятия к восторгу мальчиков.

В один из дней мы с Ажаном собрались посмотреть на тренировку Вилсона и Артура. Подъезжая к площадке, я увидела двух сражающихся воинов. Видимо, их поединок длился уже достаточно долго, потому что собрал множество зрителей. Воины были в доспехах, на головах надеты защитные шлемы, но без труда узнала в них Алена и Торина. Я только успела взять сына на руки и приготовилась смотреть, как соперники разошлись и сняли шлемы, их лица блестели от пота, широкие улыбки

служили прямым доказательством полученного удовольствия.

Им как раз помогали снять остальные доспехи, когда я поймала взгляд Алена. Увидев меня, он загадочно улыбнулся. Потом, не спеша, направился к бочке с водой, на ходу снимая рубашку. По моему телу прокатилась горячая волна, когда увидела его обнаженную спину. Меня это разозлило, я была уверена, что после того, как он потоптался на моих чувствах, ничего подобного уже не смогу ощутить. Из всех сил старалась сдерживать себя и не реагировать, но тело не слушалось, оно как будто купалось в этих вернувшихся чувствах. Ален, обернувшись ко мне, плескал воду из бочки себе на грудь и пристально смотрел на меня. Я продолжала бороться с собой, но не могла отвести глаз от мужа. Мой взгляд скользил по его мощному торсу, невольно отслеживая путь капель, скатывающихся по груди. А потом наши взгляды встретились, и я «поплыла». В его глазах я увидела и мольбу, и страсть, но не только: там читалось не столько «я хочу», сколько «я люблю». А вот это для меня уже слишком, боль напомнила о себе, и я сумела отвести глаза от мужа, чтобы тут же наткнуться на Торуна, стягивающего с себя рубашку. Я удивленно смотрела, как он подошел к бочке, зачерпнул воды, плеснул себе на грудь и с вызовом посмотрел на меня. Фигура Торуна тоже впечатляла, на торсе вырисовывались хорошо развитые мышцы груди, которая была абсолютно безволосой, и кубики пресса на животе. Но я с удивлением обнаружила, что она не вызывает во мне никаких чувств, кроме эстетического удовольствия. Вдруг увидела, как Ален, до этого стоявший и растерянно наблюдавший за другом, подошел к нему и что-то сказал, при этом легонько двинув его в плечо. Тот ответил, сопровождая слова несильным ударом в грудь. Они стояли друг напротив друга, глядя исподлобья и сжимая кулаки, и очень напоминали двух петухов, готовых наброситься друг на друга. Это выглядело так забавно, что я не удержалась и громко рассмеялась. Ален с Торином будто очнувшись, посмотрели на меня, по-видимому, поняли, как выглядят со стороны, и смутились. Они отвернулись друг от друга и, не сговариваясь, стали надевать рубашки, затем, повернулись ко мне с одинаково виноватыми улыбками на лицах.

- Вы были неподражаемы, - крикнула им, улыбаясь, - мне понравилось. Не посчитав нужным уточнять, что именно мне понравилось, я помахала рукой и ушла.

### **Глава 33**

Ален

Решительно настроенный завоевать доверие жены, Ален все же чувствовал себя неуверенно, он боялся ошибиться. На следующее утро в столовой после бессонной ночи, проведенной в кресле возле детской, он смотрел на повеселевшую жену и вместе со всеми радовался за сына. Она встретила его взгляд и не отвела свой, как обычно делала это раньше. Ему показалось, что Ирэйна смотрит на него с интересом, а когда увидел улыбку, предназначенную именно ему, сначала просто не мог поверить. Все утро он радовался, как ребенок этому неожиданному подарку, ему показалась, что между ними появилась тоненькая, как ниточка, связь. Окрыленный пробудившейся надеждой, Ален отправился на занятия к профессору.

Ранее, проанализировав все, что узнал за эти четыре злополучных дня, Ален пришел к выводу, что ему необходимо пересмотреть отношение к детям, а для этого следовало установить с ними контакт. Сделать это было легче всего на занятиях, поэтому он и поставил такое условие жене.

Войдя в классную комнату и успев только поздороваться, он сразу почувствовал себя здесь чужим, дети вели себя с ним, как слуги с хозяином. И если раньше воспринимал это, как норму, то сейчас с ужасом смотрел на пропасть, пролегающую между ними, которую ему предстояло преодолеть, и пока он не знал, что для этого нужно сделать. Ален не переставал удивляться той легкости, с которой жена общалась со всеми, невзирая на статус, возраст, пол. Он заметил, что, чем лучше она относилась к собеседнику, тем проще было общение между ними. И, наоборот, если собеседник был ей неприятен, она переходила на официальный тон, от которого веяло холодом.

Тут точно так и получилось, она вроде бы и отчитывала детей, но нельзя было не почувствовать ее заботу и ласку. А потом ее недоумение, когда она узнала, сколько же времени не общалась с детьми.

Этот растерянный взгляд, обращенный не смотря ни на что – к нему! «Четыре дня? Неужели это правда?» - на простые вопросы он не смог ответить, потому что горло сдавило, он снова увидел боль в ее глазах и хотел только одного: впитать в себя всю эту боль. Когда она стала извиняться, он уже не мог это вытерпеть и попросил прощения не только у жены, но и у детей. Видя их ошеломленные лица, Ален понял,

что все сделал правильно. Он очень хотел надеяться, что их отношения перешли на новый уровень.

И, как оказалось, был прав. Они с Торином шли на площадку потренироваться, когда услышали разговор Ирэйны с Ренке. Ее шуточный вопрос «Воины кончились?» на самом деле задел Алена, то есть она его совсем не принимала в расчет. То, что о Торине тоже не помнили, служило малым утешением. Ален сам предложил позаниматься с мальчиками. До этого он и подумать не мог, что снизойдет до занятий со слугами. А сейчас ему казалось вполне естественным тренироваться с детьми и обижаться, что его об этом не попросили. Торин присоединился к нему, да еще попросил Ирэйну в шуточной форме понаблюдать за ними. Ален получал огромное удовольствие, показывая, как она выразилась «мастер-класс», и знал, что жена с улыбкой смотрит на него. Ален с Торином радовались как дети, когда Ирэйна аплодировала им. Потом друзья не раз еще занимались с детьми по собственной инициативе. Сначала Ален это делал, чтобы наладить отношения с женой, ну и с детьми, а потом он заметил, что Артур быстро схватывал, стремился ему подражать и делал значительные успехи. Ален начал задавать ему вопросы, и постепенно Артур открылся ему и сказал, что хочет стать воином. Ален ничего не стал ему обещать, но сам начал задумываться о том, чтобы в будущем послать его учиться военному делу.

Сегодня после тренировочного боя с Торином Ален заметил Ирэйну, наблюдавшую за ними. Он помнил момент после такого же боя, когда впервые увидел устремленный на него взгляд жены, в котором полыхало желание, он так боялся, что она больше ничего не испытывает к нему, что решил рискнуть. Сняв рубашку, Ален, как и в прошлый раз, подошел к бочке, зачерпнул ладонью воды и плеснул себе на грудь. Он смотрел ей прямо в глаза и молился, чтобы она почувствовала то же, что и он. И увидел в ее взгляде смятение и желание. Ален ликовал! А потом все резко прервалось, он застыл от изумления, когда Торин сделал то же, что и он: продемонстрировал свой обнаженный торс, плеснул воды и уставился на его жену. Ален был настолько поражен поведением друга, что не удержался и легонько двинул его, когда сквозь сжатые зубы выговаривал ему:

- Ты что творишь? Это моя жена! Как ты смеешь так поступать?

- Я лишь повторяю то, что делаешь ты, - ответил Торин,

чувствительно заехав ему в грудь.

- Я ее муж! – процедил Ален сквозь зубы.

- Тогда тебе нечего бояться! – со злостью прошипел Торин.

Они уже готовы были вцепиться друг в друга, когда услышали смех Ирэйны. И вся злость и неприязнь куда-то исчезли, остался только ее звонкий, как колокольчик, смех. Ради того, чтобы еще и еще раз услышать его, чтобы увидеть, как светятся при этом ее глаза, он готов был стерпеть многое.

Ален с Торинем смотрели вслед Ирэйне и молчали.

- Будешь бить? – продолжая смотреть на уходящую девушку, спросил Торин.

- Сначала собирался, - не отводя взгляда от плавно покачивающихся бедер жены, ответил Ален, - но пока прощаю.

Он посмотрел на друга и уже серьезно добавил:

- Я наконец-то услышал ее смех. Это того стоило.

Ирэйна

За обедом Торин обратился ко мне с неожиданной просьбой:

- Леди Ирэйна, Вы позволите мне сегодня посетить урок танцев? В бальных танцах обязательно наличие кавалера. Возможно, мое присутствие не будет лишним?

Я удивленно посмотрела на него, прикидывая нужно ли мне это, но увидев, как муж сверлит Торуна хмурым взглядом, ответила:

- Я не против, думаю, Вы вполне подойдете на роль учебного пособия.

- Я польщен оценкой моих скромных возможностей, - улыбнулся довольный Торин.

- Я как раз хотел посмотреть, какие успехи делает Герта на ваших занятиях, - немного волнуясь, проговорил Ален, обращаясь ко мне, - надеюсь, Вы не будете возражать?

- Полагаю, что объективное и непредвзятое мнение нам не повредит, - скромно ответила я.

- Благодарю, - не скрывая радостной улыбки, произнес муж.

- Мне, видимо, следует напомнить, что отсутствие людей старшего поколения на таком мероприятии, говорит о его фривольности, - подала голос тетушка.

- Леди Глория, мы даже не помышляли о том, чтобы проводить урок танцев без Вашего присутствия, - тут же нашелся Торин.

В связи с новыми обстоятельствами к уроку мы с Гертой готовились тщательнее, чем обычно. Герта надела шелковое светло-зеленое платье в пол с пышной юбкой, которая соответствовала здешней моде. Для ее возраста платье должно было быть короче, как здесь принято, но Герта захотела выглядеть по-взрослому, спорить я не стала. На мне было облегающее шелковое платье стального цвета, расширенное к низу от середины бедра, тоже длинное.

Мы с Гертой разучивали очередной бальный танец, когда в зал вошли Ален и Торин. Леди Глория восседала на одном из кресел и строго следила за происходящим. По моему знаку Молли перестала играть. Судя по взглядам, которыми смотрели на нас мужчины, наши наряды они оценили по достоинству.

- Леди, вы прекрасны! – первым произнес Торин.

- Могу лишь повторить слова друга, – добавил Ален.

Они подошли сначала к тетушке и, поцеловав ее руку, Торин спросил:

- Леди Глория, Вы позволите нам поприветствовать этих прекрасных дам?

Глория, улыбнувшись уголками губ, величественно кивнула.

- Позвольте выразить Вам свое восхищение, - сказал Торин, подойдя к нам, и поцеловал руку мне, а потом Герте. Та залилась краской и смотрела куда-то в пол, я ободряюще улыбнулась ей.

- Ирэйна, – только и произнес Ален, целуя мне руку.

Потом подошел к Герте, осторожно сжал ее ручку и сказал:

- Герта, ты очень хорошенькая, а когда вырастешь – станешь настоящей красавицей.

Девочка еще больше покраснела, а когда подняла на него глаза, в них застыли слезы благодарности.

- Прошу, располагайтесь, - показала я на два свободных кресла.

- Я бы хотел, чтобы меня сразу же начали использовать по назначению, - заявил Торин, подойдя ко мне, и протянул руку.

Я приняла его руку, подождала, пока Герта с Аленом встанут за нами, и попросила Молли:

- Начните с первого танца, который мы уже разучили.

Надо сказать, что бальные танцы здесь напоминали танцы восемнадцатого или девятнадцатого веков на земле, которые я видела только в фильмах. В основном партнеры держались за руки и ходили по



залу, иногда притопывая и или прихлопывая. В нескольких танцах кавалер обнимал партнершу за талию, они двигались в сторону, оставаясь на пионерском расстоянии, или он приподнимал ее. Откровенно говоря, если бы тело Ирэйны не запомнило все эти движения, я бы обязательно запуталась. А вот танец, который так и назывался – вальс - появился при дворе лишь несколько лет назад, но он не был похож на наш классический вальс с кружением по залу, а скорее, это было топтание на месте, которое напоминало наш привычный, так называемый, «медленный танец». Поскольку степень обниманий и прижиманий в здешнем вальсе мне была не понятна, то мы с Гертой его не разучивали.

Фигуры в танце, под музыку которого мы сейчас двигались, состояли из кружений дам вокруг кавалеров, хлопков, реверансов и сменой партнеров, причем все это на расстоянии вытянутой руки. После того, как танец закончился, мужчины нас проводили к креслам и поклонились. Нам с Гертой удалось только присесть на кресло, как зазвучала музыка следующего танца. Торин уже собирался пригласить меня, но Алэн, повернувшись к другу, произнес:

- В качестве пособия ты сейчас нужнее Герте.

- С удовольствием, - после небольшой паузы сказал Торин и, широко улыбаясь, подошел к девочке и протянул ей руку.

Я благодарно улыбнулась Торину и смотрела, как Герта робко подает руку партнеру. Переведя взгляд на Алэна, увидела, что он терпеливо ждет, когда я замечу его руку в приглашающем к танцу жесте, мы вступили в танец за Гертой и Торином.

- Вам нравится танцевать? – тихо спросил меня Алэн.

- Как такая ерунда может нравиться? – также тихо, чтобы не услышала Герта, ответила я.

Алэн засмеялся и посмотрел на меня с особой теплотой, это совпало с моментом, когда кавалер берет даму за талию, она ему кладет руки на плечи, и они скачут вправо, а потом влево. Даже эта идиотская скачка не смогла отвлечь меня от ощущения тепла, которое моментально разлилось по всему телу, стоило рукам Алэна обнять меня за талию. Он не отрывал от меня горящего взгляда, а я с ужасом чувствовала, как дыхание становится неровным, и начинают краснеть щеки.

- А Вам нравится танцевать? – вернула я вопрос, чтобы хоть как-то

отвлечься.

- Некоторые танцы мне определенно начинают нравиться, - загадочно ответил он, когда мы уже топтались, держась за руки.

Когда заиграла музыка следующего танца, я поглубже уселась в кресло и заявила:

- Я – пас, в смысле, пока не танцую, а Герте стоит потренироваться.

Герта блестящими от восторга глазами посмотрела на Торуна, и он с обворожительной улыбкой снова протянул ей руку. Ален сел в соседнее кресло.

- Как Вы оцениваете успехи Герты? – спросила я, глядя на танцующих.

- Очень хорошо, - ответил Ален, тоже следя за парой, - чтобы Вы ни делали, Ирэйна, всегда получается очень хорошо.

Его ответ, сказанный серьезным тоном, заставил меня взглянуть на него, он тоже смотрел с улыбкой, только она была у него такой грустной, что мое сердце дрогнуло. Мдааа, что-то защита моя не срабатывает, и физиология здесь определенно не при чем.

### **Глава 34**

За обедом все шло, как обычно, только Ален с Торинном были чем-то обеспокоены. Наконец, Ален глядя мне в глаза, сообщил:

- Прибыл гонец от короля, через три месяца начинается бальный сезон. К нему приурочены такие события как чествование победителей в войне с Аракасом, возвращение принца. Состоятся приемы и, разумеется, балы, где мы должны присутствовать.

- У меня нет никакого желания ехать во дворец и встречаться на балах с неприятными особами, - резко ответила я.

- Но, Ирэйна, наше присутствие во дворце обязательно, - неуверенно возразил Ален, бросая на меня виноватые взгляды.

- Не вижу проблем, - ответила я, - Вы съездите и побудете там, сколько необходимо. А потом расскажите нам дворцовые новости.

- Я недостаточно точно выразился, - продолжал Ален. - Ваше присутствие обязательно. Если я приеду один, то это будет выглядеть как нарушение этикета и неуважение к традициям, и мне придется объяснять причину Вашего отсутствия королю.

- Думаю, Вы преувеличиваете, скорее всего, никто и не заметит отсутствия моей особы во дворце, да и потом, я не могу оставить Ажана, тетушка плохо себя чувствует, - привела я, на мой взгляд,

железные аргументы.

- О, что я слышу! Вы наконец-то соизволили обратить на меня внимание, - послышался возглас, полный сарказма, из уст леди Глории, - только почему Вы решили, что я плохо себя чувствую?

- Но Вы все время молчите, – возразила я, - а Вам это абсолютно не свойственно.

- Ира! – неожиданно обратилась ко мне леди Глория, с удовольствием разглядывая мое вытянувшееся от удивления лицо, - позволю себе так называть Вас, поскольку Вы назвали меня тетушкой, даже не заметив этого. Так вот, я молчала, поскольку надеялась услышать разумные вещи, ведь еще не так давно Вы уверяли всех о наличии у Вас интеллекта.

Тетушка медленно отпила из бокала, все как загипнотизированные молча следили за ней, ожидая продолжения. И оно не заставило себя ждать.

- Меня поражает Ваше легкомысленное отношение к словам мужа. Причиной отказа от приглашения короля может служить только пребывание на смертном одре или смерть. Других причин для неисполнения воли короля не существует. Все остальное трактуется как измена престолу, причем, если пребывание на смертном одре затянется, то это тоже приравнивается к измене.

Мне стало ужасно неловко от моей самонадеянности. Вообразила себе, что достаточно знаю про этот мир, чтобы жить, как нравится и не считаться с местными реалиями.

- Сколько времени должно длиться наше пребывание в столице? – спросила я Алена, признавая правоту графини.

- Три - четыре месяца, - сдержанно ответил мне муж, оторвав взгляд, полный любви и благодарности от тетушки.

- Но я не хочу оставлять на такой большой срок Ажана! – расстроено пробормотала я.

- Вы перестали доверять мне? – обиженно любопытствовала леди Глория.

- Да, при чем здесь это, - буркнула я, - просто к тому времени, когда мы вернемся домой, он уже ножкой пойдет, а я все пропущу.

За столом молчали. Всем, в том числе и мне самой, было понятно, что я сдалась, осталось только признаться в этом.

- Ален, - обратилась к мужу, - правильно ли я понимаю, что во

дворце есть Ваши личные апартаменты?

Он осторожно кивнул, даже не пытаясь скрыть довольной улыбки. По мне, так еще рано радоваться – проблема-то не решена.

- А маленький ребенок там находиться может? – уточнила я.

- Нет, к сожалению, апартаменты для этого не подходят, - пристально наблюдая за мной, осторожно ответил муж, как будто опасаясь спугнуть дичь, попавшую в ловушку, которая по какой-то причине не может захлопнуться.

- А возможно ли снять дом в столице на это время? – упрямо продолжала я искать варианты решения.

- Нет, - помотал головой, - мне жаль.

- Вы можете остановиться в моем доме, - внезапно произнес Торин и быстро, будто боясь, что мы сразу откажемся, продолжил: - Дом достаточно большой и удобный, чтобы принять гостей, среди которых могут быть и маленькие дети. Имеется парк, где удобно гулять с ребенком. Не отказывайтесь, прошу Вас!

- Насколько это будет удобно? – спросила я, едва сдерживаясь от охватившего меня ликования.

- Это довольно распространенная практика: приезжая в столицу, останавливаться в домах родственников или друзей, - с улыбкой ответил Торин.

Я выжидающе уставилась на мужа, желая услышать его мнение.

- Кажется, этот вариант решает сразу все проблемы, - улыбаясь, произнес Алэн, а затем обратился к Торину: - Спасибо, друг!

- Торин! – воскликнула я, уже не скрывая радости. - Вы просто спасли нас!

- Мне было приятно это сделать, леди Ира! – тепло ответил он, с моей непроизвольной подачи сменив официальное обращение на дружественное.

- Ира, думаю, я не ошибусь, если предположу, что Вы возьмете в столицу еще троих детей? – выдала вдруг тетушка.

- Разумеется, - ответила я с вызовом, - а Вы сомневались?

- Нисколько, - обронила она, позволив себе мимолетную усмешку, и обратилась к Торину: - Я надеюсь, что в Вашем доме достаточно места, молодой человек, чтобы устроить этих детей?

- Можете не беспокоиться, - откликнулся тот.

- Ира! Я уповаю на Ваше благоразумие и полагаю, Вы не

собираетесь вести детей во дворец? – спросила леди Глория, в голосе которой я почувствовала тревогу.

- Уверена, что в столице найдутся интересные места и помимо дворца, - успокоила я ее и, судя по тому, как облегченно переглянулись Ален с Торином, кажется, не только ее.

- Теперь я могу спокойно отпустить вас, - с довольной улыбкой произнесла леди Глория.

- Если Вы, тетушка, надеетесь, что я оставлю Вас одну в замке наслаждаться спокойствием, в то время, когда я буду мучиться на разных приемах и балах в столице, то Вы жестоко ошибаетесь! – припечатала я ее.

Теперь уже я любовалась вытянутым от изумления лицом графини.

- Как Вы могли даже допустить такую нелепую мысль? - не давая ей прийти в себя, наступала я, - Вы решили оставить меня одну в этом дворцовом террариуме?

- Но с Вами будут Ален и Торин, - сделала неуверенную попытку оправдаться тетушка.

- Не уходите от ответственности! - продолжала вещать я. - Это совсем другое. Мне нужна будет именно Ваша поддержка, и не делайте вид, что не понимаете этого!

- Ну, если Вы так ставите вопрос, - наконец-то сдалась графиня и тут же грозно предупредила: - Но имейте в виду, я не стану терпеть Ваших выходов!

- Договорились, - безмятежно согласилась я.

На следующий день уехал Торин, ему тоже надлежало подготовиться к приему во дворце. Мы тепло попрощались, я больше не сердилась на него. Все прежние обиды незаметно растворились в добрых и искренних дружеских чувствах, которые нас теперь связывали.

В замке началась подготовка к поездке в столицу. Мы с тетушкой составили списки одежды, которые потребуются на период пребывания в столице. Из всех записей выделили перечень нарядов для балов и приемов. Несколько платьев уже были готовы, для многих были сделаны выкройки. Из поместий прибыли все швеи, которые под руководством Мэри приступили к работе. Ален отдал мне шкатулку с драгоценностями, которые хранились в тайнике, чтобы мы смогли подобрать или сшить наряды к ним. Управляющий уехал в город за

покупками согласно составленным нами спискам. Мы решили, что будем шить платья в соответствии с модой, принятой в королевстве, а также новые фасоны нарядов, которые не должны шокировать публику. Придумывать что-то новое не стали, потому что время поджимало, да и заготовок хватало.

Хлопот прибавилось, поэтому занятия я практически не посещала. Однажды заглянула в классную комнату проведать детей. Они как раз, закончив заниматься, собирались уходить.

- Как идет подготовка к поездке? – спросила я их.

- Почти все мои платья готовы, - радостно сообщила Герта.

Вилсон и Артур молчали, старательно пряча взгляд.

- Что происходит, Вилсон, Артур? – обратилась к ним.

- Мы не поедem, миледи, - ответил Вилсон.

- Почему?

- Просто не хотим, - на этот раз проговорил Артур.

- Объяснитесь, пожалуйста, - потребовала я.

- Мы не хотим никому мешать, - немного помолчав, проговорил Вилсон.

- Отчего вдруг такие нелепые мысли? – недоумевала я. - Мы уже ездили с Вами в город, и, насколько я помню, вам понравилось.

- Но тогда мы ездили только с Вами, - выпалил Артур.

- Так, вы что, предлагаете не брать мужа? – ляпнула я удивленно.

- Нет, конечно, нет, - испуганно заговорили они в два голоса.

- Значит, вы чего-то испугались? – я продолжала задавать идиотские вопросы.

- Мы ничего не боимся, леди Ира! – возмущенно воскликнул Артур.

- В таком случае, не вижу причин для отказа от поездки, - поставила точку в споре.

Я специально не стала требовать обещаний, меня беспокоило настроение мальчиков, не хотела их заставлять ехать, но и не знала, как убедить.

Решила поговорить об этом с Аленом. Я осторожно открыла дверь в кабинет, муж сидел за столом, развернувшись боком, и тоскливым взглядом взирал на стену.

- Ален, - негромко окликнула его, подходя к столу.

Он внезапно вскочил, растерянно глядя на меня, потом

стремительно обошел стол и подошел ко мне совсем близко. Это было настолько неожиданно, что я застыла с приоткрытым от удивления ртом.

- Ирэйна, Вы пришли ко мне, - его ладонь нежно коснулась моей щеки, а затуманенный взгляд блуждал по лицу, пока не остановился на губах. Его лицо медленно приближалось, у меня была возможность уклониться от поцелуя, но я этого не сделала. Едва прикоснувшись своими губами к моим, он взял в свои ладони мое лицо и стал покрывать его легкими поцелуями. Он целовал мои глаза, брови, щеки, губы, шепча между поцелуями:

- Милая, моя, только моя, милая...

Потом он захватил мою верхнюю губу и стал нежно посасывать, я таяла от такой ласки и не сразу заметила, как легкий поцелуй превратился в требовательный, ненасытный, его руки уже крепко обнимали меня, прижимая к себе. Я обняла мужа за шею, прильнув к нему, и ответила на поцелуй. И тотчас раздался стон, от которого по телу прошла дрожь желания. Когда поцелуй прервался, Ален не отпустил меня, а прижав мою голову к своей груди, еще крепче обнял и замер. Так мы и стояли, страстно прижавшись друг к другу. Не знаю, сколько мы еще так могли стоять, если бы не услышали:

- Ален, я не могу найти Ирэйну.

В кабинет вошла тетушка, которая увидев нас, резко замолчала. Мы медленно оторвались друг от друга, я сначала подняла глаза на Алена, смотревшего на меня счастливым хмельным взором, а потом - на леди Глорию. Подозреваю, что мой взгляд немногим отличался от взгляда мужа. С трудом оторвав глаза от моего лица, Ален наконец-то обратил внимание на тетушку.

Я привычно готовилась услышать какое-нибудь язвительное замечание, но она с подозрительным блеском в глазах тихо произнесла:

- Мне жаль, если я помешала.

- Вы не помешали, - смогла пробормотать я.

- То есть, как не помешала? – возмущенно спросила тетушка и укоризненно уставилась на Алена.

- Прости, тетушка, так получилось, - смутившись, промямлил он.

- В том-то и дело, что не получилось, - отчудила леди Глория, оглядываясь по сторонам, и, больше не обращая на нас внимания, вышла.

- Мортин, - раздался ее голос в коридоре, - почему в кабинете графа до сих пор нет удобного дивана?

Услышав слова тетушки, я уткнулась головой в грудь мужа, сотрясаясь от беззвучного смеха, он тоже подозрительно подергивался. Взглянув друг на друга, мы больше не в силах сдерживаться, громко рассмеялись.

По-прежнему не выпуская меня из своих объятий, Ален, улыбаясь, произнес:

- Ты назвала меня по имени, знаешь, что это означает?

- Опять нарушила этикет или какую-нибудь традицию? – насмешливо ответила вопросом на вопрос.

- Плевать мне на этикет и традицию, - поморщился он, а потом вновь расплылся в улыбке, когда неожиданно выдал: - Это означает, что я стал тебе близким человеком, и теперь буду называть тебя Ира.

- Нет, - сказала я и, увидев, как мгновенно лицо его стало буквально больным, быстро добавила: - «Ира» могут называть меня родные и близкие, но только ты можешь называть меня «Ирочка», «Иришка», «Иринка» - выбирай.

- Ирочка, - после паузы, волнуясь, спросил он, - ты простишь меня?

Я закрыла глаза, пытаюсь отыскать в себе чувства, которые не так давно терзали и мучили меня, и, не обнаружив их, облегченно выдохнула. Ален с тревогой вглядывался в меня, ожидая ответа.

- Уже простила, - сказала мужу, не пряча глаз.

Он крепко прижал меня к себе и еле слышно прошептал:

- Спасибо.

Мы выходили из кабинета, когда я вспомнила о взгляде Алена, устремленном на стену. Мне стало любопытно, что так привлекло его внимание и фактически спровоцировало на дальнейшие действия, и я вернулась к столу.

- Что случилось? – растерянно спросил он, идя за мной.

На стене в небольшом углублении висела картина, на которой были изображены мы с Ажаном. Я удивленно смотрела на свой портрет, Ален подошел и обнял меня сзади.

- Это Вилсон подарил мне, я попросил его, - признался Ален.

- Но я думала, что он рисовал пейзаж, - ошеломленно произнесла я.

- Я повесил сюда твой портрет, чтобы ты всегда была рядом, - тихо сказал Ален, - мне это необходимо.



Ален не стал ждать ночи и пришел ко мне сразу после ужина. Я только успела надеть пеньюар, когда он вошел и застыл, буквально поедая меня глазами и не решаясь пройти дальше. Робко протянула к нему руки, он улыбнулся и стал медленно подходить, лаская меня взглядом. По мере приближения взгляд его становился все более диким и голодным, и когда он едва прикоснулся ко мне, все его самообладание исчезло без следа. Ален приник к губам в страстном поцелуе, властно обнимая и прижимая к себе, будто боясь, что я куда-нибудь исчезну. Его руки блуждали по моему телу, склонив голову, он поймал губами мой сосок, и я выгнулась от наслаждения. Муж подхватил меня и опрокинул на кровать. Я тоже хотела ласкать его, мои руки жадно заскользили по его телу, но наткнулись на одежду, которую я попыталась сорвать. Услышала довольный смешок, и на несколько мгновений Ален отстранился от меня, чтобы избавиться от рубашки и брюк. Вздох блаженства вырвался из моей груди, когда я прикоснулась к его обнаженному торсу руками, а потом со стоном прижалась к нему всем телом. Он поймал мой стон своими ненасытными губами. Когда его рука скользнула вниз, лаская меня, я посмотрела в его глаза и увидела напряженный взгляд, отражающий едва сдерживаемое желание. Застонав от наслаждения, я выгнулась под ним, и тогда он плавно вошел в меня. Больше он не сдерживался, брал меня исступленно, с какой-то необузданной страстью, неумолимо подводил меня к той точке, в которой полностью исчезает разум, а появляется невероятно мощное всепоглощающее ощущение восторга, и тело разлетается на маленькие кусочки наслаждения.

Медленно приходила в себя, Ален крепко прижимал меня со своей груди. Я пошевелилась, и он немного ослабил объятия. Заглянув в его глаза, увидела там наслаждение, граничащее с блаженством.

- Я боялся, что ты не сможешь простить меня, - произнес он.

Потом снова сжал меня в объятиях, шепча:

- Ирочка, моя Ирочка, ты все-таки пришла ко мне.

И в этот момент я неожиданно вспомнила, зачем приходила к нему в кабинет и счастливо улыбнулась.

С этого дня мы с Аленом практически не расставались, а если были врозь, то постоянно искали взглядом друг друга. Мы вместе купали Ажана, вместе с ним гуляли, теперь сыну больше нравилось находиться на руках отца, чем на моих, и Ален этим очень гордился. Некоторое

время мы посещали занятия детей, пока профессор Кремлинг попросил нас не делать этого, поскольку мы своими глупыми улыбками отвлекаем его учеников и мешаем ему сосредоточиться. Поначалу тетушка пыталась обратить наше внимание на подготовку к поездке, но, поняв, что это бесполезно, взяла все в свои руки.

Тем не менее, собрались мы в срок, и за десять дней до начала празднеств выехали из замка. Добрались благополучно, Ален вместе с охраной ехал верхом, а остальные разместились в закрытых экипажах. В пути на ночь останавливались в придорожных гостиницах и на постоянных дворах. Охрана никогда не ночевала в зданиях, а всегда располагалась рядом с ними возле многочисленных повозок.

### **Глава 35**

Торин встречал гостей у крыльца, он смотрел, как вереница экипажей и повозок, окруженная всадниками, медленно двигалась по аллее к дому. Один из всадников, в котором Торин без труда признал Алена, приблизился к нему и соскочил с коня.

- Рад тебя видеть, дружище! - приветствовал он улыбающегося графа.

- И я рад, Торин! – воскликнул Ален, сжимая его в крепких объятиях.

Перед крыльцом остановились два экипажа, Торин подошел к первому, из которого выходила тетушка.

- Леди Глория, Вы все-таки решились осчастливить своим посещением столицу? - произнес Торин, помогая ей выйти.

- Как выразилась Ира: меня еще рано сбрасывать со счетов, - заявила тетушка и с помощью подоспевшего слуги стала подниматься по ступенькам.

Торин обернулся и увидел, как из экипажа вышла Ирэйна, опершись на руку мужа. Он пораженно застыл, представшая перед ним картина казалась невероятной: Ален взял ребенка из рук служанки, и, с улыбкой глядя на жену, подставил ей локоть. В ответ Ирэйна одарила его такой же ласковой улыбкой. Они подошли к Торину, тот потрясенно переводил взгляд с одного на другого и понял, чем в этот момент они похожи: у них были одинаково светящиеся от счастья лица.

- От вас ослепнуть можно, - вместо приветствия неожиданно для себя промолвил он.

- Неужели так заметно? - засмеялась Ирэйна.

- Боюсь, что в вашем случае помогут только маски, - с улыбкой ответил Торин.

- Мы с мужем тоже рады нашей встрече, Торин, - улыбалась Ирэйна, а Ален промолчал, нисколько не скрывая своих чувств.

- Располагайтесь, отдыхайте, - перешел на деловой тон Торин. - Завтра состоится прием у короля.

Вечером Ален сидел в кабинете Торина и потягивал вино из бокала. Тот с улыбкой смотрел на друга и терпеливо ждал. Наконец, Ален взглянул на него и проговорил:

- Раньше я никогда бы не стал говорить об этом даже с тобой, но с недавних пор я – твой должник.

- Если ты надеешься, что начну отрицать это, то напрасно, - засмеялся Торин, - я достаточно настрадался благодаря тебе, так что имею право хотя бы на толику радости.

- Вилсон написал портрет моей жены, - начал рассказывать Ален, - на нем она изображена с Ажаном на поляне, Ирэйна смотрит на сына и улыбается. Я попросил у Вилсона этот портрет, и он подарил мне его.

Ален подошел к стене недалеко от стола, за которым сидел Торин:

- Примерно здесь в моем кабинете на стене есть небольшое углубление, туда я и повесил портрет, чтобы иметь возможность видеть ее. Я с ума сходил от ее улыбки, завидовал собственному сыну! - горько усмехнулся Ален. – Глядя на портрет, я молил ее о прощении и часто представлял, как она придет ко мне и я, наконец, увижу улыбку, предназначенную только мне.

Торин наблюдал, как Ален отошел от стены, подошел к окну, сделал пару шагов по кабинету, потом все-таки сел в кресло.

- И однажды она пришла, - Ален замолчал, вспоминая. Лицо его при этом озарилось восторженной улыбкой. - Я сидел и смотрел на портрет, когда она вошла в кабинет и позвала меня по имени. Я подбежал к ней уверенный, что Ирэйна каким-то образом услышала мои мольбы, и поцеловал ее, она не оттолкнула. Моя жена простила меня.

В кабинете надолго установилась тишина.

- Я искренне рад за вас, - проговорил Торин. – Тебе еще нужна моя помощь?

- Зная тебя, я рискну предположить, что ты что-то узнал о виконте Плеринге, - сказал Ален.

- В точку! – засмеялся Торин, а затем уже серьезнее добавил. -

Смазливый тип двадцати шести лет. На получение наследства он вряд ли может рассчитывать. Его состояние, точнее отсутствие такового, вынуждает искать выгодную партию среди незамужних дам.

- Довольно странно, - задумчиво проговорил Ален, - зачем тогда устраивать побег с моей женой? Чем это ему выгодно?

- У меня тоже пока нет ответов на эти вопросы, - произнес Торин. - Что ты собираешься предпринять?

- Вероятнее всего, виконт не знает, почему Ирэйна передумала и не сбежала с ним. И тут два варианта: он не будет ничего делать, чтобы увидеться с ней, а наоборот, будет стараться избегать ее общества. А возможно, он попытается выяснить у нее, почему не приехала на встречу, как обещала. И скорее всего, решится сделать это на балу, - рассуждал Ален. - Я буду следить за ним, а тебя, Торин, попрошу присматривать за Элиной.

- Почему меня? – возмутился Торин, - присматривай за ней сам, а я буду следить за Плерингом.

- Прости, - смутился Ален, - но Ирочке будет неприятно, если я буду общаться с Элиной.

- Кому? – недоуменно воскликнул Торин, - Ирочке?

- Да, - вздернув подбородок, заявил Ален, - только я могу ее так называть!

- Понятно, - протянул Торин, - Ну а жене ты скажешь о Плеринге?

- Не хотел бы ей говорить, чтобы не расстраивать, - вздохнул Ален, - но я так часто ошибался раньше, что, если ты считаешь иначе, то я сделаю по-твоему.

Торин задумался, потом заметил:

- Если Плеринг ничего не будет предпринимать, то Ирэйна так ничего и не узнает и не будет поводов для разборок и расстройств. Думаю, ты правильно решил, - подвел он итог.

Ирэйна

Я волновалась перед приемом, плохо понимала, что он из себя представляет, боялась сделать что-нибудь не так и подвести Алена.

- Расскажет мне кто-нибудь что-то полезное о приеме? – спросила я за завтраком.

- Сначала будет ужин, на котором должны присутствовать ты и я, Торин тоже приглашен. Позже состоится бал, мы успеем вернуться,

переодеться и уже с тетушкой вернемся во дворец, - коротко ответил Ален, продолжая спокойно завтракать.

- Кроме нас с тобой и Торина на ужине еще кто-нибудь будет? – старательно сдерживаясь, спросила я у него.

Ален растерянно посмотрел на меня, а Торин рассмеялся и ответил:

- Если еще принять во внимание короля с королевой и принца, то основной состав Вы назвали.

- Ирочка, тебе абсолютно не о чем волноваться, - начал успокаивать меня муж. - На приеме будут присутствовать примерно пятьдесят человек, основной темой для обсуждения является путешествие принца.

- Тему для обсуждения задает король, - вступила в разговор тетушка, - какие вопросы и кому задавать решает тоже он.

- То есть вероятность того, что меня заметят, невелика? – спросила я повеселевшим голосом.

- Вас трудно не заметить, - вставил Торин.

- Неплохая шутка, Торин, просто смеяться сейчас не получится - волнуясь, - ответила я.

- Но я не шу..., - попытался он видимо, возразить.

- Тебе не о чем беспокоиться, Ира, - перебила леди Глория, - Ален и Торин будут рядом и помогут тебе, а если потребуется, то и защитят.

Я посмотрела на серьезные лица мужа и его друга, мое беспокойство стало быстро таять и, улыбнувшись, ответила:

- Вы как всегда правы, тетушка.

## **Глава 36**

Ирэйна

Дворец находился недалеко от дома Торина, это было величественное здание с множеством колонн, и красивыми залами, соединенными между собой галереями, украшенными гобеленами и картинами.

Зал, в который меня привел муж, был огромный, на стенах крепились изящные светильники, с высокого потолка свисали люстры причудливой формы, ярко освещая помещение. В центре зала недалеко друг от друга располагались небольшое возвышение, на котором стояли три кресла с высокими спинками, среднее было выше двух других и отличалось большей роскошью, вероятно, это и был трон. Чуть правее находился огромный накрытый стол, во главе его стояли три стула с

высокими спинками, по обе стороны стола были похожие стулья, но поскромнее.

Гости в ожидании располагались вдоль одной из стен небольшими группами. Женщин было меньше, чем мужчин. Они были одеты в платья разных расцветок, особых отличий в крое я не обнаружила, в основном они отличались пышностью юбок и размером декольте. Я надела платье со скромным вырезом, чтобы не привлекать внимание, но не угадала. Своим скромным декольте я как раз выбивалась из общего строя, женщины смотрели на меня без особой приязни. А вот на Алена и мужчины и женщины взирали с почтением, потому что ему пришлось нацепить все награды, а их было немало. Они висели на его шее на лентах разных цветов, еще одна широкая лента была перекинута через плечо и на ней поместился ряд наград. Алэн и Торин кратко рассказывали мне о присутствующих, но вскоре оставили эту затею, потому что я все равно никого не могла запомнить.

Наконец, из боковой двери в зал вошел мажордом и оповестил о выходе королевских особ. Сначала объявили Его Величество короля Эдвара, мужчины склонили головы, женщины присели в реверансе. В зал вошел среднего роста сильно располневший мужчина возрастом ближе к шестидесяти. Поредевшие и поседевшие когда-то темные волосы были чуть выше плеч, в небольшой бородке тоже присутствовала седина. Одетый в богато украшенный драгоценностями камзол темно-фиолетового цвета, король окинул толпу гостей светлыми карими глазами, прошел через зал к возвышению и сел на среднее кресло-трон. Затем сообщили о выходе Ее Величества королевы Валенты. В платье фиолетового цвета менее насыщенного оттенка в зал вошла неплохо сохранившаяся красивая женщина, лет на пятнадцать моложе мужа, она не выглядела стройной, а небольшая полнота даже шла ей. У нее были темные волосы, нетронутые сединой, уложенные в высокую прическу, как и у большинства женщин, ее серые глаза равнодушно скользнули по гостям, прежде чем подойти к мужу и сесть слева от него. Наконец, в зал вошел Его Высочество наследный принц Генри двадцати пяти лет от роду. Внешне он, видимо, был почти точной копией отца в молодости. Его густые темные волосы спускались ниже плеч, и лицо было гладко выбрито. Украшений на камзоле было поменьше, чем у отца, но цвет был тоже фиолетовый, только намного бледнее, чем у родителей. Судя по всему, фиолетовый был цветом

королевской семьи. Молодой человек прошелся быстрым взглядом по присутствующим, в котором не было заметно любопытства, но и нарочитое безразличие тоже отсутствовало. Он, не слишком заботясь о величественности, уселся в кресло справа от короля.

Наконец, можно было выпрямиться, туго бы мне пришлось сейчас, выручили ежедневные утренние тренировки. Да и наблюдать исподлобья за королевской семьей было не слишком удобно, хотя думаю, это не возбранялось, а скорее, наоборот. Иначе, какой смысл королевской семье демонстрировать свою избранность и величие?

Пришла очередь представлять гостей. Мажордом называл титулы и имена, выходила пара, приближалась к возвышению, и все повторялось: мужчина слегка склонял голову, женщина приседала в реверансе. Король произносил дежурные фразы, и пара немного пятилась задом, а потом отходила к противоположной стенке. Хорошо, что я успела разглядеть все это, потому что мы были третьей парой, которую представляли королю. Мы приблизились, я застыла в реверансе и смотрела в пол.

- Ален, друг мой, мне особенно приятно приветствовать Вас на приеме, потому что Вы являетесь одним из виновников этого события. Король встал, и по залу прошел восхищенный ропот, видимо, это считалось высшим проявлением королевского расположения. Я подняла глаза и увидела, как муж опустился на одно колено, и король повесил ему на шею ленту с наградой и передал в раскрытой шкатулке еще одну.

- Вы, граф, вновь отличились, поэтому Мы вручаем Вам награды за славную победу во время последней военной кампании и за преданность престолу.

Король сел на свое место, Ален поднялся с колена и посмотрел на меня непроницаемым взглядом. Я не смогла сдержаться и улыбнулась ему.

- Мы также поздравляем Вас с рождением наследника, - произнес тем временем король.

- Благодарю Вас, Ваше Величество, - ответил Ален.

- Мы рады снова видеть здесь Вашу жену, - продолжал король, оценивающе пройдясь по моей фигуре, его глаза задержались на груди, и он поднял на меня похотливый взгляд, в котором так и читались желание и уверенность «поймать» меня.

От обиды за себя и Алена я отзеркалила ему взглядом:

«Обломись!». Не уверена, что именно это слово он прочитал в моих глазах, но общий смысл послания, судя по последовавшей за ним реакции, понял.

Бровь короля удивленно приподнялась, и, нахмурившись и глядя на меня, он желчно произнес:

- Иной раз у меня создается впечатление, что я, возможно, переоцениваю своих подданных. Вам не кажется, графиня, что я чересчур щедр к Вашему мужу?

- Я бы никогда не посмела даже на миг усомниться в правильности и дальновидности Ваших решений, Ваше Величество, - изображая неприсущие мне кротость и смирение, ответила ему, стараясь при этом не смотреть на короля, - также как и в Вашей щедрости.

Поведение короля нервировало меня, я боялась подвести мужа.

- Что касается наград моего мужа, - я подняла глаза и, уставившись в переносицу короля, в попытке на этот раз добавить в интонацию благоговение, закончила, - Вы лишь подтвердили, что они заслуженны.

Я скромно опустила ресницы и склонила голову. Король подозрительно долго молчал, потом произнес:

- Будем рады вновь увидеть Вас на балу.

Муж подставил мне локоть, оперевшись на него, я выпрямилась, и мы попятились к стене. Я виновато посмотрела на Алена, он о чем-то напряженно думал, ни на кого не обращая внимания, при этом взгляд его уперся в стену, на скулах заходили желваки. Осторожно дотронулась до его руки, очнувшись, он улыбнулся и накрыл мою руку своей ладонью. От его незамысловатой поддержки сразу стало легче. Когда церемония представления закончилась, к нам подошел Торин.

- Леди Ира, что произошло при награждении? – тихо спросил он.

Я взглянула на мужа, молча спрашивая его разрешения на ответ Торину, он ободряюще улыбнулся.

- Торин, Вы уверены, что хотите услышать мое мнение о короле? – обеспокоенно спросила я.

- Да, - твердо ответил он, нахмурившись.

- Король похотливо смотрел на меня и выразил взглядом, что ему ничего не стоит переспать со мной, а я дала понять, что, мягко говоря, не согласна с этим.

Торин, не удержавшись, чертыхнулся и сочувственно посмотрел на Алена. Лицо мужа будто окаменело, потом он заглянул мне в глаза и



твердо сказал:

- Я тебя никому не отдам. Веришь мне?

Дотронувшись рукой до его щеки, я кивнула.

Генри сидел, держа большой бокал вина в руке, и наблюдал за подданными, присутствующими за столом. От его внимания не укрылась сценка, произошедшая при награждении. Он, как и все приближенные к королю, знал о его пристрастиях. Отец уже давно не пытался скрывать свои любовные похождения даже от жены. Мужья, чьих жен король на очень короткий срок возводил в фаворитки, даже если и были недовольны, то никак этого не показывали. Женщины же ничего не имели против желания правителя затащить их в постель, порой казалось, что они соревнуются друг с другом, чтобы оказаться там. Генри не было в королевстве три года, но с тех пор, кажется, ничего не изменилось. Сам принц тоже не был обижен женским вниманием, но он старался избегать связей с замужними дамами, с мужьями которых ему приходилось общаться. Если он видел, что женщины, с которыми он вступал в отношения, начинали демонстрировать их при дворе, подражая фавориткам короля, он просто рвал эти связи.

Сейчас Генри, прикрывшись бокалом, смотрел на графа и графиню Монсервиль. Всего несколько человек отделяло их от места, где сидела королевская семья. Граф был одет в военную форму темно-серого почти черного цвета, а графиня в платье стального оттенка, которое удачно гармонировало с кителем мужа. Платье было почти закрытым, в приоткрытую ложбинку между грудей удачно вписался кулон с большим драгоценным камнем. Они ни разу с того момента, как сели за стол, не посмотрели в сторону короля. Лениво поглощая содержимое своих тарелок, перебрасывались короткими фразами, пробуя то или иное блюдо. Генри показалось, что у этой пары несколько иные отношения, чем у других пар, и реакция графини на поведение короля доказывала это. Генри не мог видеть, как отец смотрел на графиню, но ее ответный взгляд он хорошо запомнил, и был удивлен. Она не скрывала, что ей, мягко говоря, не понравилось то, как король смотрел на нее. Тот же не мог сдержаться от угроз в адрес человека, которого минутой ранее превозносил. Генри видел озадаченное лицо графа, который не сразу, в отличие от жены, смог оценить происходящее. Всю

жизнь главнокомандующий посвятил служению королю, рискуя при этом жизнью на полях сражений, и как оказалось, это ничего не значило, и он сам ничего не значил в сравнении с королевской прихотью. Наверное, он впервые стал свидетелем того, что награды или их отмена зависят от каприза короля, а не от реальных заслуг подданных.

Король стал задавать сыну вопросы о странах, в которых он побывал во время путешествия, Генри подробно отвечал на них. Это было сделано по договоренности специально для приглашенных гостей, поскольку сам король все это уже знал из многочисленных писем и отчетов сына и его сопровождающих.

Отвечая на вопросы, принц задерживал взгляд на лицах гостей. На большинстве из них читалось удивление, на некоторых даже подозрение. А вот на лице графини Монсервиль не увидел ничего, кроме неподдельного интереса, и во время рассказа его взгляд все чаще стал останавливаться на ней. Генри не заметил, как увлекся, пока не поймал ехидный взгляд отца. Ему удалось не сбиться, он продолжал говорить, но на графиню больше не смотрел.

### **Глава 37**

Ирэйна

Мы вернулись с приема в дом Торина, я сразу пошла искать мальчиков. После памятной встречи с горничной Лизи, я попросила Мэри во всех платьях предусмотреть тайный карман для маленького ножа, который нужно скрыть в многочисленных складках платья. К сожалению, не во всех платьях это можно было сделать, поэтому другой нож крепился к внешней стороне ноги на ремешке под коленом в специальных кожаном футляре. Доставать оттуда нож было не так удобно, как из кармана, но вполне осуществимо. Я даже потренировалась немного. За ножи отвечал Артур, за футляры к ним – Вилсон.

- Мальчики, где ножи и футляры к ним? – сходу начала я, потому что времени было в обрез.

- Куда мы собираемся? – деловито спросил меня Артур, доставая ножи.

- Я иду на бал, а вы остаетесь дома. Вам туда, к сожалению, нельзя, - сказала я, рассматривая четыре выложенных ножа.

- Разве на балу опасно? – удивился Вилсон. - Там же будут король и

принц.

- Ну, разумеется, там безопасно, - не стала вдаваться в подробности, - но на всякий случай возьму, они мне не помешают.

Мы уже собрались на бал и сидели в гостиной, настроение было так себе. Я бы с удовольствием пропустила этот мероприятие, но это было невозможно. Леди Глория внимательно смотрела на нас, потом спросила:

- Что случилось на приеме?

Мужчины переглянулись, не решаясь заговорить, поэтому пришлось ответить мне:

- Алена наградили, потом за ужином принц рассказывал о своем путешествии.

- И что же интересного он рассказал? – снова задала вопрос леди Глория.

- Довольно много всего, мне было интересно, потому что я мало что об этом знала. Да и принц оказался необычным рассказчиком, - ответила я, - у него довольно любопытная манера изложения.

- Странно, - задумчиво промолвила тетушка, - до этого путешествия никто не говорил о нем как об интересном собеседнике или рассказчике. Чаще ходили слухи о разных скандалах, в которых он был замешан. Неужели отлучение от дома так повлияли на его характер?

- Говорили, что он болел. Это и послужило причиной его отъезда из страны, - задумчиво проговорил Торин, - и те, кто его знал до этой поездки, утверждают, что принц очень изменился.

- Полагаю, король доволен тем, каким стал Его Высочество, - высказала предположение леди Глория.

- Безусловно, - ответил Торин.

Я решила ничего не рассказывать тетушке об инциденте с королем. В данных обстоятельствах она вряд ли что-то могла изменить, а расстраивать ее не хотелось.

На балу присутствовала не одна сотня человек, меня это порадовало. Я расценила это как возможность подальше находиться от королевской семейки, но оказалось, не все так просто. Места возле трона были закреплены за конкретными фамилиями, и среди них была наша. Мы с тетушкой заняли кресла, Ален с Торином стояли позади нас. Бал открыла королевская семья, король с королевой начали танцевать,

постепенно к ним присоединились остальные пары. В течение вечера я танцевала с Аленом и Торином, точнее им приходилось танцевать со мной, потому что я не хотела быть приглашенной другими кавалерами. Я ловила на себе масляные взгляды короля, это нервировало, приходилось ненавязчиво следить за ним. Как только я замечала его попытки встать, то тут же хватала за руку Алена, и он вел меня танцевать. Король уже с трудом скрывал раздражение, но пусть уж лучше так, чем я не сдержусь и нагрублю ему во время танца, тогда у Алена из-за меня начнутся проблемы.

Вероятно, напряженная слежка за телодвижениями короля меня вымотала, потому что я не сразу заметила, как в нашу сторону направлялся принц. Я бросила на него взгляд в надежде, что он идет приглашать другую даму, но принц смотрел именно на меня, бежать было поздно.

- Вы позволите пригласить Вас на вальс, графиня? – спросил принц.

- С удовольствием, Ваше Высочество, - выдавила из себя и встала.

Заиграла мелодия, отдаленно напоминающая вальс Штрауса, мне стало не по себе, померещится же! Принц положил мне руки на талию, я ему на плечи, стали двигаться, плавно покачиваясь. Расстояние между нами было в рамках приличия, принц не предпринимал никаких попыток к сближению. Я решила посмотреть ему в глаза, мне понравился его взгляд: спокойный, уверенный. Он изучал меня, а я – его. Это было довольно забавно, и я улыбнулась. Он широко улыбнулся в ответ, будто только и ждал сигнала.

- Вы позволите называть Вас по имени? – спросил он.

- Леди Ирэйна, - представилась я.

- Мне понравилось, как Вы за ужином меня слушали, леди Ирэйна, - произнес принц.

- А Вы очень интересно рассказывали, - отметила я.

- Что же именно Вам показалось интересным?

- Мне показалось не совсем обычной манера изложения материала, - честно ответила я.

- Вот как? Поясните, пожалуйста, что Вы имеете в виду? – любопытствовал он.

- На мой взгляд, материал подавался не в виде перечня событий и фактов, а в виде довольно глубокого анализа с указанием причин и следствий. По результатам некоторых событий были сделаны

убедительные, но вместе с тем ненавязчивые выводы. Вы говорили не как простой наблюдатель, а как исследователь или преподаватель.

Принц вздрогнул и остановился, он выглядел изумленным, я растерялась.

- Надо двигаться, - заметила я.

Он послушался, и мы снова стали топтаться.

- Вы меня поражаете, леди Ирэйна, - заявил принц.

- А Вы меня пугаете, Ваше Высочество, - отфутолила я.

- Простите, - улыбнулся он, - знаете, я бы хотел поговорить с Вами.

- А сейчас мы чем по-Вашему занимаемся? – выдала я.

Он засмеялся, музыка кончилась, принц с улыбкой довел меня до места:

- Благодарю. Вы доставили мне огромное удовольствие, леди Ирэйна.

- Не стоит преувеличивать, Ваше Высочество, - проронила я.

- Не следует так отвечать принцам, - не разжимая губ, прошептала мне леди Глория.

- Тетушка, я устала, может быть, поедem домой? – жалостливо спросила я.

- Еще не время, - отрезала она.

- Ален, мы можем пройтись? – обратилась к мужу.

- Конечно, - муж подал мне руку.

- Тебе понравился принц? – спросил Ален.

- Могу, конечно, ошибиться, но, по-моему, он - неплохой человек, - осторожно ответила я, - во всяком случае, никаких неприличных взглядов и намеков с его стороны не заметила.

- А почему вы остановились во время танца? – продолжал спрашивать Ален.

- Это принц остановился, - уточнила я, - сама не поняла, почему он это сделал. Принц спросил, чем мне был интересен его рассказ на приеме, я ответила, вот и все.

Мы уже подходили к выходу из зала, когда к мужу подошел пожилой мужчина:

- Граф, могу я с Вами переговорить наедине?

Ален посмотрел на меня вопросительно, я кивнула и встала у колонны недалеко от выхода. Муж находился у стены и разговаривал с мужчиной, иногда бросая на меня быстрый взгляд, желая убедиться, что

я на месте. Неожиданно меня обхватили за талию и утянули за колонну. Я с недоумением взглянула на молодого мужчину щуплого телосложения с длинными вьющимися волосами.

- Ирэйна, я так скучал, - с придыханием промолвил он и потянулся к моим губам. На его белой коже явственно проступали несколько неаккуратно замазанных прыщей. Я отвернула лицо и оттолкнула его. Он удивленно смотрел на меня, а я с не меньшим изумлением уставилась на него. Опомнившись, схватил меня за руку, надавил рукой на панель в стене, расположенной прямо за колонной и буквально втолкнул в небольшую комнату. Как раз напротив панели, через которую мы проникли, находилась дверь.

- Почему Вы не приехали? – высокопарно воскликнул он, больше не пытаясь до меня дотронуться. - Я ждал Вас!

- Зачем? – спросила я, до меня начало доходить, кто этот тип, но я боялась ошибиться в своих подозрениях.

- Мы договорились бежать! – обескураженно проговорил он.

- Вы утверждаете, что я, графиня собиралась бежать с Вами, виконтом?

- Да, я могу доказать. Вот Ваше письмо! – он вытащил из кармана камзола бумагу.

Я вырвала ее из его руки.

- Неужели Вы думали, что я променяю своего мужа-красавца на Вас, субтильную прыщеватую особь мужского пола? – с брезгливой насмешкой спросила я.

Виконт завис от моих слов.

- Что за самонадеянность? Вы в зеркало давно на себя смотрели? – продолжала его провоцировать.

- Ну, знаете ли, Вы тоже не из красавиц. Я никогда особо Вас и не хотел, - прокололся Плеринг.

- А вот с этого места поподробнее, пожалуйста, - вежливо попросила я.

- Я ничего не собираюсь обсуждать с Вами, - гордо тряхнув кудрями, процедил виконт и собрался уйти, но не успел.

Я уже достала из потайного кармашка пригодившийся ножик Артура и взяла его в правую руку, а левой ухватила этого хлыща за гульфик и не только, вообще, на что наткнулась, за то и ухватила.

- Что Вы делаете? – возмущенно воскликнул Плеринг, выпучив на

меня глаза и уцепившись за мою левую руку.

- Я держу твое хозяйство, а возле него – нож, - я легонько, но как оказалось чувствительно, ткнула им куда-то рядом со своей рукой. Поскольку все это время я смотрела в лицо виконту, руками приходилось действовать наугад, то есть наощупь.

- Ой, - взвизгнул виконт и дернулся.

- Отцепи от меня свою руку и не шевелись! Еще раз дернешься или закричишь – свое хозяйство будешь подбирать с пола, - прошипела я тихо, но грозно. Все-таки сказало влияние просмотренных многочасовых сериалов про «братков» и «ментов».

Плеринг медленно отцепил свою руку и, стоя с открытым ртом и почти не дыша, испуганно смотрел на меня.

- Ты честно отвечаешь на мои вопросы, и я тебя отпускаю целым и невредимым, будешь врать – останешься..., - не стала договаривать я, - ну, надеюсь, ты понял?

Плеринг не ответил.

- Кто попросил тебя устроить мой побег?

Виконт по-прежнему тупо смотрел на меня и не реагировал, застыв соляным столбом. Кажется, он был в шоке. Почему-то не к месту вспомнилось: «Шок – это по-нашему». Я опять тихонечко ткнула его ножом. А что оставалось делать? Как говорится: подобное лечится подобным. Помогло.

- Ой, - снова вякнул Плеринг. Я повторила вопрос.

- Леди Элина Терваль, - проблеял он.

- Что обещала взамен?

- Деньги, - предсказуемо ответил виконт.

- Неужели? И какую же сумму аванса ты получил?

Виконт сначала непонимающе моргал глазами, а потом обиженно поджал губы.

- То есть денег ты не получил, а в качестве аванса...дай-ка угадаю - она переспала с тобой? – продолжала я спрашивать.

- Да, - покраснев, признался Плеринг.

- Что ж так продешевил-то? – не удержалась я. - Ты всерьез рассчитывал, что она тебе заплатит?

До него, видимо, что-то стало доходить, потому что не только лицо, но и шея покраснела от злости.

- Что было бы со мной, если бы побег состоялся? – продолжала я

спрашивать.

Виконт, сжав губы, молчал: то ли переваривал, как облажался с Элиной, то ли расхрабрился не по делу. Теперь разозлилась я и усилила давление на гульфик. Он опять вскрикнул и быстро начал говорить, всхлипывая при этом. На этот раз даже нож не пригодился.

- Я же обещал, что вместе уплывем на корабле в другую страну. Мы бы прошли с вещами в каюту, а перед отплытием я должен был отлучиться под благовидным предлогом и сойти на берег, а Вы бы остались, - под конец его едва было слышно. Понимал, гаденыш, на что меня обрекал!

- Кто придумал план?

- Леди Элина.

Кто бы сомневался!

- Зачем ей нужно было, чтобы я исчезла?

- Она говорила, что хочет наказать графа Монсервиля.

Наказать, значит? Хотя, по большому счету она не обманывала, потому что, если бы вышла за Алена, то, действительно, была бы наказанием для него.

Мое хладнокровие стало растворяться, его заменяли обида попеременно со злостью. Наверное, поэтому я нож приставила к шее виконта и сжала левую руку. Плеринг, косясь на нож, не произнес ни звука, только вытянулся.

- Вы. Хотели. Погубить. Мою. Жизнь, - медленно произнесла я. - Не встречайтесь больше на моем пути, виконт. Второго шанса я Вам не дам. Надеюсь, Вы поняли, что мне даже нанимать никого не надо, чтобы искалечить Вашу жизнь.

Виконт бочком, поглядывая то на меня, то на нож попятился к панели. Я следила за ним, он нажал на небольшую выпуклость на стене и просочился в образовавшуюся щель. На меня вдруг навалилась усталость. Я медленно наклонилась, чтобы взять с пола письмо, а когда подняла глаза, то увидела перед собой мужа. Алена протянул ко мне руки, и я попросту обессиленно привалилась к нему. Он осторожно вытащил из моих рук нож и бумагу и убрал в свой карман.

- Я вошел сюда через другую панель, здесь их несколько, - ответил он на мой незадаанный вопрос.

- Все слышал? – спросила его.

- Почти все. Я был не до конца с тобой откровенен, кое-что знал о



виконте, но ничего не рассказал тебе, не хотел огорчать. Прости меня, - проговорил он, успокаивающе поглаживая мою спину.

- Мы можем уже уехать отсюда? – поинтересовалась я.

- Конечно, - улыбнулся Ален, - но сначала найдем тетушку.

### **Глава 38**

Ирэйна

Я свернулась калачиком в своей постели и ждала Алена. Лежа под одеялом, я не могла согреться, Ален вошел и лег рядом. Положив мою голову себе на грудь, он крепко обнял меня.

- Я знал про побег и про Плеринга, но самого его не мог вспомнить, пока сегодня Торин не показал мне, - начал говорить Ален. – Ты ничего не помнила, поэтому я не хотел вмешивать тебя, боялся, что когда буду говорить о виконте, ты воспримешь это как обвинение, и обидишься на меня. Не хочу больше ранить тебя.

- Понимаю, - тихо сказала я.

- Мы с Торинком подозревали, что к побегу может быть причастна Элина, - немного помолчав, Ален решительно заговорил: - Десять лет назад у нас с ней была короткая интрижка, она стала вести себя вызывающе, демонстрировала нашу связь, хотя тогда еще была замужем. Я прервал наши отношения, и забыл о ней. Потом неоднократно она делала попытки возобновить их, но я не обращал внимания до того момента, пока не узнал о побеге.

Ален замолчал, тело его было напряжено. Я легонько потерлась щекой о его грудь:

- Продолжение мне известно.

Он облегченно выдохнул и проговорил:

- Сейчас Торин приглядывает за ней. После твоего допроса, то есть разговора с виконтом, подозрения о ее причастности подтвердились.

Я хихикнула на оговорку мужа. Он нежно поцеловал меня куда-то в висок и спросил:

- Есть хоть что-то, с чем ты не можешь справиться?

- Если начну перечислять, то до утра не управлюсь, - засмеялась я.

- Ирочка, милая, я прошу тебя быть осторожной, - в голосе Алена слышалась тревога. - Я не могу напрямую поговорить с Элиной, иначе дело получит огласку. После того, что услышали от виконта, мне кажется, она может задумать еще какую-нибудь гадость.

- Хорошо, - проронила я, засыпая.

Ален

Ален лежал и слушал ровное дыхание уснувшей жены. Этой ночью они впервые не занялись любовью с тех пор, как помирились. Но ощущение невероятного блаженства, которое охватывало его каждый раз в моменты страсти, и сейчас не покидало. Он четко помнил страх, который испытал, когда не увидел жену у колонны. Но этот страх не помешал ему вспомнить о комнате, добежать до другой панели, чтобы не наткнуться на того, кто похитил жену, и тихо проникнуть в помещение. «Неужели Вы думали, что я променяю своего мужа-красавца на Вас, субтильную прыщеватую особь мужского пола?» - донесся до него насмешливый голос жены, и он встал, как вкопанный. То, что услышал далее, его повергло в шок. Он немного очухался, когда различил писклявые взвизгивания виконта. Ален осторожно выглянул из-за скульптуры, стоявшей на тумбе и прикрывающей панель, через которую он вошел в комнату. Он увидел вытянувшегося Плеринга, который прижал свои руки к груди и испуганно косился на его жену. Ирэйна смотрела на виконта снизу вверх, обе ее руки находились в районе его паха. Картина была настолько невероятной, что Ален, засмотревшись и заслушавшись, не мог оторвать глаз. Пока наблюдал, с какой ловкостью и изобретательностью его жене удалось все вывести у Плеринга за столь незначительный промежуток времени, он смог испытать целый калейдоскоп чувств, начиная от восторга и восхищения и заканчивая уважением и гордостью за жену. Он без обиды признался себе, что не смог бы сделать это быстрее и лучше Ирэйны. И только, когда она почти рухнула ему на грудь, понял, чего ей это стоило.

Прежде чем прийти к жене, Ален, предполагая, какая угроза может исходить от Элины, поручил Ренке установить слежку за ней, сообщать ему обо всех мужчинах, с которыми общалась графиня. По полученным сведениям ему будет легче определить, кто может представлять опасность для Ирэйны. Он также поручил выследить виконта Плеринга, чтобы завтра получить его письменные показания о попытке побега.

Уже готовясь ко сну, Генри не переставал думать о прошедшем бале. Он признался себе в том, что Ирэйна сумела привлечь его внимание своим необычным поведением еще на приеме. Ее внешность будила в нем мужские желания, но он гасил в себе зов плоти. Она была замужем и, кажется, привязана к мужу. Ему неприятно было наблюдать

за попытками отца потанцевать с леди Ирэйной. Ей удавалось избегать этого, но долго так продолжаться не могло. Генри решил вмешаться, пригласив Ирэйну на танец, тем самым он давал понять отцу, что его поползновения теперь неуместны. Ирэйна сначала настороженно отнеслась к нему, но, увидев, что он просто хочет поговорить, расслабилась, даже улыбнулась. Разговор с графиней во время танца ошеломил и озадачил его, она искренне отвечала на его вопросы. Ирэйна сказала, что на нее произвела впечатление его манера изъясняться, но и ее ответы нельзя было назвать ординарными. Ему необходимо было проверить одну догадку. Чем больше он думал об этом, тем больше волновался, он понимал, что, если его предположение неверно, то рухнет надежда, которая зародилась в нем с момента встречи с этой женщиной. Принц с нетерпением ждал завтрашнего бала.

Ирэйна

Открытие этого бала ничем не отличалось от предыдущего. Я танцевала с Аленом, король косился в мою сторону, но попыток пригласить меня на танец не делал. А вот принц слишком пристально наблюдал за мной и, выждав некоторое время, пригласил снова на местный вальс.

- Рад снова видеть Вас, леди Ирэйна, - улыбнулся принц.

- Взаимно, Ваше Высочество, - ответила я.

- Надеюсь, Вы не в обиде, что я пригласил Вас на танец? – спросил он.

- Ответьте мне, пожалуйста, Ваше Высочество, если бы Вы вчера этого не сделали, это бы сделал Ваш отец? – я решила уточнить правильность моих догадок.

- Да, пока он думает, что я имею виды на Вас, то оставит Вас в покое, если, конечно, Вы сами не передумаете, - честно ответил принц.

- А Вы имеете на меня виды? – начиная раздражаться, спросила я.

- Я просто хочу поговорить с Вами, мне надо кое-что выяснить.

- Для Вас, может быть, это и просто. Но вместе с королем все будут считать, что Вы имеете на меня виды, а значит, я изменяю мужу. Меня это не устраивает, – я уже злилась.

- Во избежание ненужных домыслов я вчера танцевал с несколькими замужними дамами, а также, рискуя своей свободой, с незамужними девицами. Сегодня, кстати, поступлю также, - насмешливо произнес принц, а потом серьезно добавил: - А отцу лучше

думать, что я имею на Вас виды.

- То есть получается, что Вы меня спасли, и я должна благодарить Вас?

- Необязательно, - улыбнулся он, о чем-то думая.

- О чем же Вы хотели поговорить? – спросила, заметив, что принц немного волнуется.

- Где вы получили образование? – вопрос был настолько неожиданным, что я растерялась и задумалась

- Почему Вы молчите? – нетерпеливо спросил Генри.

- Довольно странный вопрос, - тянула я время, не решаясь сказать правду. - А почему, собственно, Вас это интересует?

- Прошу Вас, леди Ирэйна, не уходите от ответа, - не на шутку встревожился он, - для меня это очень важно.

Я опять задумалась, по сути, принц прикрыл меня собой от своего похотливого папеньки и ничего не требует взамен, кроме ответа на неудобный для меня вопрос, но он-то не может знать, что вопрос неудобный. Решила рискнуть и сказать правду:

- Я не помню, где получила образование, на прогулке упала с лошади и ударилась головой, потеряла сознание. Пришла в себя почти через три дня и, оказалось, что я не помню ничего, из того, что было раньше.

Я ожидала чего угодно, только не радостной улыбки на лице своего партнера по танцам.

- А Вам знаком термин «перерождение»? – продолжая жизнерадостно улыбаться, спросил он.

- Нет, а что он означает?

- По теории местных лекарей, происходит не просто потеря памяти, в том же теле появляется как бы другой человек, со своим характером, с новыми привычками, отсюда и такое название термина.

- В теле появляется другой человек, - медленно повторила я, - а куда девается старый?

- По-моему, этим вопросом не задаются, а может, считают, что человек тот же, просто очень изменился, как будто родился заново.

- Вы полагаете, это произошло со мной? – осторожно спросила я.

- Возможно, во всяком случае, они уверены, что именно это произошло со мной, - произнес с усмешкой принц, напряженно наблюдая за моей реакцией.

- Мне рассказали, что я затеял очередной скандал, полез драться, но поскользнулся и, падая, ударился затылком о край стола, - продолжал говорить принц, - потерял сознание. Очнувшись через три дня, я ничего не помнил из прошлого. А мое поведение, как оказалось, кардинальным образом отличалось от прежнего.

Генри больше ничего не говорил, давая мне возможность осмыслить услышанное.

Неужели он хочет сказать, что он тоже, как и я с Земли? Что тоже вселился в чужое тело? Я молчала, боясь обмануться. И вдруг услышала на родном языке:

- Я русский, а ты?

- Я тоже, - не сразу, а, только проглотив вставший вдруг поперек горла комок, ответила ему.

- Танец закончился, я должен проводить Вас, - произнес он уже на местном языке, глядя на меня смеющимися глазами, - надеюсь, нам теперь будет о чем поговорить?

- Конечно.

Не скрывая радостных улыбок, мы подошли к креслу, принц, как обычно, поблагодарил и ушел. Я не сразу заметила хмурое лицо мужа, но, увидев, что он не перестает сердиться, подошла и тихонько спросила:

- Ты знаешь, что такое перерождение?

От удивления брови мужа приподнялись, и он быстро спросил:

- Но откуда ты знаешь?

Я не ответила, просто смотрела на него. Он бросил быстрый взгляд в сторону принца, а потом на меня и, догадавшись, спросил:

- Почему он тебе рассказал?

- А почему ты мне не рассказал?

- О перерождении рассказал Бернет, но он и сам об этом толком не знал, что-то слышал от королевских лекарей. После потери памяти появляется другой человек, будто рождаясь в том же теле, - смущенно говорил Алэн, - а ты спросила Торина о разводе, и я испугался, что с этим перерождением придумаешь, как со мной развестись. Я не мог допустить этого.

Он был так трогателен, что я не могла на него сердиться.

- Мне тоже кое-что надо рассказать о себе, - призналась я.

- Что бы ты ни рассказала, помни, что это ничего не изменит, ты -

моя жена, - взволнованно произнес Ален, сжимая мои ладони.

- Я помню, милый, - пытаюсь успокоить его, сказала ему на ушко, едва коснувшись губами щеки.

Этой ночью Ален был особенно неистовым. Он безудержно целовал меня, будто клеймил, все время исступленно повторяя: «Ты – моя жена». Потом я лежала на его груди, он нежно перебирал мои волосы, мы молчали. Долго не решалась заговорить, а муж не торопил меня. Я знала, что он не обидится, если ничего не буду рассказывать, но чувствовала, что эта недосказанность всегда будет стоять между нами и, в конце концов, может разрушить наше доверие, а мне меньше всего этого хотелось.

Я села и повернулась к мужу, мне нужно было видеть его лицо, когда буду рассказывать о себе. Он тоже сел, взял мою руку и приготовился слушать.

- Ален, меня зовут Ирина Зорина, мне тридцать лет, планета на которой я жила называется Земля. О вашем мире там ничего неизвестно. Я переходила через дорогу, меня сбила машина, и я потеряла сознание. Машина - это что-то типа экипажа или повозки, только ездят сами, без лошади, и на очень большой скорости, - пояснила, видя непонимающий взгляд мужа. - А очнулась уже здесь в чужом теле. Я не знаю, как это произошло и почему. Мне пришлось сказать, что потеряла память, потому что я ничего не знала ни об этом мире, ни о женщине, в теле которой оказалась, а сказать о себе правду не рискнула. Вряд ли бы мне поверили, легче обвинить в потере не только памяти, но и разума. Ваш язык я понимала с самого начала, потом выяснилось, что и читать могу. Пришлось учиться жить в новом мире.

Я замолчала. К концу моего монолога Ален выглядел озадаченным.

- Но ребенок? Он же тебе чужой! – недоумевающе спросил он.

- Ажан практически спас меня, - улыбнулась я. - Там, в той жизни я очень хотела ребенка, но незадолго до того, как меня сбила машина, я потеряла его.

Муж смотрел на меня недоуменно, не решаясь задать вопрос.

- Не сумела выносить, - пояснила я.

Отметила про себя, что вспоминать об этом мне было уже легче.

- Ажана я полюбила с первого мгновенья, как увидела. Жизнь обрела для меня смысл, и уже не было страшно в незнакомом месте среди чужих людей.

- У тебя был муж там? – спросил Ален, на лице которого промелькнула...неужели ревность?

- Нет, - улыбнулась я и поймала облегченную улыбку мужа.

Вдруг лицо его потемнело, он схватил меня за плечи и неожиданно выпалил:

- Ты ведь не вернешься туда?

- Вряд ли, - растерянно ответила ему, - да сейчас я и не хочу этого.

Ален облегченно вздохнул, но не отпустил меня. Ослабив хватку, он нежно прижал к себе, мы улеглись в кровать.

- Кажется, я все тебе рассказала, - произнесла я, уютно устроившись в объятиях мужа.

- А принц? Он тоже оттуда? – напомнил он.

- Совсем забыла про него, - засмеялась я, - да, мы даже из одной страны, но больше ничего не успела узнать.

Ален задумался, видимо, переваривая информацию.

- Муж мой, - шутя проговорила я, целуя его в уголок рта, - я все о себе рассказала, есть что-нибудь еще, о чем ты мне не сказал?

- Я еще не говорил, что люблю тебя, - серьезно ответил Ален, глядя мне в глаза.

Я замерла, горячая волна нежности захлестнула меня, муж почувствовал это, потянулся ко мне и мы слились с ним в страстном поцелуе.

С Генри я больше не танцевала, на следующий день нас с Аленом провели в апартаменты принца, мы ждали его в большой комнате с роскошным убранством. Он вошел и, увидев нас, приветливо улыбнулся:

- Спасибо, что согласились прийти, - сказал Генри, глядя на Алена, а потом перевел взгляд на меня: - Леди Ирэйна, я бы хотел поговорить с Вами наедине.

Увидев, как напрягся Ален, я быстро ответила:

- Нет, у меня нет секретов от мужа.

Было заметно, что Генри был обескуражен моим ответом. Он на мгновение задумался, а потом сказал тоном, не допускающим возражений:

- Хорошо, но мы будем говорить на русском языке.

Принц молча указал Алену на кресло и, предложив мне руку,

провел к дивану, расположенному в удалении от места, где остался муж. Мы сели на диван, я ободряюще улыбнулась Алену, а затем посмотрела на принца.

- Меня зовут Геннадий, я был учителем истории в школе, полез доставать со шкафа какую-то вещь, упал, да вдобавок мне на голову свалилось что-то тяжелое. Потерял сознание, очнулся здесь принцем. Все решили, что я потерял память, а некоторые – что сошел с ума, - Генри помолчал, вспоминая, - не знаю, что стало бы со мною, если бы не король. Он заявил, что его единственный наследник не может сойти с ума, а просто болен, лекарей, которые будут утверждать обратное, он обещал казнить. Вот тогда и возник термин «перерождение», точнее диагноз моего заболевания. Я стал изучать мир, в который попал: практически не вылезал из библиотеки, внимательно слушал рассказы короля и его подданных, даже увлекся государственными делами. Мое поведение резко отличалось от поведения настоящего принца, что несколько не огорчало, а, напротив, радовало короля, да и, по мнению лекарей, каким-то непостижимым для меня образом подтверждало диагноз, поставленный ими. Но через два месяца, после того, как я очнулся здесь, король отправил меня в трехлетнее путешествие, чтобы по возвращении никого больше не удивляли произошедшие во мне перемены, ведь за такой длительный срок человек может измениться, да и воспоминания о прежнем принце поблекнут.

Генри замолчал, я обдумывала полученную информацию.

- Теперь ты расскажешь о себе? - легко перейдя на «ты», спросил он.

- Конечно, только сначала кое-что хочу уточнить, если ты не возражаешь, - сказала я и, увидев в ответ кивок, спросила: - Сколько тебе было лет, когда ты попал сюда?

- Тридцать.

- Ты был женат.

- Нет.

- А о чем ты мечтал?

- ?

- Ну, твое заветное желание, - поспешила я объяснить, - ты же историк, может, мечтал или размышлял о чем-то глобальном?

- Было такое, - смущенно ответил Генри, - я часто думал о преобразованиях в стране, которые осуществил, если бы правил, да и



вообще о переустройстве мира. А почему ты спрашиваешь?

- Я расскажу о себе, и мне будет интересно, увидишь ли ты..., - я замялась, подбирая слово, наиболее точно отражающее произошедшее с нами, - неслучайность нашего попадания сюда.

И я рассказала свою историю, потом ждала, пока Генри все обдумает.

- А о чем ты мечтала? – наконец спросил он меня.

- Последние годы я мечтала о семье, особенно, о ребенке.

- Мне как раз пора жениться, - заявил, будто сделал предложение, Генри.

- Надеюсь, ты не строишь в отношении меня матримониальных планов? – с усмешкой спросила его.

- А можно? – очень серьезно проговорил он.

- Даже не думай, - улыбаясь, ответила я. – У меня уже есть семья.

Генри не поддержал мой шутливый тон, он пристально всматривался в меня. Тогда я серьезно добавила:

- Я понимаю, что тебе было бы удобно и спокойно со мной, но даже там я не собиралась создавать семью только из соображений целесообразности и выгоды. Здесь мне посчастливилось, мы с мужем любим друг друга, как бы банально это сейчас ни звучало. И ты будешь считаться с этим, твое высочество!

- Понял, - с грустной усмешкой сказал Генри, - вот умеешь ты убеждать! Так что же теперь нам не встретиться и не поговорить?

- Даже не думай! – изрекла я. - Только обрела землянина, то есть земляка, короче, родного человека и снова потерять его? Ни за что!

- Тогда по рукам? – искренне улыбнулся Генри и протянул мне ладонь.

Я ее крепко пожала. Мы подошли к Алену, который все это время напряженно следил за нами. Я успокаивающе чмокнула мужа в щеку и сказала:

- Ален, это мой друг Генри. Я очень надеюсь, что вы тоже станете друзьями.

Генри протянул руку Алену, тот удивленно посмотрел сначала на руку, потом на Генри и, наконец, на меня. Увидев мою одобрительную улыбку, он протянул свою, и они сжали их в рукопожатии.

Мы с принцем договорились называть друг друга по именам этого мира, чтобы случайно не проговориться и уже почти попрощались,

когда я захотела кое-что уточнить.

- Генри, тебя не кажется странным местный танец вальс?

- Считается, что я его придумал, - смущенно улыбнулся принц, - долго учил здешние танцы, да и, если честно, раздражали они меня, вот и придумал новый.

- Почему название такое несоответствующее нашему вальсу?

- Так я никогда и раньше не умел кружиться, то есть правильно танцевать его, вот и изобразил свой еще школьный вариант, - совсем стусевался Генри, - да и со слухом у меня не очень.

- Это я поняла, когда услышала музыку, отдаленно напоминающую вальс Штрауса, - засмеялась я.

- Ну, если ты все поняла, то теперь не отвертись, будешь исправлять мои ошибки, - заявил с улыбкой Генри.

### **Глава 39**

Ирэйна

Тетушка разрешила нам пропустить несколько балов, в освободившиеся дни мы с детьми осмотрели столицу, побывали на ярмарке, где на открытой площадке выступали гимнасты и акробаты. Мы с Мэри и Гертой обошли множество магазинов, выбирая новые ткани и накупив кучу необходимых безделушек.

В один из таких дней Алэн попросил меня прийти в кабинет вместе с Вилсоном, там был пожилой мужчина.

- Это господин Трокт, художник, - познакомил он нас с гостем.

Алэн представил меня, затем подошел к стоящему возле кресла, в котором я сидела, Вилсону, положил руку ему на плечо и сказал, обращаясь к Трокту:

- А это, на мой взгляд, очень талантливый молодой человек. Я хочу, чтобы Вы, господин Трокт, позанимались с ним живописью, пока мы находимся в столице. Присмотритесь к мальчику, нам будет интересно услышать Ваше мнение о его способностях. И помните, пожалуйста, это очень близкий мне человек.

Художник внимательно посмотрел на Алэна, потом на Вилсона и, поклонившись, сказал:

- Мне будет интересно позаниматься с Вилсоном и, если Вы не возражаете, мы приступим завтра и начнем с пейзажей.

Попрощавшись, художник ушел, а Вилсон, покрасневший от слов Алэна, не решался поднять на нас свой взгляд.

Ален встал прямо перед мальчиком и произнес:

- Посмотри на меня, Вилсон, - тот выполнил просьбу, - я сказал ему правду.

Мальчик не мог произнести ни слова, только смотрел на моего мужа блестящими от слез глазами.

- Тебе понравился художник? – спросил меня Ален.

- Мне он показался умным человеком, - ответила я и обратилась уже к ребенку: - Вилсон, если он будет неуважительно к тебе относиться, обязательно скажи, потому что это недопустимо.

Вилсон мог только кивнуть. Я подошла, потрепала его по голове и чмокнула в лоб. Посмотрела на Алена и благодарно улыбнулась ему: я очень гордилась своим мужем.

В один из этих свободных от балов дней, мы гуляли с тетушкой по парку, окружающему дом. Я медленно катила коляску, в которой сидел Ажан и вертел головой в разные стороны, пытаясь дотянуться то до растущих вдоль аллей цветов, то до порхающих бабочек, то до пролетающих в небе птиц. Тетушка шла рядом, также как и я, любуясь малышом. Вдруг она сказала:

- Знаете, Ира, я все время вспоминаю первый бал, и поведение Его Величества. Осуждать поступки короля не то, что не допустимо, а карается законом, но я все-таки скажу, что то, как он вел себя по отношению к Вам и Алену просто возмутительно. Я очень давно не была при дворе, но хорошо помню, что раньше Его Величество не позволял себе ничего подобного.

Я молчала, не зная, как можно успокоить тетушку, и тут она выдала, почти как в «Гамлете»:

- Да, неладно что-то в нашем королевстве.

Я закашлялась, чтобы не рассмеяться, и, когда она вопросительно взглянула на меня, я как можно более серьезно подтвердила:

- Совершенно с Вами согласна, какая-то в Картаре нашем гниль.

Я не стала просить у Алена вернуть нож, который он забрал после моей встречи с виконтом, просто взяла у Артура запасной.

- Леди Ира, Вы потеряли нож? – спросил меня Артур.

- Нет, его взял Ален, но я ему не сказала, откуда он у меня, - ответила я.

- А тот нож Вам пригодился? – не унимался мальчишка.

- Да, Артур, пригодился, и скажу тебе по секрету, что я

использовала его не в качестве защиты, - сообщила я ему заговорщически.

- Неужели Вы на кого-то напали? – шепотом с ноткой восхищения в голосе допытывался он.

- Не совсем, но это ближе к истине. Извини, больше сказать не могу, - свернула я разговор.

На бал я шла с двумя ножами: в кармане платья и у колена. И не потому, что сомневалась в том, что Алэн сумеет защитить меня, а просто привычка надеяться только на себя никуда не исчезла.

В этот раз король с королевой отсутствовали. У меня сразу поднялось настроение, я даже стала получать удовольствие от танцев. Меня приглашали незнакомые мужчины, я косилась на тетушку, та незаметным кивком давала «добро» на танец. Если по каким-то причинам мужчина ей не нравился, она начинала заговаривать с ним, не давая тому возможности произнести слова приглашения. Во время танца я обменивалась с партнерами дежурными фразами, типа: как Вам столица, какие приемы Вы посещали, и о потенциальных знакомых.

На вальс меня пригласил высокий молодой мужчина довольно крепкого телосложения, представившийся графом Марвитом, я неохотно пошла после разрешительного кивка тетушки. Надо признать, он был красив, синеглазый брюнет с забранными в хвост длинными волосами. Он отличался от остальных: не был вальяжным, как большинство присутствующих. Его движения мне показались выверенными и четкими, как у Алэна. Он старался произвести на меня впечатление, бросая восхищенные взгляды, его улыбку вполне можно было отнести к обаятельным. Вот только она никак не гармонировала с быстрым внимательным взглядом, будто фиксирующим обстановку, когда он смотрел поверх моей головы.

- Графиня, ходят слухи, будто Вы сумели покорить сердце, как короля, так и принца, - улыбаясь во все тридцать два зуба, проговорил он.

Любопытно, это он мне комплимент делает или обвинение предъявляет?

- Уверена, Вы меня с кем-то путаете, - холодно произнесла я.

- Это исключено, - отрезал он с той же улыбкой.

- В Вашем вопросе мне слышались нотки зависти, но если Вы, граф, сами решили покорить их сердца, то неправильный наряд для

этого выбрали.

Граф засмеялся, причем он не притворялся, а старался сдержать смех, чтобы не привлечь к нам внимание.

- И потом Вам не пристало пользоваться слухами. Вы ведь военный? – припечатала я.

Смех оборвался, сразу почувствовала, как его руки сильнее сжали мою талию. Он легко и грациозно лавировал между танцующими парами, все дальше уводя меня от тетушки.

- Угадали, я – действительно военный, а Вы, как мне и говорили, остры на язык, - продолжал улыбаться граф, как-то странно всматриваясь в меня. В его взгляде были то ли симпатия, то ли удивление.

- И кто же Вам сообщил об особенностях моего языка? – не теряла я бдительности.

- Торин, мой друг, - продолжая улыбаться, ответил Марвит, - он ведь и Ваш друг, не так ли?

- Да, - осторожно ответила я.

Граф посмотрел поверх моей головы, улыбнулся и сказал:

- Да вот же он, - и помахал при этом рукой.

Непроизвольно оглянувшись, я почувствовала, как граф развернулся и буквально понес меня, потому что пола я едва касалась кончиками туфель. Еще искала взглядом Торина, когда мы резко свернули за колонну, и меня внесли в комнату через уже приоткрытую панель. Опять на те же грабли! Я набрала в грудь воздуха, чтобы закричать, но граф успел мне зажать рот одной рукой, а другой обхватил меня так, что обе руки были прижаты к моему телу, а оно, в свою очередь, к телу графа. Я ударила его коленом, он зашипел, но не остановился, нырнув в другую комнату. «Ноги свяжи», - тихо скомандовал он кому-то, поставив меня на пол. Мои лодыжки моментально стянули веревкой.

- Графиня, не пытайтесь сопротивляться и с Вами ничего не случится, - сказал граф, глядя на меня сверху вниз и по-прежнему зажимая мне рот своей рукой.

От обиды я зубами вцепилась в его ладонь. Граф поморщился, но сразу руку не отдернул. Секундой позже он убрал ее, чтобы тут же засунуть в мой рот протянутую ему кем-то тряпицу. Обхватив меня уже двумя руками, он спускался по плохо освещенной лестнице, потом

опять бежал по длинному коридору, время от времени куда-то сворачивая. Я отчаянно извивалась, пытаюсь достать нож из кармана, но пока не получалось.

- Графиня, чего Вы добиваетесь, продолжая так настойчиво тереться об меня? - услышала у самого уха даже не запыхавшийся голос похитителя.

Я возмущенно уставилась на него, он мельком взглянул на меня, видимо, с кляпом во рту я представляла собой жалкое зрелище, потому что он не мог сдержать усмешки. Стало так обидно! Я вспомнила, как в фильмах, когда дрались, один бил своим лбом другого по носу, и тот хватался за разбитый нос, а первому – хоть бы хны. Решила ударить, примерилась и ударила. Но вот то ли он неудачно для меня повернул голову, то ли я ошиблась в расчетах, а только получилось не совсем так, как задумывалось. Вместо: заехать моим лбом ему по носу, получилось удариться моим виском о его подбородок. Но об этом я узнала не сразу.

#### **Глава 40**

Ирэйна

Я проснулась и, не успев открыть глаза, почувствовала головную боль в области виска. Твою ж дивизию! Опять двадцать пять! И во что, интересно, на этот раз вляпалась? Глупый вопрос, ведь понятно, что не в мед. Я вспомнила свою безмозглую попытку нанести урон врагу и мысленно выматерила себя. Решив для начала осмотреться, осторожно приподняла веки и наткнулась на взгляд синих глаз своего похитителя, в котором беспокойство граничило с паникой.

- Леди Ирэйна! Наконец-то, Вы очнулись! – не скрывая облегченного вздоха, заговорил граф взволнованным голосом, сжимая лежащую поверх покрывала мою руку, которую видимо до этого держал в своей. – Мне жаль, что так случилось. Я не хотел этого, поверьте!

- Да хоть обрыдайтесь – не поверю, - ответила ему, - еще скажите, что я сама спровоцировала это похищение.

- Я имел в виду вашу голову, - смущенно улыбаясь, уточнил он, виновато поглядывая на мое лицо чуть выше глаза.

- А что не так с моей головой? - забеспокоилась я и попыталась дотронуться до места ушиба, куда он как раз смотрел. Наткнувшись на шишку, вскрикнула от боли.

- Не надо трогать, Вы делаете себе больно, - сочувственно проговорил граф, захватывая мою вторую руку, чтобы отвести ее от

лица.

- Не буду, руки отпустите, - потребовала я и, когда он выполнил мою просьбу, положила их поверх покрывала. Я приподнялась, чтобы лучше рассмотреть лицо графа на предмет полученного им от меня урона, но, сморщившись от неприятных ощущений, опустилась на подушку.

- Хотелось бы поближе рассмотреть Ваше лицо, Вы не против? – вежливо обратилась к нему.

Он застыл, глядя на меня удивленно и недоверчиво.

- Вы напрасно волнуетесь, - успокаивала я его, - я не собираюсь Вас больше бить.

Он дернулся от моих слов, а потом, не отводя от меня глаз, медленно приблизил лицо.

- Благодарю, - сказала я и стала старательно выискивать следы от моего удара, но ничего не обнаружила. Странно, моя шишка свидетельствовала о том, промахнуться я не могла.

- Чем это Вы меня? – решила разобраться с этим вопросом окончательно.

Он молча потер свою челюсть, видимо в месте удара, в его взгляде читалось раскаяние. Я еще раз тщательно осмотрела предполагаемое место столкновения, но никаких внешних повреждений не обнаружила. Потрогав рукой его челюсть, даже какой-либо малюсенькой припухлости не нашла, только твердая кость.

- Вы меня этим могли запросто убить, - сообщила я, не скрывая осуждения и одновременно ощупывая его подбородок.

Не услышав ответ, взглянула на графа, он неотрывно смотрел на меня, и в его глазах бушевал огонь.

- Достаточно, можете отодвинуться, - растерянно промямила я.

Граф не шелохнулся. Мне стало неудобно.

- Вы не могли бы распорядиться, чтобы мне сделали примочку на опухоль, - обратилась я к нему и жалостливо добавила: - Болит очень.

Граф очнулся, резко отпрянул от меня и, бросив вновь виноватый взгляд на мою рану, промолвил:

- Конечно, сейчас пришлю служанку.

Он встал и быстро вышел. Я выдохнула и осмотрела помещение, это была обставленная красивой мебелью спальня, а судя по интерьеру и темной обивке стен, мужская спальня. Я моментально напряглась, и

меня, словно током, пронзила мысль о ноже. Откинув одеяло, я в ужасе уставилась на свое почти голое тело, на котором остались только бюстгальтер, трусики и чулки на подвязках. Нож с ноги был снят вместе с ремешком, меня охватила паника.

- Миледи, Вам плохо? – спросила вошедшая уже немолодая служанка, заглядывая в мои вытаращенные от страха глаза, и стала аккуратно вытирать выступивший на моем лбу пот.

- Кто меня раздевал? – глухо поинтересовалась у нее.

- Я, миледи, - ответила она, прикладывая к ссадине пропитанную травяным раствором мокрую ткань и при этом нервозно поглядывая на меня.

- Как тебя зовут? – немного успокоившись, спросила ее.

- Дора, - коротко ответила она.

- Дора, - пытаюсь говорить спокойно, обратилась я к ней, - на моей ноге был ремешок, где он?

- Его вместе с ножом снял господин, - мгновенно покраснев, быстро проговорила она.

- А где мое платье? – спросила я, еще раз уже внимательнее оглядев комнату и не обнаружив его.

- Господин велел его почистить, - ответила служанка.

- Ты уже успела это сделать? – продолжала допытываться я.

- Нет, простите, - смутилась она.

- Тебе не за что извиняться, Дора, - повеселевшим голосом сказала я ей, - принеси его мне, пожалуйста, прямо сейчас.

Служанка поклонилась и ушла, а я с нетерпением стала ждать ее возвращения. Вероятность того, что нож не нашли, была достаточно велика, а я очень хотела, чтобы нож был у меня. Мне необходимо было вернуть себе чувство уверенности, которому никак не способствовал мой нынешний наряд, больше подходящий для стриптиз-бара или борделя. А с ножом я буду чувствовать себя хоть немного защищенной.

Вместо служанки вошел граф, лицо его было сердитым.

- Леди Ирэйна, - нахмурившись, проговорил он, подходя к постели, - платье Вам сейчас совершенно ни к чему. Вам надо лежать, Вы недостаточно окрепли, чтобы вставать.

- Мне что теперь придется под себя ходить? – раздраженно спросила его.

- Вам приготовили другое платье, - ответил он, смущенный моей



прямолинейностью.

- Мне не нужна чужая одежда, я лишь хочу надеть свое платье, - настаивала я.

- Его Вам вернут, как только почистят, - терпеливо объяснял он, - ножа там нет.

Я замерла от его последних слов, надежда рухнула, вместе с нею силы покинули меня. Что там в остатке? Слезы, отчаянье и капелька злости. Первое, как и второе демонстрировать ни к чему, а вот злость сейчас пригодится.

- Я не хочу Вас видеть, оставьте меня, пожалуйста, - проговорила я потухшим голосом и закрыла глаза.

- Как Вам будет угодно, - услышала в ответ.

Граф вышел, через некоторое время вошла служанка.

- Миледи, я принесла Вам поесть.

- Помоги мне принять ванну, - сказала ей, проигнорировав слова о еде.

Дора помогла встать, накинуть приготовленный халат и пройти в купальню. Я заставила служанку выстирать мое нижнее белье и разложить его для сушки, прямо в халате я забралась в постель и почти мгновенно заснула.

Граф Витор Бурвит сидел в маленькой гостиной, расположенной недалеко от спальни, в которую поместили графиню Монсервиль. Он расположился в кресле, держа в руке бокал с вином, к которому так и не притронулся и смотрел на два маленьких ножа, лежавших на столе. Витор понимал, что тщательно составленный план похищения дал сбой. Чувства, которые он сейчас испытывал по отношению к графине, уже вытесняли здравый смысл и вступили в противоречие с холодным расчетом. Он пытался проанализировать ситуацию.

Витор был сыном Круза Бурвита, главнокомандующего войсками государства Аракас. После проигрыша в войне с Картаром и потери ценных рудников, король Аракаса Дариэль разжаловал командующего, лишив его звания и почти всех земель. Не желая признавать свою вину в случившемся, он собирался также лишить его и титула, но в последний момент передумал. Дариэль обвинил Круза во всех неудачах, забыв, как тот отговаривал его от поспешных действий. Бурвит предупреждал, что необходимо получить как можно больше сведений о силах противника,

чтобы не оказаться в ловушке. Но молодой король был горяч и самонадеян, он практически обвинил своего командующего в трусости и предъявил ему ультиматум: если тот не перейдет к активным военным действиям, то король сам возглавит войска. Круз Бурвит знал, что король практически не имел опыта в военном деле и, как тактик, был очень слаб. Чтобы избежать бессмысленных потерь, Бурвит остался во главе армии.

Витор помнил, как отец ему говорил:

- Главнокомандующий Картара граф Монсервиль - очень сильный противник. Он возглавил армию Картара будучи моложе тебя, Витор, но с тех пор не потерпел ни одного поражения. И поверь мне, это отнюдь не везение.

Витор любил и уважал отца и мечтал сделать такую же карьеру, но все планы и мечты превратились в прах в результате последней военной кампании. После разжалования отец Витора был удален из столицы Аракаса, и теперь жил уединенно в одном из своих поместий. Он практически никуда не выезжал, не проявлял интерес к светской жизни. Витор видел, как его отец медленно угасал, и не мог смириться с этим.

Помимо земель, которых король Дариэль лишил своего бывшего полководца, семья Бурвитов потеряла рудник, которым владела с незапамятных времен, поскольку он вошел в состав территории, отошедшей Картару. Как недавно стало известно графу Бурвиту, теперь этот рудник принадлежал графу Монсервилю. Витору это казалось настолько несправедливым, что он решил отомстить, отобрав рудник у Монсервиля и вернув его отцу.

Витор со своими людьми приехали в столицу Картара еще до празднеств, они собирали сведения о графе и его семье из разных источников, но фактов, заслуживающих внимания, было недостаточно, чтобы составить хотя бы приблизительный план действий. Это продолжалось до тех пор, пока в столице не появилась графиня Элина Терваль, побывавшая перед этим в замке графа Монсервиля. Витор не захотел рисковать и лично встречаться с графиней, это сделал один из его людей. Красивый молодой мужчина проявил интерес к Элине, и она довольно быстро вступила с ним в близкие отношения. Любовники всегда встречались в таких местах, где Витор, находясь в соседнем помещении, подслушивал их разговоры. Его не смущали сопутствующие обстоятельства, он понимал, что нашел зацепку, с

помощью которой скоро сможет подобраться к своему врагу.

Графиня была обижена на Алена, она жаловалась любовнику, что граф недостаточно уважительно к ней отнесся, но в этом, как ни странно, обвиняла его жену. Всю свою злость и ненависть она не уставала изливать на эту женщину, приписывая ей все пороки. Элина сама предложила похитить Ирэйну, чтобы избавиться от нее. Напрямую графиня не говорила, что хочет стать женой Алена, но об этом несложно было догадаться. Графиня Терваль настаивала на исчезновении соперницы и даже отдала любовнику яд, который легко растворялся в жидкости. Вещество оказывало мгновенное парализующее действие, стоило только сделать пару глотков такого напитка, а через несколько часов человек умирал. Витора поразила жестокость графини, но он не собирался посвящать ее в свои планы насчет жены Алена. Любовник согласился «помочь» ей, при условии, что она узнает тайные выходы из залов дворца. Той пришлось самой платить служащим замка за сведения о тайных комнатах и выходах. Витор составил маршрут отхода после похищения и со своими людьми несколько раз отрабатывал его, стараясь предусмотреть все нюансы.

Несколько дней он издали наблюдал за женой Алена. Нельзя сказать, что она поразила Витора, но что-то заставляло обращать на нее внимание. Впрочем, сначала он отнес это к необходимости следить за ней. Взаимоотношения графа и графини Монсервилей совершенно не совпадали с той картиной, которую описывала Элина. Они тепло относились друг другу, причем не демонстрировали взаимную симпатию специально, но не заметить этого было невозможно. Также как и трудно было не заметить проявление внимания со стороны короля, а затем и принца к графине Монсервиль. Близкие отношения между супругами Витору были на руку, потому что вероятность выплаты выкупа увеличивалась, а вот вмешательство членов королевской семьи могло послужить поводом для возникновения межгосударственного конфликта, так что одним из условий возврата похищенной предполагалась конфиденциальность.

Витор не видел особых трудностей в том, чтобы расположить к себе жену Алена: он был красив, обаятелен, уверен в себе, пользовался заслуженным успехом у женщин. Граф снисходительно относился к их слабостям и недостаткам, никогда не испытывал к ним презрения. Витор легко сходился с женщинами и также легко расставался, стараясь

избегать конфликтных ситуаций.

Ирэйна с первых же минут, что называется, зацепила его. Она не поддавалась его обаянию и абсолютно непредсказуемо среагировала на его упоминание о короле и принце. Он уверен был, что делает ей комплимент, потому что любая другая женщина на ее месте именно так и восприняла бы его слова. В обществе было принято, что проявление внимания со стороны королевской особы выделяет женщину из толпы, и рассматривается всеми как знак избранности. Ирэйна восприняла высказывание Витора, как оскорбление, он не сразу поверил в это, но искренне рассмеялся, когда она в шутку упрекнула его в зависти. Вот чего он совсем не ожидал, так это того, что графиня Монсервиль окажется умна. Возможно, для него это стало неожиданностью потому, что до сих пор не встречал умных женщин. Она быстро вычислила его, и для графа это стало потрясением, к своему стыду он даже проговорился, но сумел выкрутиться.

Витор никак не ожидал, что при похищении, кроме прочих вполне предсказуемых в таких случаях чувств, он испытает еще и удовольствие. Держа графиню за талию в танце, ему приятно было ощущать тепло ее тела, а когда, торопясь покинуть зал, он ее обнял и крепко прижал к себе, то испытал сладостное наслаждение, которое совершенно невероятным образом вопреки всякой логике вполне гармонично вписалось в ситуацию. Ирэйна сразу начала сопротивляться, и доставила им небольшие хлопоты, которые они заранее предвидели, поэтому быстро справились с ними. Когда графиня начала извиваться, Витор не понял, чего она хотела, но его мужское либидо тут же среагировало на ее телодвижения, и ему трудно становилось передвигаться, он просто вынужден был сделать ей недвусмысленное замечание. Только теперь граф догадался, что она пыталась дотянуться до ножа, который находился в кармане ее платья. Услышав его провокационное замечание, Ирэйна застыла, но продолжала сверлить возмущенным взглядом, а потом, надо полагать, от обиды и отчаяния неожиданно ударила его головой. Он не придал этому значения, пока не понял, что графиня, упав ему на грудь, больше не оказывала сопротивления.

- Леди Ирэйна, что-то случилось? – спросил он в надежде, что она задумала новую каверзу.

Графиня не ответила. Продолжая бежать уже по улице, он чуть

ослабил объятия, но реакции не последовало. Витор остановился и попытался поставить ее на ноги, аккуратно поддерживая, она же начала падать.

- Леди Ирэйна, что с Вами? Ответьте мне, прошу Вас! – схватив ее за плечи и заглядывая в лицо, почти кричал он.

Увидев распухший висок, Витор испытал страх. Он подхватил ее на руки, прижал к своей груди и быстро подошел к подъехавшему экипажу. Изначально планировалось, как можно быстрее, пересечь границу Картара и остановиться в доме недалеко от нее, а уже оттуда посылать требование о выкупе. На случай возникновения непредвиденных обстоятельств было приготовлено место недалеко от столицы, где они сейчас и находились. Это был дом бывшего придворного короля Эдвара. Чуть менее десяти лет назад король начал проявлять интерес к молодой супруге своего подданного, который, уже будучи в возрасте, после шести лет вдовства, женился. Он любил свою молодую жену и воспротивился прихоти короля. Она, в свою очередь, уверяла мужа, что ей неприятны ухаживания монарха, хотя вскоре выяснилось, что сама охотно посещала спальню короля. Но Эдвар, даже добившись своего, не простил неповиновения подданного и, наказав одного, продемонстрировал другим, что их ждет в случае неподчинения. Разводы в королевстве были запрещены, поэтому вернувшаяся из столицы жена была сослана в глухое поместье, где с тех пор влачила жалкое существование. А бывший придворный велел заколотить дверь в спальню супруги и переделать ее в гостиную. Он затаил обиду на короля, и, когда к нему обратились соседи из еще недавно вражеского государства с просьбой о временном пристанище, не раздумывая, согласился помочь, ибо, как известно враги моих врагов легко становятся моими друзьями.

Вот в этот дом и принес Витор Ирэйну. Он положил ее на кровать в хозяйской спальне, она по-прежнему была без сознания. Позвать лекаря означало полный провал так тщательно продуманного и уже наполовину осуществленного плана. Витор то стоял у кровати, держа в своих руках маленькую ладошку беспомощной женщины, то в бессилии метался по комнате, не зная, что предпринять. Наконец, он позвал и служанку и приказал приготовить госпожу ко сну. Выходя из спальни, услышал испуганный тихий вскрик пожилой женщины. Граф подбежал к постели и застыл. Служанка, раздевая Ирэйну, отогнула подол ее

платья до бедер и, увидев прикрепленный к ноге нож, испугалась. Витор осторожно расстегнул ремешок под коленом Ирэйны и снял его вместе с ножом. Делал он это нарочито медленно, осторожно прикасаясь к ее изящной ножке, четко сознавая, что фактически ласкает ее.

Он кивнул служанке, чтобы та продолжала раздевать Ирэйну, а сам отвернулся и подошел к двери, но не вышел, убеждая себя, что должен здесь находиться на случай обнаружения подобных сюрпризов. Закрыв глаза, он слушал шорох снимаемого платья и продолжал мысленно ласкать ножку в тонком белом чулочке. Услышав еще один полувздых-полукрик, он рванул к кровати. Покрасневшая служанка испуганно переводила стыдливый взгляд с раздетой Ирэйны на Витора, комкая в руках снятое платье. Та неподвижно лежала в восхитительном нижнем белье, лишь отчасти прикрывающем ее потрясающее тело. Витор никогда еще не видел подобных вещей, точнее, предметов одежды, служанка, вероятнее всего тоже, поэтому и вскрикнула от неожиданности. Белые полупрозрачные кружева скорее подчеркивали, нежели прикрывали наготу, стройные ножки в белых чулках с белыми подвязками были слегка раздвинуты, полная грудь приподнималась при дыхании. Витор практически навис над Ирэйной, пожирая ее глазами. Он вздрогнул, когда услышал звук упавшего на пол предмета, служанка растерянно смотрела на платье, из кармана которого выпал нож. Витор подобрал его и вышел, приказав служанке почистить платье.

Он стоял у стола и рассматривал ножи, они были очень похожи: маленькие по размеру, в одинаковых футлярчиках, из которых легко выскальзывали и также легко помещались там. В его ладони они смотрелись как игрушки. Витор понимал, что ему предстояло выяснить, носила ли Ирэйна с собой оружие на всякий случай или знала о похищении. Он вернулся в спальню и увидел, как служанка сидела возле кровати и смачивала водой губы все еще не пришедшей в себя пленнице. Он знаком дал понять, чтобы его оставили, и занял ее место. Руки Ирэйны лежали поверх покрывала, которым она была полностью укрыта, Витор взял ее ладонь в свою руку, мысленно заклиная очнуться. Он не отрывал взгляда от ее лица, ожидая, когда она придет в сознание, и все равно для него было полной неожиданностью, когда Ирэйна приоткрыла глаза. Граф не мог сдержать радости и попытался извиниться за ссадину, причиной появления которой сам невольно стал. Ее, как обычно, непредсказуемый ответ, заставил его улыбнуться, она

заговорила о похищении, не обращая внимания на свою рану. Когда же он напомнил о ней, проявила скорее исследовательский интерес. Витор не сразу поверил, когда она попросила его наклониться поближе, и, пользуясь моментом, жадно впитывал ее запах. Ощущения, которые он испытывал, пока она трогала его подбородок, были сродни ласке. Самое невероятное, что Ирэйна не догадывалась, какое воздействие на него оказывает, а, увидев, смутилась и сразу же нашла повод избавиться от него.

Все резко изменилось, когда она узнала, что он нашел ее ножи, графиня не просто отвернулась от него, а отгородилась холодной стеной, как от врага. Он не ожидал, что ее реакция так заденет его чувства. Витор не был уверен, что хочет стать для Ирэйны другом, но с изумлением понял, что уж точно не хочет быть ее врагом.

#### **Глава 41**

Ален

- Я иду к королю, - произнес Ален, рассказавший другу о попытке объясниться с Элиной, - только он может дать разрешение на допрос графини.

- Но тогда о похищении станет известно всем. Ты уверен, что король сохранит это в тайне? – встревоженно спросил Торин.

- Не уверен, но главное сейчас - найти Ирочку, и если это может помочь в ее поисках, то готов рискнуть, - голос его дрогнул, и он отвернулся к окну. - Я должен использовать любой шанс.

Ален с тоской вглядывался в темноту, прошли сутки, а он так и не получил требования о выкупе. Граф мучился из-за того, что не смог защитить жену и не переставал корить себя за самоуверенность. Он закрыл глаза и будто снова оказался на злополучном балу.

Ален следил за незнакомцем, который танцевал с его женой, тот ему кого-то напоминал, но он, как назло, не мог вспомнить, кого именно. Граф сразу же бросился вслед, как только они исчезли за колонной. Вбежав в комнату, устремился к открытой двери, думая, что беглец вместе с Ирэйной скрылся за нею. Он еще обежал несколько помещений с приоткрытыми панелями и дверями, пока не догадался, что это был отвлекающий маневр, подстроенный похитителем, а теперь уже можно утверждать, что похитителями. Ален выбежал из замка, чтобы сообщить своим людям о похищении. Снаружи дворца находились проверенные люди, это были воины, которых нанял Ален,

поставив перед ними цель - охрана и предотвращение угрозы нападения на одного из подданных короля. Он не стал уточнять, кого именно. Часть наемников продолжила отслеживать покидающих дворец гостей, контролируя выходы по всему периметру, а часть рассредоточилась по соседним улицам, к которым могли вести потайные ходы. Ален вернулся во дворец и подошел к взволнованной леди Глории.

- Тетушка, Ирэйна пропала, скорее всего, ее похитили, - быстро проговорил он, - возвращайтесь домой, не привлекая внимания, мы с Торинком пока остаемся.

Леди Глория побледнела, но быстро взяла себя в руки, молча кивнула и стала медленно прогуливаться по залу, продвигаясь к выходу. Ален нашел Торина, тот стоял у стены, незаметно наблюдая за Элиной.

- Ирэйну похитили, - огорошил друга Ален. - Ее пригласил на танец некто граф Марвит. Когда они скрылись за колонной, я бросился вслед, но похитители меня провели, специально оставив приоткрытыми двери в комнатах. Пока я понял, в чем дело, было уже поздно, им удалось уйти. На улице людей предупредил, но я не знаю, каким именно тайным ходом они воспользовались, поэтому шансов поймать немного.

- Ты сказал «похитители», кого ты еще имел в виду? - спросил Торин.

- Я говорю о том, что одному человеку такое устроить сложно, да и подготовка чувствуется. Это не спонтанное похищение, оно тщательно готовилось.

- Элина никуда не отлучалась, - отчитался Торин, - все мужчины, с которыми она общалась на балах в эти вечера, мне известны. Утверждать не берусь, но, по-моему, они не могут быть причастны к похищению. Как думаешь, стоит продолжать наблюдение за ней?

- Думаю, это не будет лишним, а я постараюсь поговорить с принцем.

- С принцем? – удивился Торин.

- Да, не спрашивай, пожалуйста, это не моя тайна, - ответил Ален и быстро покинул друга.

Принц Генри находился в зале, его, как обычно, окружала свита из придворных. Ален подошел к ним и со светской улыбкой обратился к принцу:

- Ваше Высочество, не могли бы Вы мне уделить несколько минут Вашего внимания?



- Не откажусь побеседовать с Вами, граф, - сказал принц и поднялся, - прошу пройти со мной.

Отправляясь вслед за принцем, Ален отметил, что король проводил их недовольным взглядом. Они прошли в одну из комнат апартаментов принца, Генри обернулся к Алену и встревоженно спросил:

- Что случилось? Где Ира?

Ален растерялся, он еще не привык к такой фамильярности, но собрался и быстро ответил:

- Мою жену похитили около часа назад, ее вывели, скорее всего, через тайный ход. Это произошло во время танца с графом Марвитом.

- Вы знали, что готовится ее похищение? – напрямую спросил принц.

- Нет, но не исключал подобного варианта, - честно ответил Ален.

- И что Вы сделали, чтобы предотвратить его?

- Нанял воинов, чтобы контролировать дворец снаружи. Дом, где мы остановились, охраняют люди Торина и мои, прибывшие из замка.

- А во дворце установили хотя бы наблюдение за ней?

- Ваше Высочество, во дворец для присутствия на балах нанять воинов без разрешения короля невозможно, это приравнивается к бунту и карается законом.

- Понятно, - сказал Генри, выслушав графа, - нужно проверить списки приглашенных и узнать, кто разрешил пройти этому Марвиту во дворец.

- Осмелюсь предположить, Ваше Высочество, что в списках его может и не быть, а проникнуть во дворец он мог через тайный ход. И еще, это может привлечь излишнее внимание к моей жене, - заметил Ален.

- Вы правы, – задумчиво ответил принц на последнее замечание, затем уточнил: - Значит, кто-то из служащих дворца помог похитителю, не так ли?

- Совершенно верно. Если позволите, - ответил Ален и после кивка продолжил: - Необходимо узнать, кто давал сведения о тайных ходах дворца и по чьей просьбе это делал.

- Думаете, будут требовать выкуп за Иру? – помолчав, спросил Генри.

- Я надеюсь на это, - откровенно ответил Ален.

- Если возникнут трудности любого порядка, я настаиваю, чтобы

Вы о них сообщили, и обязательно держите меня в курсе происходящего, конфиденциальность я гарантирую, - потребовал принц, а потом добавил: - Я недавно обрел друга, и терять его не собираюсь.

Затем принц дал задание службе охраны замка и предложил Алену подождать результатов. Через час стало известно, что сведения о тайных ходах собирала графиня Элина Терваль. Ален сообщил об этом Торину. Оба понимали, что без разрешения короля официально допрашивать графиню нельзя, поэтому решили, что Ален просто поговорит с ней.

- Вы позволите пригласить вас на танец, леди Элина, - спросил Ален, спокойно глядя в лицо бывшей любовнице.

- С удовольствием, - ответила она, торжественно улыбаясь, - это так неожиданно.

- Элина, где моя жена? – спросил Ален, внимательно наблюдая за ее реакцией.

- Она опять сбежала от Вас? – расцвела графиня.

- Не надо со мной играть, я все знаю про Вас и виконта Плеринга.

- Вы хотите сказать про Вашу жену и виконта Плеринга? – забавлялась Элина.

- Лучше Вам сейчас признаться, кто похитил мою жену, и я Вас прощу, - пытался достучаться до графини Ален.

- Я ни в чем не виновата перед Вами, дорогой Ален, - напыщенно заявила графиня. - Вы так и не научились выбирать женщин, никогда не могли оценить меня по достоинству.

- Вам был дан шанс, графиня, и, кажется, Вы его упустили, - больше не скрывая презрения, громко произнес Ален, - в ближайшее время Вам, графиня Терваль, придется платить по счетам, так начните прямо сейчас!

С этими словами Ален стряхнул ее руку, резко развернулся и оставил посреди зала. Брошенная, фактически униженная партнером, она стояла и смотрела ему вслед, кусая от бессилия губы под ехидные насмешки танцующих пар и довольное шушуканье наблюдавших с жадным любопытством сплетников.

На следующий день Ален просил аудиенции у короля, тот его принял.

- Ваше Величество, тревожные обстоятельства вынудили меня

обратиться к Вам, - говорил он, стараясь скрыть волнение. - Прошло уже более суток, как похитили мою жену. Мне известно, что графиня Терваль имеет к этому отношение, поэтому прошу дать разрешение допросить ее.

- Вы предъявляете серьезное обвинение графине. А почему так уверены, что Вашу жену похитили? Может быть, она сама оставила Вас? Насколько я заметил, Ваша супруга не отличается послушанием, - не скрывая насмешки, проговорил король.

Ален молчал, уговаривая себя потерпеть ради Ирэйны. Эдвар, наблюдая за страданиями своего верного подданного, не испытывал сочувствия, его беспокоило лишь собственное задетое самолюбие. Не дождавшись ответа, король, наконец, произнес:

- Я сам поговорю с графиней, и завтра Вы узнаете о моем решении.

## **Глава 42**

Ирэйна

Я проснулась и сразу увидела свое платье. Вошла Дора и помогла мне принять ванну. Ссадина уже несильно беспокоила, но я решила не отказываться от помощи на случай разных головокружений.

- Господин ждет Вас в столовой, - сказала она, - я провожу Вас.

- Добрый день, - поприветствовала я своего похитителя и приступила к трапезе.

- Как Вы себя чувствуете, леди Ирэйна? – начал разговор граф.

- Я в состоянии выслушать Вас, - ответила ему.

- Что Вы хотите услышать? – спросил он и посмотрел на меня виноватым взглядом.

Сказку о рыбаке и рыбке, блин! Он издевается, что ли?

Я прекратила есть и хмуро уставилась на собеседника. Глядя на меня, он тоже отложил вилку и нож.

- Не знаю, как Вам объяснить, чтобы Вы правильно поняли меня, - бубнил граф.

- Цель похищения? – командирским тоном поинтересовалась я.

- Выкуп! – тут же отрапортовал он.

- Требования о выкупе предъявлены? – продолжила я тем же тоном, но на этот раз не сработало.

- Нет, еще не предъявлены? – с улыбкой ответил граф.

- Чего сидим? Кого ждем? – усмехнулась я.

- Никого не ждем. Понимаете, все оказалось гораздо сложнее, -

опять невнятно забормотал он. - Мне нужно еще подумать, посмотреть.

- Вы что еще не насмотрелись на мои вещи? – спросила его.

Дальше произошло невероятное, граф посмотрел на меня каким-то обалдевшим взглядом, потупил глаза и стал стремительно краснеть.

- Послушайте, как же Вы выкуп требовать собираетесь, если из-за пары ножей так переживаете? – спросила я в замешательстве.

- Ножей?! При чем здесь ножи?– нервно переспросил граф.

- А Вы что-то еще из моих вещей взяли? – глядя на него, я тоже начала нервничать.

- Ничего я у Вас не брал, - резко ответил он и смущенно добавил, - кроме ножей.

Мдааа... Пока я сумею хоть что-то понять, состариться успею. Я сделала еще одну попытку:

- Послушайте, граф...

- Витор, зовите меня Витор.

- Хорошо, Витор, - повторила я, - я просто хочу понять, что Вы намерены теперь делать.

Он молчал.

- Вы меня похитили, чтобы получить выкуп, так? – осторожно спросила я.

- Так, - покаянным тоном ответил Витор.

- А можете уточнить, какой выкуп, его размеры?

- Рудник в Аракасе.

- Это новые территории Картара? – уточнила я.

- Да, - нехотя проговорил он.

Странно, какой необычный выкуп понадобился. Почему не деньги или драгоценности? Потребовать рудник – это все равно, что сделать явку с повинной, если только...

- Кому раньше принадлежал рудник?

Молчание.

- Вам, Витор?

- Нашей семье, - тихо сказал он.

- Понятно, значит, Вы из Аракаса?

- Да.

- Что должен сделать мой муж? Оформить какие-то документы типа дарственной? – продолжала выяснять я.

- Оформить документы на продажу.

- А как я пройду по документам? – спросила его, а что? мне просто любопытно стало.

- О чем Вы говорите? – возмущенно воскликнул Витор. - В документах будет указана сумма, которую мы выплатим сразу, а остальную сумму отдадим в течение нескольких лет.

- Мы? – зацепилась я.

- Мое настоящее имя Витор Бурвит, мой отец граф Круз Бурвит был главнокомандующим армии Аракаса. После того, как вы победили, наш король разжаловал отца, изгнал из столицы, лишил почти всех земель, - голос Витора уже срывался на крик. - Чуть титула не лишил, ничего не оставил, ни наследства, ни чести.

- Вы не правы, лишить можно титула, а чести - невозможно. Ее можно только потерять, а это уже зависит от самого человека, а не от воли правителя, - возразила я.

Витор смотрел на меня горящими глазами и жадно слушал. Я продолжила:

- Насколько я понимаю, Ваш отец до конца был с королем и выполнил свой долг. А потом его лишили земель и богатства. Это король предал его, а Ваш отец как был, так и остался человеком чести.

Когда я замолчала, у Витора был вид странника, бредущего по пустыне и изнывающего от жажды, которому дали, наконец, глоток воды. Мы вышли из столовой и прошли в гостиную. Я сидела в кресле и наблюдала за расхаживающим из угла в угол графом. Через некоторое время он все же уселся и стал рассматривать меня странным взглядом.

- Витор, поскольку Вы меня похитили, теперь Вы должны потребовать выкуп, - попыталась я направить нашу беседу в деловое русло.

Он улыбнулся, в глазах его появился какой-то шальной блеск, затем загадочно промолвил:

- Я, возможно, не буду требовать выкупа.

- То есть, как это не будете? – взвилась я. - Мой муж волнуется, ждет требования, а Вы тут в какие-то игры решили поиграть? Почему Вы тянете? Мне нельзя здесь задерживаться, скоро сын начнет первые шаги делать, а я из-за Вас это пропущу! В конце концов, будьте последовательны: раз похитили, теперь Вы просто обязаны потребовать выкуп!

Граф ошалел от моего возмущенного выступления, потом

смущенно спросил:

- Вы уверены, что Ваш муж согласится отдать рудник в обмен на Вас?

В ответ я пожала плечами, но потом все же добавила:

- Если бы подобное случилось с моим мужем, я бы все отдала в обмен на него.

### **Глава 43**

Ален

На следующий день Ален стоял в покоях короля, который развалился перед ним в кресле и с пренебрежительной насмешкой слушал его.

- Ваше Величество, графиня Терваль может быть причастна к похищению моей жены, она собирала сведения о подземных ходах дворца, через которые ушли похитители. Более того, ранее она уже участвовала в подобном, точнее организовала похищение моей супруги. У меня есть письменное подтверждение ее соучастника.

- Я, как и обещал, поговорил с графиней. Видите ли, Ален, ее слова не совпадают с Вашими. Мне же следует рассматривать ситуацию со всех сторон и принять справедливое решение, - уже в открытую глумился король, - я принял сторону графини, она, знаете ли, умеет убеждать.

- Не Вас первого, Ваше Величество, - не выдержав оскорбления, с сарказмом произнес Ален. - Вы в этом длинном списке находитесь где-то в конце, проходите после виконта Плеринга.

Развернувшись и не попрощавшись, он покинул покои короля, тем самым нарушив все правила дворцового этикета.

В соседней комнате Элина слушала разговор и довольно ухмылялась до тех пор, пока не услышала последних слов Алена, которые напугали ее. Она со страхом ждала возвращения короля. Он вошел, окинул ее взбешенным взглядом и ударил по лицу. Элина пошатнулась и схватилась за щеку.

- Вы посмели унижить меня перед моими подданными, - прошипел король.

- Простите меня, Ваше Величество, - бросилась ему в ноги Элина, - я не хотела.

Король вырвался из ее рук, которыми она пыталась обхватить его и зловеще проговорил:

- Вы будете казнены!

- Смилуйтесь, Ваше Величество! – в ужасе зарыдала графиня, снова кинувшись к королю.

Он отшвырнул ее и продолжил:

- Это будет публичная казнь на площади. Официально Вас казнят за похищение жены главнокомандующего армии, но когда Вам будут отрубать голову, Вы точно будете знать, что казнены за то, что решили посмеяться над королем!

Эдвар, метаясь по комнате и расшвыривая попадавшие на его пути, предметы мебели, не заметил, как ужас на лице графини сменился ненавистью. Она осторожно подползла к столику и, повернув кольцо на руке, незаметно высыпала из него порошок в бокал с вином, затем также осторожно отползла к дивану.

Наконец, король остановился у столика и презрительно посмотрел на графиню, стоящую на коленях с опущенной головой. Он усмехнулся и, не отрывая от нее взгляда, взял свой бокал и сделал несколько глотков. Почувствовав сильное жжение, он схватился за горло и стал медленно оседать на пол, не в силах вымолвить ни слова. Графиня смотрела ему прямо в глаза и произнесла с мстительной улыбкой:

- Ну что ж, Ваше Величество, все будут думать, что Вы умерли от какой-нибудь болезни, например, сердечного приступа, но Вы точно знаете, что умираете, потому что посмели оскорбить и унижить графиню Элину Терваль!

Король беспомощно повалился на пол и не мог пошевелиться, сказывалось действие парализующего яда. Элина встала и, больше не обращая внимания на умирающего короля, метнулась к тайному выходу, но убежать не успела, столкнувшись с принцем и двумя стражниками, еще двое стражников появились из дверей комнаты.

Алена срочно вызвали к принцу. Он шел к нему с тяжелым сердцем, перед глазами стояла глумливая усмешка короля. Граф не сразу заметил, что дворец опустел, всюду сновали стражники, изредка встречались придворные с перепуганными лицами. Алена провели в кабинет принца, тот был взволнован и без предисловий сообщил:

- Случилась беда, графиня Терваль отравила короля парализующим ядом. Врачи сказали, что ему осталось жить меньше суток.

Ален никак не прореагировал на известие, с удивлением понял, что ему это абсолютно безразлично, он молча смотрел на принца.

- Требование о выкупе не поступали? – вдруг спросил Генри.

- Нет, Ваше Высочество, - напряженно ответил Ален.

- Чтобы не придавать огласке похищение Ирэйны, Вы сами допросите графиню Терваль, только Ваш друг граф Ривган может присутствовать при этом, - коротко сказал Генри.

Элина одна лежала в камере на грязной соломе. После порки плетью платье на ней было порвано, волосы спутались и висели клочьями, лицо покраснело и опухло от слез. Она уже ничем не напоминала самоуверенную красавицу. Увидев Алена и Торина, графиня медленно поползла к ним:

- Ален, ты пришел! Я знала, что ты не бросишь меня! – причитала она.

Вдруг Элина заметила вошедшего следом палача и сжалась от страха. Огромный мужчина с изуродованным лицом был глухой, он не слышал крики и мольбы людей, которых пытал, и, возможно, поэтому делал это абсолютно равнодушно.

- Где Ирэйна? – спросил Ален, не позволяя ей притронуться к себе.

- Не пытайся больше лгать, теперь тебе уже никто не поможет!

- Я все расскажу, если ты вытащишь меня отсюда! – выкрикнула Элина.

По знаку Алена палач ударил ее плетью, она завопила.

- Если ты сейчас не признаешься, то палач изуродует твое лицо, - вмешался Торин.

Его слова подействовали, и она заговорила:

- Я попросила Сорика, своего любовника, похитить Ирэйну, он согласился.

- Кто такой Сорик?

- Не знаю, я не видела его раньше при дворе, он попросил узнать про тайные ходы.

- И что ты ему обещала за похищение? – спросил Ален.

- Ничего, мужчины за один мой поцелуй готовы на все, - забывшись, спесиво произнесла Элина, а потом, вспомнив, где находится, разрыдалась.

- Где его можно найти? – на этот раз вопрос задал Торин.

- Не знаю, после того как я сообщила ему о тайных ходах, Сорик больше не появлялся, - неохотно призналась она.

- Куда твой любовник хотел увезти мою жену? – задал вопрос



Ален.

- Мне неизвестно, - ответила графиня, а получив еще один удар плетью, неожиданно захохотала, как сумасшедшая, выкрикивая: - Ты ее больше не увидишь, Ален! Она мертва. Я дала Сорику парализующего яда, чтобы он подсыпал ей в воду. Мне давно надо было сделать это!

Внутри Алена все оборвалось. Торин вывел его из камеры, чтобы не слышать истеричные крики Элины.

- Это неправда, я ей не верю! - потрясенно прохрипел он.

#### **Глава 44**

Ирэйна

Ночью мне снился Ален, он сжимал меня в объятиях и ласкал грудь. Как же я соскучилась по нему! Я застонала и привычно выгнулась навстречу его губам. Лишь на мгновение замерев, он стал покрывать меня неистовыми поцелуями. Его руки безудержно блуждали по моему телу. Он стал нежно ласкать средоточие моего желания, и я задрожала.

«Ирэйна», - услышала я то ли выдох, то ли стон. Никогда Ален не называл меня так в моменты близости! Я замерла и открыла глаза. Склонившийся надо мной мужчина продолжал целовать меня.

- Пусти, - уперлась ему руками в грудь и попыталась оттолкнуть. Он поднял голову, я узнала Витора.

- Ирэйна, любимая! – воскликнул он и хотел поцеловать в губы, но я отвернулась, продолжая сопротивляться.

Он, навалившись всем телом, удивленно смотрел на меня. Еще бы не удивиться, только что млела, и вдруг резко охладела.

- Мне снился Ален, - пробормотала я жалкое оправдание, но, кажется, упоминание о муже только разозлило его.

Его глаза сузились, одной рукой он схватил меня за запястья и закинул их вверх, а другая продолжила ласкать меня там. Губы его в отчаянии терзали мою грудь. Мне стало страшно, я поняла, что своим сопротивлением еще больше провоцирую его. Я глубоко вздохнула и замерла, Витор не останавливался, стянув с меня трусики, он начал пристраиваться между бедер.

- Насиловать будете, граф? – презрительно спросила я высокомерным тоном.

Витор замер, запрокинув голову, потом, не глядя мне в глаза, стал медленно подниматься. Как только он встал с постели, я накинула на

себя покрывало и напряженно продолжала следить за ним. Он скованно подошел к двери, взявшись за ручку, оглянулся и посмотрел на меня. Мой взгляд, видимо, был достаточно красноречивым, потому что граф быстро вышел из спальни.

Я с трудом села, меня стала пробирать нервная дрожь. Обняв руками колени, опустила на них голову и заревела от обиды и отчаяния, и плевать мне было, что это недостойно благородной дамы.

Закрыв за собой дверь, Витор так и не решился отойти от нее. Он не хотел поверить в очевидное, где-то мелькала безумная надежда, что Ирэйна позовет его, ведь она так откровенно отвечала на его ласки. А потом он услышал ее плач, и вожделение отступило, пришло осознание, что он был в шаге от катастрофы. В его памяти вдруг всплыли ее слова: «Чести лишить невозможно. Ее можно только потерять, а это уже зависит от самого человека». Кажется, он только что чуть не потерял свою честь.

Ирэйна

Утром я отказалась идти в столовую, Дора принесла завтрак в спальню. Полдня я просидела одна, мучаясь от неизвестности и безделья. И, когда служанка сказала, что меня ждут в гостиной, я сразу прошла туда. Витор поприветствовал меня, он был серьезен и сосредоточен.

- Леди Ирэйна, я отдаю себе отчет в том, что не заслуживаю прощения за свой поступок, и я говорю не о похищении, - голос его звучал твердо, - но позвольте мне хоть как-то загладить свою вину.

Я внимательно слушала, настороженно поглядывая на него.

- Я говорил правду, когда рассказывал о похищении и выкупе, но произошло то, чего я никак не мог предвидеть, - он замолчал, не решаясь говорить, но все же продолжил: - Я полюбил Вас и хотел, чтобы Вы остались со мной. Мне уже не нужен был выкуп, ничего не нужно, только бы Вы были со мной.

Витор надолго замолчал, я тоже замерла, не зная чего ожидать от него после этих слов.

- Но понял, насколько был эгоистичен и самонадеян, когда... обидел Вас, - продолжил он, тщательно подбирая слова, - поэтому сейчас я отпускаю Вас, Вы абсолютно свободны.

Я молчала оглушенная его признанием. По-видимому, он устал

ждать моей реакции и снова обеспокоенно заговорил.

- Чтобы Вы поняли, что я с Вами честен, расскажу о похищении, его помогла осуществить графиня Элина Терваль. С ней познакомился один из моих людей, но она не подозревала о наших планах. А потом в благодарность за ..., - Витор замялся.

- За оказание интимных услуг, - очнулась я, услышав имя этой неугомонной стервы.

- Да, - подтвердил он, - она сама предложила похитить Вас

- А после похищения меня должны были отправить в чужую страну? – равнодушно спросила его.

- Нет, - сказал Витор и замолчал, но увидев, что я жду ответа, закончил: - Она настаивала, чтобы Вам подсыпали яд, сначала бы Вас парализовало, а через несколько часов Вы должны были умереть.

А я думала, что меня уже ничем было невозможно удивить. Мдааа... Похоже, эта дама не успокоится, пока не изведет меня.

- Получается, что Вы меня спасли, - проговорила я и искренне добавила: - Спасибо, Витор.

- Я рад, что оказался Вам полезен, - улыбнулся он.

- Как я доберусь домой, и что будет с Вами, когда мой муж узнает о похитителе, то есть о Вас? – спросила я.

- Моя жизнь в Ваших руках, и Вам решать, что будет дальше со мной. Ночью я послал нарочного к Вашему мужу, где сообщил, чтобы он сегодня ждал Вас в экипаже недалеко от дороги, ведущей к поместью графа Торина Ривгана, - проговорил Витор и спокойно сел в кресло.

Я растерянно смотрела на него, пока до меня не дошло, что он действительно поставил свою жизнь на кон.

- Вы назвали мужу свое имя? – спросила я.

- Да.

- Так, тогда предлагаю поступить следующим образом: я сама расскажу мужу о похищении, о графине, о том, что Вы фактически спасли меня от смерти. Вы поняли, что своим поступком могли навредить своему отцу, поэтому решили отказаться от выкупа. Будет лучше, если к мужу меня отвезете не Вы, а Ваш человек.

Витор улыбался, потому что понимал, что предложенная мною трактовка событий, мягко говоря, малоубедительна, я и сама это понимала. С другой стороны я же расскажу правду, лишь не заикливаясь на некоторых деталях, самым слабым местом было

довольно длительное время моего отсутствия, но, в конце концов, надо же было человеку подумать, не так это легко отказаться от рудника. Кстати...

- А как же рудник, Витор? – улыбаясь, спросила я. - Может, все-таки выкуп? Такая версия будет выглядеть достовернее.

- Это была глупая затея, но благодаря ей я встретил Вас, - ответил он, грустно улыбаясь.

- Витор, я прощаю Вас и знаете, как это ни странно, тоже рада, что познакомилась с Вами, - с улыбкой сказала ему, поднимаясь с кресла.

Граф подошел ко мне, он был напряжен, глаза его лихорадочно блестели:

- Мы, наверное, никогда больше не увидимся, и, если Вы меня действительно простили, Ирэйна, я прошу поцеловать меня так, будто я для Вас единственный мужчина на этом свете.

Он замер в ожидании. Я смотрела в его синие глаза, в которых было столько отчаяния, что мне захотелось стереть его. Приблизилась к нему почти вплотную и провела рукой по его щеке, он не шелохнулся. Тогда я взяла в ладони его лицо и попробовала его губы на вкус, проведя по ним языком и захватив своими, а потом, прижавшись всем телом, обхватила его за шею. Витор, крепко обняв меня и припав к моим губам, стал страстно целовать. Он целовал, пока хватало воздуха, потом посмотрел на меня опьяневшим взглядом, я тихонько отстранилась, он не стал удерживать. Я попятилась от него. Резко развернувшись, граф вышел. Я плюхнулась в кресло и сидела, пока мне не сообщили, что подъехал экипаж, чтобы отвезти меня к месту встречи с мужем.

Витор стоял у окна и провожал взглядом экипаж, в котором уезжала его любимая. Он не обманывал Ирэйну, когда называл так. Витор никогда не испытывал таких удивительных чувств, которые пробудила в нем эта невероятная женщина. И сомневался, что когда-нибудь сможет еще испытать. А через месяц после этих событий изумленный отец покажет ему письмо от графа Монсервиля, в котором тот предложит совместное управление рудником с равным распределением прибыли.

## **Глава 45**

Ирэйна

Экипаж остановился, его дверца тут же распахнулась, и я увидела Алена. Мы на мгновение замерли, уставившись друг на друга. Затем он протянул мне руку, но я бросилась к нему и повисла на шее. Он крепко обнял меня, зарывшись в волосы. Не знаю, сколько бы мы так простояли, если бы Торин не окликнул нас, я повернула голову и улыбнулась ему. Ален аккуратно поставил меня на ноги но, заметив на лице ссадину, нахмурился:

- Тебя ударили?

- Нет, милый, - успокаивала я его, улыбаясь,- это я сама постаралась.

Ален обнял меня за талию и повел к своему экипажу. Карету покачивало, Ален держал мои руки и не спускал с меня глаз. Не в силах больше смотреть на его измученное лицо я прикоснулась к его щеке, он тут же поцеловал мою руку.

- Прости, что из-за меня тебе пришлось столько времени страдать, - не выдержала я.

- Все это теперь не важно, главное – ты снова рядом со мной, - взволнованно ответил он.

Услышав деликатное покашливание Торина, я посмотрела на него и сказала:

- Спрашивайте, Торин.

- Почему не приехал граф Витор Бурвит? – тут же задал он вопрос.

- Я подумала, что так будет правильнее, - честно ответила ему.

Они оба удивленно смотрели на меня, и я начала рассказывать про то, как графа Бурвита король Аракаса обвинил в поражении в недавней войне, изгнал из столицы, лишив почти всех земель. Про то, что сын графа Витор решил отомстить за отца и, узнав, что их рудник теперь принадлежит графу Монсервилю, похитил его жену, то есть меня, чтобы обменять потом на этот самый рудник. Про Элину, которая не знала, что ее используют, и сама предложила людям Витора похитить меня, чтобы потом подсыпать смертельного яда и даже снабдила им. Что, похитив, Витор спас меня от смерти.

- Элина не остановится, пока не убьет меня, - проронила я.

- Она не сможет этого сделать, - возразил Торин, - поскольку ее скоро казнят. Она убила короля таким же ядом.

- Зачем? И как ей это удалось? – удивленно спросила я.

Торин отвечал на мои вопросы, а Ален, обняв меня за плечи,

прижал к себе и молчал.

- Почему Витор Бурвит не стал требовать выкупа? – продолжил расспрашивать Торин, закончив свой рассказ.

- Передумал, - честно ответила я.

- Почему передумал? – недоуменно спросил Торин.

- Потому что понял, что таким способом не поможет отцу, а сделает только хуже, да и свою жизнь загубит.

После моих слов Ален отодвинулся от меня, чтобы заглянуть в лицо, а Торин рассмеялся. Потом, вдруг совершенно серьезно сказал, обращаясь к Алену:

- Ты напрасно сомневаешься в словах Ирэйны, вполне могло случиться, что Витор Бурвит вспомнил, что он человек чести. Твоя жена обладает редким талантом пробуждать в людях благородные порывы.

Когда мы вышли из экипажа, я увидела, что нас встречали почти все домочадцы. Увидев родных и близких людей, сердце заколотилось от радости и подскочило к горлу. Мы поднимались с Аленом по лестнице, когда я остановилась, в который раз растерянно оглядывая встречающих. Ален недоуменно посмотрел на меня, а я уже начала уговаривать себя не паниковать раньше времени, когда услышала строгий голос тетушки:

- Ваш сын спит, Ира.

Я радостно улыбнулась ей и легко взбежала по лестнице.

Подойдя к леди Глории, стоящей с прямой спиной и высоко поднятой головой, я обняла ее и расцеловала в обе щеки.

- Мне, видимо, заново придется обучать Вас хорошим манерам, - надменно произнесла тетушка, покрасневшая от удовольствия, - займись этим в ближайшее время.

- Я Вас тоже обожаю, - ответила я на ее выпад.

Вилсон, Артур и Герта стояли рядышком и от нетерпения переминались с ноги на ногу. Я каждого расцеловала в щеки, а потом обняла, как могла всех троих и сказала:

- Знаете, если бы вы были рядом, мне кажется, со мной бы ничего этого не случилось.

Они зарделись от удовольствия и гордо задрали свои носики. Окинув взглядом остальных, я от души поблагодарила их за добрые слова приветствия.

- Прибыл посланец от принца, он ждет Вас во дворце, - сказал

подошедший Торин.

- Я еще сына не видела, да и не отдохнула с дороги, передай, что мы завтра придем, - ответила я Торину.

- А если ему необходимо о чем-то срочно поговорить? – нерешительно спросил он.

- Если что-то срочное, пусть приходит к нам, будем рады, - беспечно сказала я, и обратилась к Алену: - Пойдем к сыну.

Мы с мужем стояли у детской кровати, смотрели на спящего малыша, и я чувствовала, как ощущение счастья снова заполняет меня.

После ужина мы разместились в большой гостиной, посредине стоял манеж, в котором ползал Ажан, вокруг манежа прямо на полу сидели дети, мы с Аленом разместились на диване, а тетушка и Торин занимали два кресла напротив нас.

Дверь распахнулась, вошел дворецкий с округлившимися глазами и обратился к Торину:

- Ваше Сиятельство! Прибыли Его Высочество и желают видеть леди Ирэйну.

В гостиную вошел хмурый принц, все встали и поприветствовали его.

- Леди Ирэйна, я хотел бы поговорить с Вами, - сказал Генри, глядя на меня.

Я молчала и тоже нахмурилась.

- И с Вашим мужем, - догадался добавить принц.

- С удовольствием, Ваше Высочество, - расплылась я в улыбке.

- Дети, ступайте за мной, - произнесла тетушка и величаво направилась к выходу, дети чинно следовали за ней.

- А Вас, Торин, я попрошу остаться, - не удержалась я.

Ален и Торин удивленно замерли, а Генри рассмеялся. Торин нерешительно смотрел то на принца, то на меня.

- Оставайтесь, Торин, - повторил мою просьбу принц, видя его сомнения.

- Ира, так нельзя делать, ты все правила нарушила и меня заставила нарушить, - высказал мне по-русски принц.

- Да брось, Ген, чего ты идешь на поводу у этих ретроградов? Устанавливай свои правила, и пусть они подстраиваются под тебя, а не наоборот.

Генри посмотрел на меня, тепло улыбнулся и произнес:

- Как все-таки хорошо, что я тебя встретил! Я вообще-то хотел узнать, как ты себя чувствуешь, сейчас вижу, что нормально. И не вздумай больше пропадать!

Теперь улыбалась я. Торин смотрел на нас с принцем встревоженно, лицо мужа было напряжено.

- Торин, - обратилась я, - ничему не удивляйся и привыкай.

Мужчины хранили молчание и смотрели на меня.

- Генри, - пришлось снова заговорить мне, - ты скоро станешь королем, тебе потребуется команда, два человека, которым ты можешь доверять, у тебя уже есть.

Я взглянула на Алена и Торуна. Алел посмотрел на принца и склонил голову, Торин проделал тоже самое.

- Три человека, - уточнил улыбающийся принц, глядя на меня.

- Тогда уж сразу четыре, правда, Ажан? - засмеялась я, глядя на сына.

Он как раз стоял, ухватившись за бортик манежа, и слегка пошатывался. Услышав меня, обернулся и, отцепив одну ручку, сделал неуверенный шаг в мою сторону. Мы все замерли, наблюдая за ним, а он, раскинув в стороны ручки, проделал путь, длиною в три шажка, прежде, чем плюхнуться на попку.

- Радость моя, солнышко маленькое! – подхватила я его на руки, не давая возможности захныкать, и взволнованно обратилась к мужу: – Алел! Ты видел это?

- Да, милая, видел, - произнес он, обнимая нас.

- Все присутствующие здесь являются свидетелями этого грандиозного события, - смеясь, подтвердил Генри.

Он собрался уходить, и на прощание я пообещала ему:

- Не волнуйся, Генри, на людях при общении между нами не будет никакой фамильярности, все будет все вполне официально.

- Спасибо, - поблагодарил будущий король и, обращаясь к нам, попросил: - Не уезжайте пока из столицы, вы мне нужны.

- Не бойся, мы с тобой! – напомнила я ему еще одну знакомую только нам двоим фразу.

Мы тут же сообщили домашним об успехах Ажана, и в этот вечер он еще дважды порадовал нас, сделав несколько шагов, все, затаив дыхание, смотрели на это действие, а потом дружно аплодировали.

Мы прощались с Торином и собирались уложить сына спать. Алел



стоял и держал в одной руке сына, который трогательно прижался к нему, а другой обнимал меня. Торин, стоя на пороге, произнес:

- А знаешь, в нашем давнем споре все-таки ты оказался прав, друг, потому что действительно встретил свою единственную. Я рад за тебя, Ален!

Он хлопнул друга по плечу, грустно улыбнулся мне и ушел.

Это была ночь нежности. Ален бережно уложил меня на кровать и стал медленно снимать пеньюар, целуя и лаская языком каждый обнажающийся участок кожи. От его горячего дыхания, как от касания перышком, по телу пробегала дрожь, и оно начинало вибрировать. Язык Алена, выводящий на моей коже немыслимые узоры, и легкие поглаживания кончиками пальцев чувствительных мест превратились в сладостную пытку, которую он не спешил заканчивать. Я взяла в руку орудие его страсти и тихонько сжала, Ален напрягся и застонал, а когда я стала двигать легко сжатыми пальцами по всей его длине, то он не выдержал и, сдерживаясь, медленно вошел в меня. Глядя мне в глаза, он не спеша двигался, иногда полностью выходя из меня и вновь заполняя собой. Низ живота налился тяжестью, дыхание участилось, и волны наслаждения захлестнули меня.

Я нежилась в объятиях мужа, когда услышала:

- Знаешь, я все эти дни молился, чтобы выдвинули требование о выкупе. Я ничего бы не пожалел, чтобы вернуть тебя.

- Наши желания совпадали, я настаивала, чтобы у тебя поскорее затребовали выкуп, потому что знала, как тебе тяжело.

- Жена моя, - шутливо проговорил муж, почувствовав, что я от него что-то скрываю, - я все о себе рассказал, а есть что-нибудь еще, о чем ты мне не сказала?

- Я еще не говорила, что люблю тебя, - ответила я, глядя в сияющие от счастья глаза мужа.